

КИРИЛЛ КЛЕВАНСКИЙ

МАТАБАР
IX

Матабар

Кирилл Клеванский

Матабар IX

«Автор»

2026

Клеванский К. С.

Матабар IX / К. С. Клеванский — «Автор», 2026 — (Матабар)

Продолжение приключений последнего из племени горных охотников, Ардана Эгобара. Конгресс завершен, но к чему приведут его последствия? Арду придется разобраться с этим и... не только. Обучение в Большом все еще продолжается. А на горизонте новые приключения, гонки, исследования, путешествия по Империи и все то, чем полна жизнь в Метрополии, столице Империи Новой Монархии.

Содержание

Глава 121	6
Глава 122	19
Глава 123	30
Глава 124	43
Глава 125	59
Глава 126	68
Глава 127	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кирилл Клеванский

Матабар IX

Кирилл Клеванский

* * *

Глава 121

Плыли льдины. Неповоротливые, растрескавшиеся, немного кучерявые своими снежными, искристыми намерзшими локонами. Их гнал весенний ветер, который вспенивал маленькие барашки ряби на быстрой воде канала, облизывавшего предпоследнюю отметку перед страшным словом «НАВОДНЕНИЕ».

После столь снежной зимы, когда даже с помощью военных и корпуса стражей городские службы не справлялись с завалами, Ньюва вновь грозила выйти из берегов. И на сей раз не сварливым, холодным, мрачным тоном, лишь издалека грозящим перехлестнуть гранитные берега, а вполне себе явным предупреждением.

Так что там, впереди, на выходах из каналов и в местах, где черные нити, пронзавшие Метрополию, сливались со своей матерью, несущей воды в Ласточкин залив, без усталости трудились баржи. Десятки людей в несколько смен при помощи длинных копий и буров ломали льдины, чтобы не заперли друг друга в узких местах и не начали таять.

Не то чтобы это сильно помогало, но город старался обезопасить себя от очередного бедствия хотя бы так. Хотя бы тем, что мог контролировать. Потому что стоит растаявшим ледяным шапкам на холмах пройти через грунтовые воды, пересечь плывуны и влиться в реку, как горожанам придется вспомнить, почему у каждого в доме хранятся резиновые сапоги с высоким, как у кавалерийских ботфорт, голенищем.

Ардан смотрел на льдины и чувствовал себя так, будто его уже захлестнула черная, тяжелая вода. Прижала ко дну и давила на грудь без всякой пощады или милосердия.

Рядом курил Милар. Сидел в своем уже не совсем блестящем кресле-каталке, с накрытыми пледом ногами, и курил. Порой шумно затягивался и выдыхал серые облачка дыма, мгновенно исчезающие в темном небе вечерних сумраков, обещавших скорую ночь.

Зажигались городские огни.

Мерцающими светлячками, заявившимися поглядеть на жизнь чванливых обитателей канала Маркова и Центрального района столицы Империи в целом, они вспыхивали вдоль набережных. Порой зажигались за грязными окнами, ожидавшими часа, когда буквально через одно, на каждом этаже и в каждом доме, люди начнут высовываться наружу. Вооруженные тряпками и ведрами, они протрут глаза своих домов и улыбнутся приближающемуся долгожданному теплу.

Арди хотел бы, чтобы и в его жизни все было так просто.

Чтобы он тоже мог протереть веки, ополоснуть лицо водой из канала и, отряхнувшись довольным псом, пойти домой. И, может, будь он полнокровным матабар, все бы так и обошлось. Но...

Люди.

Почему с ними всегда так сложно...

И самое неприятное, Арди сейчас говорил про себя. Во всяком случае – про половину себя.

– Будете засахаренные дольки яблочек? – спросил Эрнсон, протягивая открытую жестяную шайбочку. – Сами с Пламенной делали. Вкусно получилось.

Дин Эрнсон, его жена-красавица (*до той степени, что каждый раз при встрече Арди не был уверен, что перед ним не Фае Лета*) и их неисчерпаемая любовь к яблокам. В отделе капитана Пнева уже устали шутить на тему дальнего родства счастливого семейства с лошадьми.

Но Дину, сидевшему рядом с Ардом, никто не ответил. Так никто и не сказал хором привычного: «Дин, замолчи». И пока Арди качал ногами в ледяной воде, не способной ужалить его холодом сквозь пелену имени Льдов и Снегов, Дин поджимал под себя ноги и грыз сладости.

Александр Урский придерживал одной рукой кресло-каталку Милара, а другой, двумя пальцами, как-то очень... стильно, словно всю жизнь провел на Бальеро, курил. Такие же сигареты, как и Милар. Они их даже покупали в одной и той же лавке.

– Я порой забываю, Ард, что тебе всего... – Милар на секунду запнулся, выдохнул очередную порцию дыма и чуть заметно улыбнулся – Ардан видел отражение своего напарника в воде. – Девятнадцать лет. Вечные Ангелы, господин маг, девятнадцать лет...

Наверное, для Милара это что-то объясняло, но не для Арди.

– И что ты ответил госпоже Гранд Магистру? – спустя несколько секунд спросил Милар.

Разумеется, Ардан уже рассказал коллегам по службе в Черном Доме о предложении госпожи Велены Эмергольд отправиться... неизвестно куда, чтобы исследовать... то, к чему у Урского и Эрсона не имелось допуска, а Милар и так понял суть предмета разговора.

– Что подумаю, – коротко сказал Ардан.

Милар с одобрением кивнул.

– Хороший ответ, Ард, тебе действительно надо подумать.

Арди посмотрел на напарника. Тот курил и смотрел куда-то вдаль.

– Я в девятнадцать лет думал о том, как бы сдать этот дурацкий экзамен по езде верхом, – с усмешкой и все таким же взглядом, направленным в пустоту, произнес Милар. – Мне не надо было сражаться со всякими сказочными тварями, валяться в госпитале, носиться по всей стране и... у меня не было прадеда, который утопил бы в крови половину страны... без обид, Ард. Да и всего другого, что тебе пришлось пережить за последнее время.

Арди отвернулся обратно к каналу.

Да, за исключением, возможно, последних полутора месяцев, на протяжении целого года Ардан чем-то напоминал горного козла. Он упрямо взбирался по отвесной скале, нависшей над пропастью. Цеплялся за те тонкие, не толще волоска кошачьей шерсти, спасительные карнизы, которые бы другие даже не заметили. И каждый раз, каждый раз когда он поднимался чуть выше, то не задумывался о том, что произошло, оступись бы он.

В какой-то момент Ардан так привык к голодной пасти бездонной пропасти, что просто перестал обращать на нее внимание. И игра со смертью перестала казаться ему... таковой. То есть трагедия, разумеется, все еще маячила где-то на уголке периферийного зрения, но лишь в качестве едва заметного миража. Далекого призрака, о котором можно не сильно заботиться.

Но вот он прожил полтора спокойных месяца.

Трудился в аптеке. Ездил на лекции. Занимался в лаборатории в Конюшнях своими исследованиями. Ужинал с Тесс. Спящие Духи, он впервые за все время их совместной жизни ни разу не пропустил ужин! Ни разу не явился домой раненым или уставшим, к спящей в постели жене и холодной еде, накрытой алюминиевым куполом.

И... Арду нравилось.

Будь он трижды проклят, если бы сам себе соврал, что ему претила подобная жизнь. Нет, совсем напротив. Он находил ее умиротворяющей, а себя, пожалуй, счастливым. Счастливым внутри внезапно свалившегося на голову покоя.

– Есть такие люди, как Тесс, – продолжал Милар. – Которым повезло знать с малых лет, чего они хотят от жизни, Ард. Есть те, кому везет найти свое призвание где-то по дороге. Раньше или позднее. Есть те, кто не находит вовсе, но такие обычно не ищут. А есть такие, как ты.

– Как я? – переспросил Ардан.

Милар едва заметно опустил подбородок.

– Тебя окружают очень целеустремленные люди, Ард, – продолжил капитан Пнев. – Твоя жена. Иорский и Борис, которые прекрасно знают, чего хотят от жизни. Я всего раз общался с Еленой, но и она тоже выглядит девушкой, понимающей, к чему идет. Лорд Аверский, да при-

мут его Вечные Ангелы. Тот же Аркар. Да и чего уж там – мы трое со стороны тоже выглядим людьми, уже проложившими колею в жизни. Да, парни?

Урский, как обычно, проигнорировал, продолжая курить, а Дин... А Дин оставался Дином.

– Может, все-таки дольку? – предложил Эрнсон, вновь протягивая шайбочку.

Милар скривился и повернулся обратно к Арду. Он протянул руку и похлопал по плечу.

– Ты живешь, Арди, в лучшем смысле следующей мысли – как собака, бегущая за подвешенным куском мяса. – Милар вернул руку на плед. – Ну или жил. А тут такая затянувшаяся пауза. Да еще и весьма недурное предложение от госпожи Гранд Магистра. Любой бы засомневался. Так что... дай себе время. Поговори с Тесс. Послушай сам себя. Тот факт, что другие знают, чего ждут и ради чего делают то, что делают, не обязывает тебя сразу сказать себе – «я хочу вот это, вон то, и еще немного другого». И подобное незнание не делает тебя хуже.

Милар улыбнулся и щелчком пальцев, через головы Арда и Дина, метким выстрелом отправил окурки в урну, стоящую у гранитной лестницы. Может, капитан Пнев и стрелял из револьвера не так метко, как Йонатан или Урский, и уж тем более не так, как Катерина, но! Милар обладал удивительной способностью всегда попадать окурком в урну. Порой даже с самых невероятных расстояний.

Вот что значат годы практики.

– Вижу, я тебя не очень убедил, Ард, – краешком губ улыбнулся Милар. – Ты это...

Урский положил капитану свою ладонь-лапищу на плечо.

– Время такая штука, Ард... – внезапно заговорил обычно молчаливый и скупой на слова Александр. Ветер трепал завязки его банданы, порой обнажая краешки племенных татуировок. – Что оно начинает обладать смыслом, только когда смотришь на него спереди назад. Только обернувшись, начинаешь видеть что-то осмысленное. А впереди, – Александр вытянул руку и позволил сигаретному дыму заструиться перед лицами коллег, давно ставших его семьей, – только туман. И если долго вглядываться в туман будущего, то можно потеряться в нем.

Александр снова затянулся и стряхнул пепел в черные воды канала.

– Когда я сидел в яме Армондского племени, когда бился на их рингах с тварями, химерами и другими пленными, то проклинал тот день, когда записался в ряды Имперской Армии. – Все трое мгновенно повернулись к Урскому. Тот никогда и ни с кем, кроме Милара, не обсуждал своего прошлого. Никогда. Вплоть до сегодняшнего вечера. – Мне казалось, что если бы я не сглупил, не наговорил сгоряча отцу с братьями, то остался бы в родном городе. И не терпел бы все то, что...

Он невольно потянулся пальцами к бандане под шляпой, но тут же остановил руку и опустил вниз.

– Мне было страшно, Ард. И больно. Каждый день. Каждый вечер. И каждую ночь. Когда кости скручивало спиралью, когда рвались мышцы и трескалась кожа от чаев армондцев, которыми они нас пичкали, я молил Вечных Ангелов о смерти, – Урский снова затянулся и ненадолго прикрыл глаза. – А когда они не ответили, я стал молить Того-кто-во-тме, но и он промолчал. И многие годы я проклинал весь мир, Светоликого, своего отца и братьев, самого себя, да кого угодно. И жил этими проклятиями. Даже когда сбежал и вырезал всех мужчин их проклятого Армондского племени, я все равно жил одними только проклятиями. Почему? Почему Вечные Ангелы остались глухи к моим мольбам? Почему не забрали меня обратно в Свет и не оборвали бессмысленные страдания, которыми упивались армондцы?

Александр сделал полушаг вперед и навис над черными водами канала. Он опустился на корточки и прислонил ладонь к воде так, что от темной кромки его отделяла лишь едва заметная полоска пространства. Холодная россыпь миниатюрных брызг касалась его кожи.

– А сейчас, поворачиваясь назад, понимаю, что сегодняшний я был бы готов вынести вдвое, втрое... нет... в десять раз большее, лишь бы повторить тот путь, что я прошел. – Впервые на памяти Арда на каменном лице Александра появилось нечто, напоминающее улыбку. – Чтобы снова зайти в цветочную лавку и встретить Галину. Чтобы услышать первый плач каждой из наших дочерей. Их первый смех. Впервые прогуляться с ними по осеннему парку и смотреть, как они играют с листьями. В первый раз... – Александр осекся и отряхнул ладонь от влаги. – Если бы я не оказался в том плену, Ард. Если бы не прошел весь дальнейший путь, то никогда бы не встретил свою жену. И у меня не родились бы мои дочери. Искал ли я то, чего хотел? Нет, Ард. Оно меня само нашло. Просто понял я это только обернувшись назад.

Урский выпрямился и вновь взялся за рукоять кресла-каталки Милара.

– Тебе только девятнадцать лет, Ард, – Александр продолжил свой монолог, в котором содержалось больше слов, чем Ард слышал от него за... все то время, что знал молчаливого оперативника. – Твой путь только в самом начале. И сейчас, когда ты оборачиваешься, ты видишь лишь детство и юношество. Но они закончились. И ты потерян. Это нормально. Это по-человечески. Простись с юной порой, Ард. И иди дальше. Живи с мыслью о том, чтобы когда пришлось обернуться назад, ты мог увидеть, что делал все от себя зависящее. Все, на что был способен. Что ты нигде не струсил. Нигде не дал слабину. Не предал ни себя, ни других. И тогда, возможно, я не могу обещать, но верю, что когда ты обернешься в самый последний раз, то увидишь и поймешь свой пройденный путь.

Александр замолчал.

«Я не спрошу, какой итог

Венчал твой путь в краю суровом...»

Все трое смотрели на Урского так, будто заново увидели стоявшего перед ними человека. Александр «Медвежья Лапа» Урский. Один из лучших оперативников Черного Дома. Отменный стрелок и превосходный боец. Отец пяти дочерей и верный муж. А еще, возможно, человек с куда более глубокой душой и пронзительным разумом, чем он хотел кому-либо показывать.

– Но самое главное – не отказывайся от яблочных долек.

– Дин, ты... – уже начали заводиться Александр с Миларом.

– Сперва ты отказываешься от долек, – продолжал Дин, отправляя в рот очередное угощение, – потому что они такие маленькие и незначительные. Ты думаешь, что еще успеешь. Что будет завтра и послезавтра. И ты сможешь попробовать дольку. А затем отказываешься от прогулки с женой. Тоже потому что будет завтра. Да и погода сегодня не очень. Затем ты забываешь про свои хобби и отдых, потому что еще так много дел. И по той же причине виновато улыбаешься друзьям. А затем в какой-то момент понимаешь, что отказался от всего, что не должно было ждать, ради того, что могло и потерпеть. Так что не отказывайся от яблочных долек, Ард, когда тебе их предлагает жизнь. Она не так часто щедра на маленькие радости, чтобы столь безрассудно отмечать их в сторону.

И вновь они втроем, только на сей раз с удивленными взглядами, молча смотрели на высокого, по меркам людей, Дина Эрнсона. Вечно беспечного, очень радушного и порой по-детски доброго здоровяка, души не чаявшего в своей жене.

– Вы сговорились, что ли... – проворчал Милар и добавил: – Что за странный вечер.

Он протянул руку к шайбочке и забрал засахаренную дольку яблока. Затем точно так же, сохраняя прежнее каменное выражение лица, поступил и Александр Урский.

Арди же, забрав угощение, смотрел на него и размышлял.

Может быть, аптека, исследования, звуковая система и Большой – тоже были лишь маленькие, засахаренные яблочные дольки. Небольшие радости, от которых он не стал отказываться.

Просто дольки.

И ничего кроме.

– Завтра утром по этому адресу, – Милар протянул Арду короткую записку. – Дагдаг сотворил какого-то колесного монстра, на котором тебе предстоит потренироваться. Урский с Динем уезжают в неотложную командировку уже этим вечером, так что выбора у нас, кроме тебя, не остается. Моя реабилитация еще не завершена и водитель из меня сейчас так себе. Так что... извини, господин маг, столько времени, сколько тебе дала на размышления госпожа Гранд Магистр, у нас нет. Есть только эта ночь.

Ардан забрал записку.

* * *

Стихотворение неизвестного мага глядело на Арда с пожелтевшей страницы, прикрепленной к внутренней стороне обложки гримуара. Кривоватые буквы, написанные дешевыми чернилами, которые за десятилетия выпцвели до призрачной синевы, все так же различимо складывались в слова. И слова эти каждый раз, когда Ард их зачем-то перечитывал, цеплялись за что-то внутри. За ту самую занозу, о которой когда-то давно, на крыше, в их первый длинный разговор, рассказывала Тесс.

*«Судьба лишь спросит: "Как ты жить
Посмел – и как посмел сражаться?"»*

Ардан сидел за кухонным столом, подперев щеку кулаком, и смотрел на строки, почти уже не вчитываясь. Мысли были где-то далеко. Плыли, подобно льдинам на канале Маркова. Тяжелые и неповоротливые, они сталкивались друг с другом и расходились, не оставляя после себя ничего, кроме ряби.

За окном скрипнули тормоза. Едва слышно хлопнула дверца, и торопливые шаги застучали каблуками по мостовой. Они поцокали по лестнице, ненадолго замерев, чтобы обменяться парой слов с консьержем. Такой знакомый стук... быстрый и легкий.

Тесс.

Замок щелкнул, дверь распахнулась, и в квартиру ворвалась она. Именно ворвалась. Влетела, как пламя, неожиданно вспыхнувшее в темной комнате. Шарф размотался на лету и полетел на вешалку, пальто нырнуло следом, а перчатки приземлились на тумбочку – и все это одним непрерывным движением, будто Тесс не раздевалась, а танцевала.

Щеки горели от ветра; волосы, растрепанные, рыжие, с выбившимися из-под заколки прядями, лежали на плечах по-весеннему небрежно. В руке она сжимала нотную папку, а на лице сверкала улыбка. Та самая – широкая, открытая, от которой у Арда каждый раз что-то подпрыгивало в груди.

Их взгляды встретились. Через коридор, через всю длину квартиры – от входной двери до кухонного стола. Ард сидел с гримуаром на коленях, с запиской Милара в кармане жилета и с тяжестью в груди, которую не мог унять.

И он почувствовал себя неловко. Потому что буквально видел, как его лицо выдает все его мысли. Милар, Урский, Дин – они ведь увидели. И Тесс увидит тоже. Она всегда видела. И ему было стыдно за то, что его сомнения, его невнятная, размытая тревога испортит ей вечер. Она ехала с репетиции домой, предвкушая очередной совместный вечер. Такая счастливая,

такая живая, а он встречал ее такой физиономией, будто вновь завтра должен был явиться на чьи-то похороны.

Тесс прошла по коридору, остановилась в дверном проеме кухни и посмотрела на него. Ее улыбка не погасла, а скорее едва заметно изменилась. Стала немного мягче, чуть-чуть тише и значительно глубже. Так, если верить сказкам бабушки, улыбаются, когда видят человека, которого любят, когда знают, что ему плохо, и не собираются об этом спрашивать.

Пока не собираются.

– Мы идем гулять, – безапелляционным тоном сказала Тесс.

Ард моргнул.

– Сейчас?

– Прямо сейчас, – кивнула она.

– Тесс, – Арди махнул рукой в сторону окна, – на улице ночь.

– Я в курсе, дорогой, – Тесс подняла обратно перчатки, затем подумала и вновь их опустила на тумбочку. – Я только что по ней ехала.

– И ты хочешь по ней еще и ходить?

– Именно так!

Ард открыл рот, чтобы возразить. Что поздно, что холодно, что у него завтра с утра... и закрыл. Не потому, что до конца не понимал, что именно у него с утра, а потому что Тесс уже развернулась и пошла в спальню, на ходу расстегивая репетиционную блузку, так что возражать было бесполезно. Когда Тесс принимала решение с такой «прытью», как сейчас, спорить с ней мог только человек, не ценивший свою жизнь. Или спокойствие в этой самой жизни.

Переодевалась она быстро. Разбуженным весенним штормом, как делала почти все, что не касалось музыки. Репетиционная блузка полетела на кресло, юбка оказалась на спинке стула. Из шкафа не глядя были выдернуты шерстяное платье и шаль, и через минуту из спальни вышла другая Тесс. В коротких сапожках, с волосами, заколотыми одной длинной шпилькой. Арди всегда удивлялся, как она умудрялась так лихо закалывать волосы без всякого зеркала.

Ард, пока жена переодевалась, застегнул сорочку, накинул жилет, а поверх – пальто с плащом и погонами Звездного мага. Привычно проверил накопители в кольцах. Так же привычно закрепил гримуар на поясных цепочках. И, разумеется, не менее привычным жестом взял посох.

– Тесс, – сказал он, застегивая пальто.

– М?

– Мне нужно тебе кое-что рассказать, – Ардан отвел взгляд в сторону. – Госпожа Велена Эмергольд. Гранд Магистр. Она сделала мне предложение.

Тесс появилась в дверях спальни, накидывая шаль.

– Какое?

– Уехать из столицы. Оставить службу в Черном Доме. Заниматься исследованиями под ее покровительством. Настоящими исследованиями, Тесс...

Тесс не остановилась. Она не замерла и нисколько не изменилась в лице. Лишь поправила шаль на плечах, подошла к Арду, взяла его под руку и сказала:

– Пошли.

– Ты не хочешь обсудить?

– Хочу, – кивнула она и тут же добавила: – Но на прогулке.

Они вышли в ночь.

Весна.

Ее еще нельзя было увидеть, но уже можно было почувствовать. В воздухе, влажном, чуть пахнущем тающим последним, самым стойким снегом и мокрой землей, пробивавшейся из-под наледи в скверах.

Как и всегда, как и десятки вечеров прежде, они шли по набережной канала Маркова – медленно, не торопясь, держась рука об руку. Их шаги лишь самую малость тревожили тишину. Его тяжелые, чуть неровные из-за хромоты, и ее легкие, частые, в два раза чаще чем у спутника. Ард подстраивался под нее, она подстраивалась под него, и вместе они находили какой-то свой общий ритм, не быстрый и не медленный.

– Расскажи мне про репетицию, – попросил Ард.

– Почему?

Арда не смог найти нужных слов. Ему в целом просто было сложно говорить.

Тесс чуть сжала его руку.

– Ладно. Но ты будешь смеяться.

– Буду стараться, – постарался улыбнуться Арда.

– Нет, ты будешь смеяться, – повторила она с улыбкой в голосе. – У нас остались последние выходы «Смерти Царя». Сегодня очередной прогон. И тут второй акт. Самая драматичная сцена. Виолончелист – Густав, ты его видел, такой серьезный, с бакенбардами, – он ведет соло. Длинное, печальное. И зал вроде бы должен рыдать, ну или хотя бы отвлечься от своих очень богатых часов.

– Наверное, должен, – послушно кивнул Ард, стараясь вернуть в голос игривость.

– Наверное, – фыркнула, без всякой обиды на подколку, Тесс. – Слушай дальше... И тут у него лопается струна. Не просто лопается. Она вылетает из колка и хлещет его по носу. По носу, Арди!

– Больно? – прищурился Арди.

– Очень, – засмеялась Тесс. – Густав вскрикивает, роняет смычок, а смычок отскакивает от пола и попадает прямо в ноты Виктору – это наш контрабасист.

– Тот, у которого усы длиннее контрабаса?

– У него нормальные усы, Арди, – в шутку пожурела Тесс. – Так вот, Виктор от неожиданности дергает не ту струну, и контрабас издает звук, который... – Тесс зажала рот ладонью, давась смехом. – Который больше всего похож на то, как если бы медведь наступил на кошку.

Ард не выдержал и рассмеялся. Тихо, коротко, но рассмеялся – впервые за весь день.

– И? Дальше?

– Дальше хуже. Густав сидит с красным носом, зажимает его платком и повторяет: «Это мой лучший инструмент, это мой лучший инструмент». А Виктор пытается извиниться, но каждый раз, когда начинает говорить, он машинально прижимает контрабас к себе, и тот издает очередной стон.

– Тесс, я бы, наверное, там уже умирал.

– Все и умирали, – продолжала заливисто хохотать Тесс. – Все, кроме режиссера. Тот сидит в первом ряду и пьет воду. Стаканами. Потом достает платок, вытирает лицо, поворачивается к нам и говорит. Спокойно так. Ровно. Как Александр, когда расщедрит на пару слов, – Тесс надула щеки и сделала голос ниже. – «Господа, я полагаю, что в контракте каждого из вас прописана обязанность извлекать из инструментов музыкальные звуки, а не подражать скотному двору».

– В какой-то степени справедливо, – сдерживая улыбку, постарался серьезно произнести Арди.

– И вот Виктор, пытаясь положить контрабас, задевает пюпитр. Пюпитр падает, – Тесс запрокинула голову и позволила ветру чуть разметать волосы. – Ноты разлетаются в сторону. Густав, который в этот момент пытается вставить новую струну, получает пюпитром по колену, роняет виолончель прямо на пол и издает звук, после которого уже смеется даже режиссер.

– Виолончель-то хоть цела?

– Да цела, конечно, – отмахнулась Тесс. – Колено Густава, кстати, тоже. Репетицию-то остановили всего на двадцать минут. Чтобы отсмеяться. И принести новый пюпитр.

Ард слушал и чувствовал, как тяжесть в груди пусть и не уходила, нет, она была все еще там, но отступала. Сдвигалась куда-то на периферию сознания. Как шум улицы, который перестаешь замечать, когда рядом звучит голос, который хочешь слышать.

– А ты? – спросил Ард.

– Арди, я смеялась так, что не могла петь еще минут пять после того, как все успокоились! – с неподдельной радостью воскликнула Тесс. – Режиссер сказал, что если я еще раз хихикну, он заменит меня на Густавову виолончель, потому что та, цитирую, «выражает больше эмоций».

– Жесткий человек, – вздохнул Ардан.

– Замечательный человек, – возразила Тесс. – Он просто устал от нас. А мы устали друг от друга. Конец сезона. Все на нервах. Еще газетчики осаждают все выходы и входы в театр. Люди Бельского их шугают, но... – Тесс покачала головой. – Получается, Арди-волшебник, иногда нужно, чтобы что-нибудь упало, чтобы все вспомнили, что они люди, а не Лей-механизмы.

Они шли дальше. Тесс продолжала рассказывать. О новых аранжировках, о ссоре между первой и второй скрипкой, о том, как флейтистка принесла на репетицию щенка и тот уснул прямо под дирижерской тумбой.

Ард слушал и ловил каждый ее жест.

Плавный поворот головы, легкий взмах руки и быстрый взгляд на спутника, чтобы убедиться, что тот улыбается. Каждый ее жест, даже спустя столько времени, казался Арди маленьким чудом. Он ловил свет фонарей на ее волосах и отблеск смеха в ее глазах; ловил запах весенних цветов, распускающихся у ручья, лавандового крема и чего-то неуловимого, что принадлежало только ей.

– Такси! – вдруг воскликнула Тесс и, оставив Арда, бросилась к краю тротуара, размахивая рукой.

– Куда? – крикнул Ард ей в спину.

– Увидишь!

Из-за угла вырвался черный автомобиль с желтой полоской от переднего капота, через крышу и вплоть до багажника. Тесс нырнула внутрь, утянув Арда за рукав.

– На Бальеро, – сказала она водителю.

Тот кивнул и, молча поправив кепку, тронулся вверх по улице.

– Тесс...

– Когда ты в последний раз был на Бальеро не по делам, а просто так?

Ард задумался и не смог вспомнить.

– Так я и думала, – кивнула Тесс и устроилась поудобнее, положив голову ему на плечо.

Бальеро ночью, как и главные улицы Нового Города, отказывался спать. Этот район жил по собственному, весьма своеобразному расписанию, в котором тьма и луна не являлись поводом для сна, а скорее, совсем напротив.

Тесс привела его на улочку, где Арди прежде никогда не бывал. Совсем небольшая, мощенная искусственно состаренным булыжником, с низкими арками и вывесками, написанными от руки, а не распечатанными в типографии.

Под одной из таких арок теплился свет и доносились звуки чужих голосов.

– Поэтический уголок? – с удивлением спросил Ард.

– Ты знаешь? – с не меньшим удивлением переспросила Тесс, будто Ардан ни демона не смыслил в искусстве...

Ладно, он действительно вообще ничего не понимал в высоких творческих материях. Кроме, разве что, того, что ему объясняла сама Тесс.

– Слышал, – пожал плечами Арди, причем ему казалось, что слышал он об этом месте тоже от Тесс. – Но никогда не бывал.

– Тогда идем.

– Тесс, я ничего не понимаю в поэзии.

– Тебе и не нужно понимать, – улыбнулась красавица. – Тебе нужно слушать. Ты же сам нашел стихотворение в архиве Арены и прикрепил его к гримуару. Значит, не все потеряно и мой муж совсем не чурбан.

Они спустились по шершавым каменным ступеням. Внутри было тесно, воздух пропах дешевым табаком и теплом железной дровяной печи. Низкий потолок давил на плечи, кирпичные стены душили тесным кольцом, а оплывшие свечи в бутылках трепыхались на сквозняке.

На маленьком возвышении стоял парень. Худой молодой человек в очках, с длинными волосами, собранными в какой-то сложный хвост-косичку. Он читал о дожде, который падает на город и смывает с улиц вчерашний день, а вокруг собрались десятки восторженных слушателей.

Арду все это казалось чересчур претенциозно и, возможно даже, бессмысленной тратой чернил и бумаги.

Тесс же внимательно слушала, чуть склонив голову набок. Так что уже вскоре Ард смотрел не на поэта, а на нее. На то, как подрагивали ее ресницы, когда строки поэта находили особый отклик. На то, как она беззвучно шевелила губами, повторяя за незнакомцем слова, которые ей особенно нравились.

Поэт закончил, несколько мгновений купался в овациях и, свернув лист в трубочку, удалился. На смену ему вышла женщина. Уже немолодая, с виду категорически грузная, и в бесчисленном множестве раз заплатанном платке. Она обвела «зал» взглядом и начала читать о своей матери и о том, как та пекла хлеб по утрам.

– Красиво? – шепотом спросила Тесс.

– Не знаю, – честно ответил Ард. – Непонятно. При чем тут хлеб? Это какая-то метафора или... она действительно рассказывает нам о еде? Спящие Духи, Тесс. Мне ничего не понятно.

Тесс посмотрела на него и улыбнулась. Потом положила голову ему на плечо, и они слушали дальше.

Через полчаса они вышли обратно на улицу, и Тесс, не отпуская его руки, повела Арда дальше по улице. Прямоком к кафе, из дверей которого рвалась знакомая, веселая музыка.

Забавное название – «Голубая Цапля».

Внутри обнаружился просторный зал с высокими потолками, круглые столики вдоль стен и танцевальная площадка в центре, освещенная тремя Лей-лампами в цветных абажурах. Маленькая группа, состоящая из пианино, трубы, контрабаса и ударных, играла что-то быстрое из числа нового, модного у ценителей репертуара. Десятка два пар двигались по площадке.

В музыке волей-неволей, стараниями Тесс и частично профессора ан Маниш, Арди стал разбираться вполне сносно.

Тесс заказала две чашки крепкого кофе с пряностями. Они сели за угловой столик.

– Хорошо здесь, – сказал Ард.

– Я знала, что тебе понравится.

– Откуда?

– Потому что здесь можно спрятаться, – подмигнула Тесс.

Они пили чуть горьковатый кофе, слушали ненавязчивую музыку, и Ард чувствовал, как что-то внутри медленно, нехотя, но оттаивало.

– Арди.

– Да?

– Пошли танцевать.

Ард поставил бокал.

– Тесс, я сейчас не в лучшей форме.

– Знаю.

– Совсем. Категорически.

– Знаю.

– Я буду наступать тебе на ноги.

– Арди, я уже закалена тем, как ты танцевал год назад. Ты мне еще тогда отдал все, что только можно было отдать.

– Тесс.

– Арди.

Он посмотрел на нее и тяжело вздохнул. Если это он упрямый как баран, то Тесс... Тесс вообще невозможно было, стоило ей что-то себе втемашить, сдвинуть хоть на миллиметр.

Ард огляделся.

Толстяк в расстегнутом жилете кружил худенькую девушку, которая была ему по плечо. Двое пожилых мужчин, из карманов которых торчали фуражки с одинаковыми военными эмблемами, топтались на месте, держа друг друга за локти, и хохотали.

Молодая пара в углу танцевала, так тесно прижавшись друг к другу, что между ними не пролезла бы почтовая марка, и им явно было совершенно наплевать на ритм, на музыку, да и на весь остальной мир.

– Пойдем, – сказала Тесс и потянула его за руку.

И Ард, не успев придумать ни одной новой убедительной отговорки, оказался на танцевальной площадке.

Тесс взяла его правую руку и положила себе на талию. Через ткань платья он ощутил тепло ее тела и чуть отдернул пальцы – не от неловкости, разумеется, а от того, как сильно захотелось прижать крепче. Тесс перехватила его ладонь и вернула на место.

– Не убегай, – прошептала она ему тихонько где-то на уровне груди.

Свою левую руку она положила ему на плечо, правой взяла его левую ладонь. Их пальцы переплелись.

Музыка была быстрой, но Тесс, как и всегда, повела его медленно, игнорируя темп, устанавливая свой. Шаг влево. Шаг вправо. Ард двигался как деревянная кукла. Будто это не был, возможно, сотый их танец. Его руки вновь стали жесткими, плечи поднялись куда-то до ушей, а ноги ступали так, будто под ним раскинулось минное поле. На втором шаге он наступил Тесс на левую ногу.

– Прости, – он попытался отстраниться, но Тесс не позволила.

– Ничего страшного, – прошептала Тесс.

На четвертом он отдал правую.

– Прости.

– Не извиняйся. Двигайся.

На шестом – снова на левую.

– Тесс, это плохая идея, может...

– Нет, – оборвала она его. – Не смотри вниз. Смотри только на меня.

Он посмотрел на ее лицо. Зеленые глаза Тесс были совсем близко. Такие спокойные, бесконечно теплые, и без тени раздражения или нетерпения.

Она шагнула ближе. Ард почувствовал, как ее грудь коснулась его, как ее дыхание защекало ключицу. Его рука на ее талии перестала ощущаться деревянной. Пальцы расслабились, ладонь легла мягче, чувствуя каждое ее движение, каждый поворот талии. Тесс чуть откинула голову и посмотрела на него снизу вверх. С тем выражением, которое было только у нее, и только для него.

– Видишь, – сказала она. – Ты танцуешь. И ничего страшного не происходит. Мир не разваливается. Нога сильно болит?

– Нет, не болит... но это не я, – ответил Ард. – Это ты.

– Это мы, дорогой.

Она положила голову ему на грудь. Ард прижал огненную макушку к себе – осторожно, бережно, но крепче, чем раньше. Спустя первые несколько мгновений они уже почти не двигались. Просто стояли, покачиваясь. Его подбородок касался ее волос, и они слегка щекотали вечернюю щетину. А еще пахли весной и домом.

Он чувствовал ее сердце через ткань платья и своей сорочки. Частое и легкое, как стук капель последней сосульки, отставшей от своих уже рассеявшихся в воздухе сестричек. Или это было его собственное сердце? Если честно, то он уже давно перестал их различать.

Вокруг танцевали люди. Толстяк все еще кружил свою худенькую девушку, и она смеялась. Пожилые мужчины уже сидели за столиком и, вспоминая службу, пили что-то из маленьких рюмок, поднимая тосты за недоживших боевых товарищей.

Молодая пара в углу по-прежнему не замечала мира.

Пианист летел пальцами по клавишам, контрабас дышал низким, гулким басом, и в цветном свете Лей-ламп все выглядело немного нереальным. Как сон, в котором ты знаешь, что спишь, и молишься, чтобы будильник не звонил. Хотя бы еще пару часов не вырывал обратно в кособоку реальность.

Ард наклонился и коснулся губами ее виска. Тесс чуть сильнее сжала его пальцы.

– Спасибо, – прошептал он.

– За что?

– За то, что вытащила меня из кухни.

– Кухня никуда не денется, Арди. А сегодняшняя ночь уже больше никогда не будет сегодняшней, – Тесс буквально повторила слова Дина.

Музыка смолкла. Музыканты поклонились и, как и поэт, на пару мгновений остались под эхом аплодисментов. Тесс отстранилась от Арда, но так и не отпустила его руку. Она посмотрела на него, будто читая что-то на его лице.

– Еще танец? – спросила она.

«Но самое главное – не отказывайся от яблочных долек».

– Да, – ответил Ард.

И удивился тому, как легко это слово далось.

Группа снова заиграла.

Они вышли из кафе около двух часов ночи. Улица выглядела необычно пустой для Бальеро. Где-то вдалеке тренькнул последний местный трамвай.

Тесс шла рядом, держа Арди под руку. Они молчали. Долго – два квартала, может три. Ардан знал, что она ждет его слов. Тесс не торопила и ничего не просила. Просто ждала, когда он будет готов.

Но, спустя столько времени, Тесс уже знала, когда ей следовало нарушить данную традицию. Точно так же, как знал и Арди, когда ему стоило самому задать вопрос жене.

– Что у тебя на душе, Арди? – наконец спросила она, не поворачивая головы.

Ард помолчал. Потом вдохнул.

– Если я приму предложение Велены... если мы уедем... ты... После успеха на Арене, Тесс. После триумфа «Смерти Царя». Пижон... Бельский, он ведь прав. Не пройдет и года, как ты...

Ард замолчал. Они оба прекрасно понимали то, о чем они говорили.

– Мое мнение не изменится, Ард, – Тесс сказала это так, будто в который раз повторяла очевидное. – Никогда. Мне будет хорошо везде, где рядом со мной будешь ты. Здесь, в Метрополии. В Алькаде. Или в любом другом месте, где мы с тобой окажемся вместе. Потому что музыка и роли исчезнут, а мы с тобой останемся.

Ард остановился и обнял жену. Она смотрела на него совершенно спокойно. Просто смотрела. Как смотрит человек, который давно все для себя решил.

– И мне, – сказал Ард тихо. – Мне будет хорошо везде, где рядом будешь ты.

Магия, исследования, служба – до тех пор, пока он мог вот так ее обнимать, все остальное не имело абсолютно ни малейшего значения.

Тесс улыбнулась. Мягко, одними уголками губ.

– Я знаю, Арди-волшебник. Знаю с самого первого дня, как мы с тобой гуляли по набережной, но... – Она заглянула ему в глаза. – Что тебя так смутило?

Ард отвернулся и посмотрел на канал. Черная вода несла последние льдины. Маленькие, жалкие остатки суровой зимы. И вместе с ними исчезали и последние осколки имени Льдов и Снегов, все еще звенящие где-то на границе слышимости.

– Я не понимаю, что я делаю, Тесс, – честно признался Ардан. – Я думал, что хотел учиться в Большом. Но по факту я занимаюсь самообразованием – сижу в библиотеке, читаю труды, ставлю эксперименты в Конюшнях. Спящие Духи, я пропустил больше лекций, чем посетил!

Тесс молчала, а Ардан продолжал.

– Черный Дом... Я думал, что согласился служить ради обучения у лорда Аверского. Но он мертв уже почти год. И я остался, а зачем – не знаю. – Они подошли к воде, и Арди схватился за холодный поручень парапета. – «Операция Горный Хищник». Да. Потом я думал... убеждал себя, что остался ради допуска к нему. И открыл всего раз, а с тех пор прошли месяцы, Тесс. Месяцы! Я даже не подал запрос. Даже не подошел к двери архива.

Он замолчал. Тесс молча стояла рядом.

– Все вокруг знают, чего хотят, – продолжил Ард. – Милар. Урский. Дин. Бажен. Борис с Еленой. Ты. А я... я просто бегу. Куда-то. За чем-то. И каждый раз, когда останавливаюсь, понимаю, что не знаю, зачем бежал.

– Можно спрошу? – Она притронулась к его плечу.

– Конечно.

– Если мы уедем сейчас... если примешь предложение госпожи Гранд Магистра... Или неважно куда, то... ты сможешь жить с мыслью, что уехал и не сделал того, что мог бы сделать здесь?

Ард не ответил. Тесс не торопила.

– Ты перечислил причины, по которым ты сперва вернулся, а затем остался в столице, – сказала она через минуту. – Большой. Аверский. Архив. И каждая из них, ты сам это видишь, уже не работает. Но ты остался, Арди. Ты все еще здесь. Значит, причина все же есть. Просто она другая.

– Но я не понимаю какая, – покачал головой Ардан. – Я запутался, Тесс. Так сильно запутался... и теперь нет ни волчицы, ни бельчонка, которые сказали бы мне, где я ошибся.

– А ты ошибался? – Она прижалась к его боку. – Что ты делаешь в Черном Доме каждый день? Не по приказу. Не по долгу службы. Что ты делаешь, когда выбираешь сам?

Ард молчал.

– Ты помогаешь людям, Арди, – тихо сказала Тесс. – Ты латаешь Аркара на кухне. Ты бежишь, без своей магии, к мутанту, чтобы спасти посла, возможно, вражеской нам страны. Ты лечишь раненых, рискуя собственной жизнью. Ты за собственный счет делаешь бесплатные мази и лекарства для тех, кто не может позволить себе продукцию картеля. Ты строишь звуковую систему, чтобы двадцать тысяч человек могли слышать музыку и господин Бролид мог спасти свое здание. И если бы Джон не настаивал, ты бы не согласился взять с него ни единого ксо... Ты даже не замечаешь, Арди-волшебник, как меняешь все вокруг себя. Не из тщеславия или жажды наживы. А просто потому, что ты такой, какой есть. И может быть, твое призвание не в Черном Доме и не в Большом. Может быть, оно в том, что ты...

Раздался крик.

Тонкий, отчаянный, оборвавшийся на полуслове. Звук донесся из ближайшей к ним подворотни. Темной и категорически узкой, расположенной всего в двадцати метрах впереди.

– Помогите! Пожалуйста, кто-ниб... – Звук снова смолк, но на сей раз не из-за сорванных связей, а из-за прижатой ко рту чужой ладони.

Ард резко обернулся. Тело среагировало раньше мозгов. Ноги уже напряглись, рука потянулась к посоху, а плечи развернулись в сторону крика. Он сделал шаг и... остановился.

Тесс.

Он ведь на свидании. С любимой женой. Посреди холодной, уже почти весенней, но пока еще все же зимней ночи.

Арди в растерянности повернулся к ней. Тесс стояла, и ветер трепал ее волосы и пальто. Она смотрела на него с улыбкой. С той самой. Той, в которой были и любовь, и принятие, и знание... знание о том, кто он такой, даже когда Арди сам этого не знал.

– Иди, – тихо сказала Тесс. – Я буду ждать.

– Да, – так же тихо ответил Ард. – Я скоро вернусь.

Он ударил посохом о землю, и вокруг Тесс замерцал купол щита, а сам Ард развернулся и побежал.

Посох стучал по мостовой, и Ард не думал о предложении Велены Эмергольд. Не думал о Черном Доме, о Большом, о Методах Дальней Связи и трансмутационных рунических связях. Не думал о том, что не знает, чего хочет от жизни.

Он бежал на крик. Потому что кто-то звал на помощь. И потому что, может быть, с самого детства, с того дня в Алькадском лесу, когда пятилетний мальчишка бросился к птенцу, которого тащила хищная птица... может быть, с того самого дня это и было то, чего он хотел от жизни.

«И если будешь совать голову в петлю ради каждого встречного дохода, то рано или поздно – задохнешься».

Может быть, Йонатан Корноцкий ошибся. Может быть, среди всей той полезной мудрости, которой с ним поделились Цассара, Катерина, Март Борсков и все остальные, – Йонатан ошибся.

Ардан хотел в это верить.

Ведь не такое уж и плохое это желание – помогать другим.

* * *

Записка Милара так и осталась в его кулаке. Ард сжимал ее всю дорогу, пока старенький «Деркс» хрипел и кашлял мотором, преодолевая предрассветные улицы.

Адрес привел его на окраину Нового Города. К длинному, приземистому кирпичному зданию, похожему на склад или мастерскую, за высоким забором с колючей проволокой поверху. У ворот одиноко мерцал фонарь, и в его свете Ард разглядел табличку, привинченную к столбу:

«Техническая база № 7. Вход строго по пропускам».

И больше ничего. Ни названия компании, ни имени владельца. Таковую заметишь и проедешь дальше, не обратив внимания.

Ард заглушил мотор и вылез из машины. Утренний воздух, с привкусом дизеля и мусоросжигательной станции, холодным и сырым полотенцем облепил лицо. Где-то за забором лязгало железо и ворчал двигатель.

Ардан расправил записку, еще раз прочитал адрес и, убедившись, что не ошибся, зашагал к воротам.

Глава 122

Подойдя ближе, Арди потянулся было постучать, но ему не потребовалось. Он не то чтобы ощутил покалывание на кончиках пальцев, как это всегда было прежде, а словно краем не столько взгляда, сколько сознания, заметил нечто. Нечто, похожее на эфемерную рябь, не существующую нигде, кроме как внутри его собственного воображения.

Прозрачной кромкой потревоженного ветром озера она окутала его несуществующим ореолом, который на мгновение сконцентрировался на гербе Империи, прикрепленном к его удостоверению капрала Второй канцелярии. И стоило ему найти двуглавого феникса, как он тут же вернулся за ворота, а те уже с глухим скрипом открывались прямо перед Ардом, обнажая... вторые ворота.

В последнее время чувства Ардана, когда вопрос касался Звездной магии в частности и Лей в целом, весьма обострились. И дело не только в том, что он теперь хранил в своем сознании куда больший осколок имени Льдов и Снегов, чем раньше, а еще и в наличии Синей Звезды. Лорд Аверский предупреждал и рассказывал о том, что с третьей Звезды маг начинает испытывать качественное преобразование восприятия. Все же, какими бы мелкими участками измененного мозга Звезды ни являлись, но мозг-то действительно менялся и перестраивался.

Так что все не ограничивалось лишь способностью видеть Звездные печати при их воплощении дальше, чем позволял человеческий взгляд.

Ардан непроизвольно отряхнулся и вошел внутрь своеобразного тамбура. Тут же первая пара ворот начала закрываться, обнажая свой обман. С внешней стороны они выглядели вполне себе обыденно – деревянная основа с прикрученной к ней проволокой и листовым железом, посаженным на толстые, длинные гвозди. Типовой, не самый надежный, но выполняющий свои функции складной забор.

Вот только сейчас, обернувшись, Ардан мог воочию убедиться в том, что с обратной стороны все обстояло иначе. На него взирала сталь толщиной, пожалуй, миллиметров в шестьдесят. Такую никакая механика не потянет, так что к опорам ворот из земли подключались целые сети Лей-кабелей, а где-то вдалеке жужжали генераторы. Генераторы, чьей единственной задачей было открывание и закрывание прохода.

Вторая пара ворот, которая открылась в тот же момент, как за спиной Арда закрылась предыдущая, выглядела еще более внушительно. Сталь в своей толщине достигла, наверное, двадцати трех миллиметров. Такой достаточно, чтобы остановить большую часть револьверных калибров, кроме, разве что, тех, коими пользовались огры и некоторые мутанты.

Очередной генератор отвечал за закрытие и открытие створок, через которые Ардан прошел на весьма ухоженную площадку. Под каблуками весенних сапог отзывался камень, а вокруг высились самые разные сооружения. Невысокие склады-сарай, несколько будок, что-то вроде миниатюрных укреплений и одно-единственное, двухэтажное, широкое и вытянутое в форме прямоугольника, здание, огороженное еще одним забором.

Поодаль обнаружилась небольшая пехотная артиллерийская пушка размером с детскую коляску... с оплавленным стволом. А еще...

Ардан, не сдержавшись, выругался и сильнее сжал посох. Ард остановился совсем не по своей воле. Ноги попросту перестали его слушаться. Они замерли как вкопанные и отказались делать следующий шаг.

То, что открылось его взгляду, было огромным. Не так, как бывает огромным грузовик или вагон паровоза. К их размерам рано или поздно все равно привыкаешь. А это... нечто... оно вызвало совсем иные ощущения. Такие, как бывают рядом с громадным хищником, который только и ждет удачного момента, чтобы сломать позвоночник добычи одним-единственным ударом.

Нечто, созданное с одной лишь целью.

Приземистый стальной корпус чуть сверкал в лучах пробивающегося сквозь облака солнца. На клепках еще блестела влага от утреннего тумана. Угловатый и грубый, он надутым селезнем сидел на двух широченных гусеничных лентах, каждое звено которых было размером примерно с обеденную тарелку.

Траки поблескивали жирным, маслянистым блеском, и в полумраке отступающего от Метрополии утра казалось, что это не машина, а чудовищный жук, присевший перед прыжком и вдавивший брюхо в бетонный пол. Стальная броня необычно толстая, неровная, со следами сварки и все тех же заклепок. Она нахлестывалась пластинами, как чешуя ящерицы, и от нее несло холодом. Не зимним. Нет-нет. Совсем другим. Холодом железа, которое не знало пощады, потому что его выдернули из земли, очистили в огне и сковали только ради крови.

А сверху, на корпусе, медленно, чуть приподнимаясь на креплениях, сидела башня. Круглая, приплюснутая, похожая на срезанную верхушку черепа. И из этого «черепа», как перст мертвеца, указующий в пустоту, торчал ствол. Длинной в несколько метров, диаметром с голову Арда, он зиял темным, абсолютно черным отверстием.

Оно смотрело прямо на Арда.

Дуло танкового орудия.

Ард не мог отвести глаза от этого идеального черного круга. Такого же бездонного, как и зрачок сытого и оттого ленивого зверя, уже выбравшего добычу, но еще не решившего – сейчас убить или потом.

В этой искусственной, созданной людьми черноте умещалось все, что являлось частью имени, которое Ардан не хотел бы никогда слышать. Свист снаряда, оглушительный взрыв, ослепительная, жаркая вспышка и бесшумная смерть, а затем всепоглощающая тишина.

Ард видел военные печати, способные сломать кирпичную стену. Спящие Духи, да даже не беря в расчет «Ледяное Ядро», его «Ледяной Хвост» превратил бы в руины не только вход в бар Красной Госпожи, но и половину всей бывшей фабрики, где и располагался бордель.

Но это... это было другое. Одновременно проще, до кровавой одури грубее, но в то же время парадоксально честнее. Никакой Звездной магии или искусства Эан'Хане, никаких рун из языка Фае или математических формул, выраженных в геометрических печатях на страницах гримуаров.

Просто сталь, порох и чья-то воля нажать на спусковой крючок... если таковой имелся где-то там, внутри стальной громады.

И Ардан, со своими тремя Звездами, с посохом, с гримуаром, с накопителями на тысячу эксов, он стоял перед этой машиной и чувствовал себя тем, кем и являлся на самом деле. Мешком из костей и мяса. Хрупким, мягким, как глина, и однозначно смертным. Существом, которому достаточно одного снаряда – одного, – чтобы от него остались разве что оседающая на опаленную землю кровавая морось и воспоминания.

– Красавец, правда? – раздался за спиной голос Дагдага.

Ард не ответил. Он все еще смотрел внутрь дула.

Никто из известных ему имен не сталкивался с танками на фронте. Ни Аркар, ни Гектор, ни даже Милар. Все они отвоевали свое до момента, как из заводского ангара где-то на краю Метрополии сошел первый опытный образец, как он тогда назывался «самоходная гусеничная артиллерийская пушка среднего калибра».

С тех пор минуло десять лет, и теперь перед Ардом стоял самый настоящий танк. Один из ста пятидесяти имевшихся в Империи по официальным данным, которые раскрывались всеми странами благодаря Дунсфильдскому всемирному пакту «О раскрытии количества тяжелой бронированной военной техники», который был направлен на смягчение напряжения.

Но всем было понятно, что каждая страна, в той или иной пропорции, занижала свои показатели.

– Как... как можно сражаться против такого? – шумно сглатывая, спросил Ардан.

Он придвинулся чуть ближе и поднял ладонь, чтобы прикоснуться к броне, но так и не смог заставить себя это сделать. Что-то, очень болезненное и почему-то невероятно тоскливое, заставило его остановиться. А затем и отступить назад.

Дагдаг подошел ближе и собирался что-то ответить, но Ардан, пусть и запоздало, поделился ответом на первый вопрос лейтенанта.

– Уродство, Дагдаг, – Ардан едва сдержался от того, чтобы скривиться. – Он отвратителен.

– Ну... – Дворф-полукровка склонил голову набок и постучал пальцем по подбородку. – Это ведь военная машина, Ард. А не гражданский задница-воз. Он должен выглядеть брутально. И пугающе. Чтобы враг голову из окопа не показывал. А желательно и до самих окопов отказывался идти.

Арди промолчал. Они с Дагдагом, одетым в синий комбинезон поверх рабочей одежды (весь замызганный жирными пятнами от технических жидкостей), явно говорили о разных вещах. И может быть, в этот момент Ардан чуть лучше понял, почему Фае не любили железо, а принести оное в их волшебный край считалось серьезным преступлением.

– Уже догадался, где мы? – спросил Дагдаг, пока они все еще стояли около танка.

«Покидая кабинет, Ардан бросил быстрый взгляд на нерадиво брошенную на стол книгу. Книгу, в которой прятался чудовищный секрет. Там, на второй странице, застыла фотография испытаний печати.

Каменная площадь в двести пятьдесят метров, вот что на ней изображалось. Площадь с каменными деревьями и травой, каменными ручьями и лужами; каменными грузовиками и автомобилями; каменными осколками от упавших и разбившихся вдребезги птиц; и с каменными изваяниями зверей, застывших в нелепых позах, а еще... а еще привязанных к столбам каменных людей, чьи лица навеки исказили агонизирующие крики.

Все, чего коснулись жуткие чары, оказалось обращено в твердь. Безжизненный, мертвый камень, созданный Лей».

Ардан кивнул. Вряд ли наступит тот день, когда он забудет, как впервые в жизни в лаборатории в поместье лорда Аверского увидел результат испытаний стратегической магии.

– Полигон Черного Дома, – коротко ответил Ардан.

– Ага, – кивнул Дагдаг. – И только то, что у нас есть дела поважнее, капрал, спасает твою высоченную башку от того, чтобы я настучал ей за отчеты.

– Но я принес все, что был должен! – возмутился Ард.

– Время назад не отмотаешь, – пожал плечами наполовину дворф, едва дотягивающий Арду до живота. – Отчеты надо сдавать вовремя, потому что если их вовремя не сдавать, то у меня начинается головная боль. И я стремлюсь восстановить равновесие в этом шатком мире и перенести свою боль на плечи того, кто мне ее организовал... Пойдем, Ард. Мы с Миларом покажем тебе кое-что.

– А он тоже здесь?

– А где ему еще быть? – вопросом на вопрос ответил Дагдаг.

Приглаживая свои густые, жесткие волосы, оставляя на них такие же отпечатки, что и на одежде, главный инженер Черного Дома (и в целом при желании, способный получить минимум медальон Старшего Магистра... если бы такие «мелочи» интересовали бравого лейтенанта) направился в сторону одного из небольших сараев-ангаров.

Ардан еще раз посмотрел на танк. Он пробежался взглядом от дула с башней до того места, где, наверное, должен сидеть... водитель? Машинист? Оператор механизированной артиллерии? Как правильно называть того, кто управлял этой машиной смерти?

Впрочем, не важно. Ардан на мгновение задержался взглядом на глубокой оплавленной дыре. Диаметр с палец и глубиной что-то около восемнадцати миллиметров. Ее края почернели и застывшими каплями стального «стекла» завернулись внутрь. Выглядело все так, будто отверстие оставила пуля, но Ардан как-то сомневался в том, что...

– Капрал! – окликнул его Дагдаг.

– Да-да, – ответил Ардан и, развернувшись, зашагал по каменному плацу за лейтенантом.

Интересно, камень здесь задумывался изначально или стал результатом испытания одного из последних творений Гранд Магистра Аверского, да примут его Вечные Ангелы. Причем теперь Ардан понимал, почему господин Аверский решил использовать в стратегической магии именно трансфигуративную идею. Если не получается пробить или уничтожить броню нескольких танков, ведущих огонь по солдатам, то... можно просто превратить их в камень. Вместе со всеми, кто находится внутри, – не важно, речь про одушевленных или нет.

Обогнув копию фронтового укрепления, Арди наконец увидел и самого капитана Пнева. Тот сидел в уже ставшем привычным взгляду кресле-каталке, безуспешно пытался поправить правой рукой задравшийся плед, прикрывавший серьезно исхудавшие ноги, а левой курил. Видимо, на время реабилитации Милар плюнул на всякие попытки бросить пагубную привычку. А Эльвира, его жена, сжалилась над раненым мужем и не стала настаивать на обратном.

Кстати, с самого момента ранения капитана Арди так и не смог заставить себя навестить Милара и его семью. Просто... не мог.

Завидев Арда, Милар отвлекся от явно проигранной битвы с пледом и, с кроткой улыбкой, едва заметно кивнул. Не было ни «Господин маг, я рад, что ты сделал именно такой выбор!» или «Ха, да зачем тебе эти скучные Гранд Магистры! С нами веселее!». Только одинокий, даже немного скупой кивок и... Арду этого было более чем достаточно.

Да и, признаться, сам факт того, что ему больше, в ближайшее время, не придется заходить в Библиотеку Большого с мыслью о том, что где-то из-за угла может показаться Черный плащ и его обладательница из числа учеников Арора, изрядно успокаивал нервы Арда.

– И что вы мне...

– Та-да! – Дагдаг, явно заготовленным жестом и явно стараясь переплюнуть в энтузиазме заправского конференсье, дернул тряпчатое покрывало с агрегата, около которого Милар и курил.

Вернее – попытался дернуть:

– Да твою-то мать... почему у других это всегда так легко получается... Милар, там зацепилось за что-то. Глянь, а?

– Конечно, Дагдаг, сейчас, только колени разомну и очень быстро доберусь до твоего бампера.

– До моего, Вечные Ангелы, не надо, извращенец ты колесный... А, к Спящим Духам, сам посмотри!

Как и всегда, в речи Дагдага удивительным образом смешивались и Ангелы, и Духи, и научные термины, и порой отборная портовая брань. Впрочем, последняя являлась своеобразной торговой маркой всего Черного Дома в целом.

Обогнув агрегат, Дагдаг, ругаясь, подцепил покрывало и с очередным «Та-да!» – снова его дернул.

На сей раз вполне успешно, и взгляду Арда предстал уже знакомый ему удлиненный корпус, черная краска, покрытая блестящим лаком, серебристые порошки, выпуклые крылья и обтекаемые формы, которыми славились исключительно «Энтио».

И именно им, «Энтио», самым модным, самым редким и буквально штучным автомобилем, спрятанный агрегат и являлся. Причем дело не столько в стоимости (*двадцать три сотни за базовую версию – все еще деньги сумасшедшие, но не самые громадные в рамках автомобильного рынка*), а именно в том, что завод конструктора-инженера Альберта Энтио пока не соби-

рался масштабироваться. Они постоянно работали над улучшениями всех систем и выпускали лишь штучные заказы.

Вон, Борис до сих пор, уже больше полутора лет, ждал своей очереди.

– Кажется, он не впечатлен? – не поворачивая головы к Милару, спросил у коллеги Дагдаг.

– Кажется, он не впечатлен, – согласился с печальным вздохом Милар.

Ардан только развел руками.

– И что меня должно впечатлить? – спросил он. – Ну да – редкий автомобиль.

Милар пару раз хлопнул ресницами и прикрыл лицо той же рукой, которой держал сигарету.

– Ой зря-я-я, – протянул он замогильным тоном.

– Редкий?! – пожарной сиреной взвыл лейтенант Дагдаг. – Ты про корпус Альберта, неуч горский? Ковбой ты доморощенный! Каланча без грамма понимания в механике! Звуковую систему собрал – и все, возомнил о себе?!

Ардан сделал шаг назад и поднял левую ладонь в сдающемся жесте, но было уже поздно. Дагдаг завелся. А когда лейтенант заводился, то, как и его механические творения, уже не мог остановиться.

– Да здесь корпус, – Дагдаг подошел к автомобилю и указал обеими руками на профиль автомобиля, – по моим чертежам! Я использовал те же формулы, что и при расчете обтекаемости снаряда! Моя новая идея в том, что автомобилю точно так же должно мешать сопротивление воздуха, а значит, с ним надо бороться!

Ардан кивнул. Ему в целом было все равно, но если присмотреться, то этот «Энтио» действительно обладал куда более плавными и словно... покатыми формами, нежели тот, что у Йорского.

– Новая выхлопная система! – продолжил перечислять Дагдаг, обходя автомобиль по кругу. – Облегченная конструкция всей внутренки! Сэкономил едва ли не треть тонны! А сердце! Сердце, маг ты тупоголовый! – Дагдаг подскочил к капоту и поднял крышку, обнажив двигатель и прочие приборы. – Центр тяжести смещен вниз! Рядный, не четырех-, а шестицилиндровый двигатель! Объемом два и два литра! Цепная передача! Карданный вал! Восемьдесят четыре лошадиные, мать их, силы! Максимальная скорость в сто шестьдесят в час! И самое главное – полный, да раздери меня Горный Тролль, привод! Да еще и с литыми дисками, чтобы охлаждать тормоза!

Лейтенант Дагдаг отошел в сторону от своего творения и посмотрел на Арда.

– Автомобиль... это твоя тощая задница, капрал, ездит на автомобиле...

– Эй! – хотел было возмутиться Милар, а затем подумал немного и пожал плечами.

Старенький «Деркс» ведь действительно был автомобилем, да еще и тоже – творением Дагдага, так что непонятна сама суть странного оскорбления.

– ...а это не автомобиль! – продолжал лейтенант, едва не облизывая покатый корпус. – Это произведение искусства!

– Дагдаг.

– Что?! – рявкнул лейтенант.

– А почему у твоего произведения искусства нет крыши? – склонив голову набок, спросил Ардан. – И второго ряда сидений тоже нет.

Дагдаг, чуть приоткрывая рот, медленно повернулся к смеющемуся капитану.

– Милар, сердце мое по крови человеческой, может, все же мы тебя за руль посадим? – чуть ли не плакал инженер. – Это же все равно что с ослом разговаривать! Он ведь в первом же повороте разложится! И плакали шесть с половиной тысяч казенных эксов.

Ардан чуть было воздухом не подавился.

– Шестьдесят пять сотен?! – теперь уже Ардан, едва ли не в том же тоне, что и Дагдаг, выкрикнул в сердцах. – Да я даже не приближусь к этому музейному экспонату! Мне нескольких лет не хватит расплатиться!

Милар только скорчил какую-то физиономию – то ли философскую, то ли мечтающую об уборной.

– Не то чтобы у тебя был выбор, господин маг, – спокойно сказал он. – Переодевайся и начнем тренировку.

Ардан посмотрел на низкое небо столицы.

– А запасной экземпляр есть? – чуть не плача, спросил Ардан.

– Я тебя сейчас прямо здесь под камень собственными руками зарюю, капрал!

Ардан вздохнул.

Зато отчеты писать больше не придется. Но этого он, разумеется, вслух говорить не стал.

* * *

Арди в нетерпении крутил карандаш вокруг большого пальца тем хитрым трюком, который подглядел у одного из конструкторов в бюро ан Маниш. Не то чтобы у него сразу получилось, но это помогало сохранять внимание и еще немного разминало пальцы и тренировало мелкую моторику. Ардан подозревал, что его проблемы с вилками и ложками, ручками и всем, что требовало точных и мелких движений, были связаны вовсе не с особенностями жизни в лесу, а банально с физиологией матабар.

И, возможно, если бы это имело для него хоть какой-то смысл, он смог бы провести нужные исследования, чтобы доказать свою теорию, но... какая разница.

– ...на этом можно подвести итог нашего повторения способов связи нескольких массивов рунических соединений в единую сложную архитектуру высокого типа, – продолжал лекцию профессор Конвелл, стоявший около графитовой доски.

В его руках мерцала указка из Эрталайн-сплава с нанесенными на нее несколькими печатями. Профессоры в Большом зачастую пользовались именно жезлами. Несмотря на то, что они разрушались уже после нескольких десятков заклинаний, не факт, что преподавателям потребуется использовать столько за месяц. Но при необходимости – весьма удобно, да и вместо указки использовать можно. Вот и все наследия некогда «революционной технологии».

Впрочем, как и в случае с Анализаторами, которые продержались чуть дольше, пока Кукловоды не свели на нет сам смысл их применения. Причем не только в Империи, но и, как следствие, по всему миру. В чем их резон? Ардан понятия не имел.

– Так что предлагаю вашему вниманию следующую задачу, – профессор Конвелл, как всегда одетый с иголочки, соревнуясь в модности костюмов с завсегдатаями Бальеро, подошел к краю доски и прокрутил колесо, поднимая первую доску и обнажая под ней вторую. – В качестве разминки для мозгов, у вас есть два крана в цеху. Вам нужно передать груз из лапы одного крана в лапу другого при помощи промежуточной платформы. Все характеристики груза указаны в описании задачи. У вас осталось... – профессор посмотрел на дорожные часы, блестящие у него на запястье, – полчаса. После этого, если кто-то хочет получить консультацию, то можно сдать готовый чертеж. Но только готовый! Прошу прощения, прекрасные юные дарования, но сегодня у меня нет времени разбираться с набросками. Приступайте!

Профессор Конвелл, поправляя ставшие жидкими от возраста, седеющие волосы и снимая очки, вернулся за кафедру. Усевшись на стул-кресло, он поднял взгляд на Арда и коротко тому кивнул. Юноша ответил тем же и взял с края своего стола небольшую потрепанную карточку с местами трудно различимой типографской надписью. Вряд ли из-за старости, а скорее из-за того, как часто ее перебирали чужие руки, оставляя следы бессонных ночей и сотен часов, проведенных за задачей.

«Описание задачи:

У вас имеется два газовых баллона с летучими веществами неизвестной плотности. Смешайте данные вещества в третьем баллоне для подачи компрессорной станции. Для достижения стабильного эффекта вам необходимо добиться соотношения смеси 50/50 с допущением погрешности в 0.5 пункта.

После того, как компрессорная станция выполнит обработку смеси, вам необходимо передать смесь в поршневую систему, чтобы поднять груз неизвестной массы на высоту в 8 метров 65 сантиметров.

Условия провала задачи:

Перерасход летучих веществ больше, чем в 13 % на удельную единицу веса поднимаемого груза.

Условие выполнения задачи:

Груз был успешно, с соблюдением всех требований, поднят на указанную в описании высоту».

Арди еще раз посмотрел на карточку и постучал карандашом по листу бумаги. Впервые профессор Конвелл выдавал ему персональное задание, в котором одними только Звездными печатями не обойдешься. Арду придется построить цепочку датчиков, для контроля...

Хотя зачем.

Он мог обойтись и печатями. Просто подключить все, что только можно, к генераторам и... тогда в целом груз можно поднимать не газовым давлением (*хотя гидравлика справилась бы куда лучше*), а прям сразу – чистой Лей. Только тогда стоимость подъема груза, учитывая промышленные масштабы, уже через месяц разорит предприятие.

Так что идея настроить систему из печатей контроля и анализа пусть и прельщала Арда, потому как выглядела самым надежным решением, но на практике оказывалась несостоятельной. Пришлось вновь вооружиться математическим выражением болванок и эмуляторов.

Первое, что требовалось, это сделать перемычки в системе подключения баллонов. На поверхности лежала идея поставить болванку, анализирующую объем летучей смеси, и отправлять ту дальше, но... зачем? Можно просто копить нужный, заранее просчитанный объем в примыкающем к болванке дополнительном хранилище. И тогда ничего не надо анализировать – просто самый обычный магический тумблер. Как только хранилище заполнится, газ перейдет дальше, и ничего считать, взвешивать и анализировать не придется.

Экономия? Экономия. А как показывала практика со звуковой системой для Арены, все, что имело в своем словосочетании приставку «экономия», – угодное дело.

– Спящие Духи, я действительно становлюсь похожим на Полских, – проворчал себе под нос Ардан.

Он быстро построил нужные уравнения и вывел все данные для промежуточных хранилищ. Причем погрешность получалась ровно с ту самую «половину процентного пункта». Ну а завязать отдельную компрессорную станцию, подключив к ней простой датчик давления и нехитрую болванку с контролером внутри, – дело и вовсе всего-то нескольких страниц расчетов.

Ардан справился с ними еще минут за десять.

Точно так же, нехитрым образом, при помощи «ворот», через которые проходил бы «груз», Арди просчитал и передал газ в поршневую систему подъемника. Там и система-то... одно название. Поднимаешь затворку – и газ под огромным давлением вырывается на свободу. Толкает поршень, а тот в свою очередь толкает платформу. Так что надо было лишь отрегулировать точку отсечения, для чего подойдет любая парная система «болванок» с нехитрыми печатями, которые можно сделать на принципе светового луча.

До тех пор, пока световой луч не прерван – затворка остается приподнятой. Как только луч прерывается, то печать размыкает цепь в Лей-проводке и затворка опускается. Скорость

же подъема можно регулировать высотой поднятия затворки. Чем выше – тем газа больше и, соответственно, скорость подачи обратно-пропорционально ниже.

А, ну и добавить еще одну пару болванок, чтобы сделать весы на платформе и передачу через напряжение в Лей-кабеле информации на болванку в компрессорной станции. Чтобы чем тяжелее груз, тем больше усилия передавалось на подъемник.

– Конечная установка... – Ардан подчеркнул последние выводы. – Восемь болванок, три датчика, три дополнительных хранилища, включая страховочное и Лей-кабель по формуле – система плюс метраж самого цеха.

Проверив, что все печати, которые требовали подключения к генераторам, были написаны так, чтобы подключаться не к одному, а к разным, Арди чуть склонил голову набок и последний раз пробежался взглядом по изделию. Да, он все еще предпочел бы воспользоваться исключительно Лей, и не потому, что не любил Звездную механику, просто... магия надежней.

Печать, она либо работала, либо не работала (*если, конечно, была посчитана правильно*), и на нее почти не оказывали воздействия условия внешней среды. Так что и слова профессора Конвелла о том, насколько удручающего качества многие из продуктов инженерной мысли, тоже можно было нивелировать. Но увы, все решали эксы и уровень текущего прогресса. Пока никто не придумал каких-то невероятно компактных и высокомоощных генераторов, которые...

Ах да.

Их ведь уже придумали. Пусть и не во множественном числе, а всего один-единственный прототип. Причем построил его не кто иной, как Гранд Магистр Паарлакс. И Черный Дом, безусловно, вместе с доверенными инженерами пытался повторить достижение погибшего гения, но увы. Без самого прототипа и соответствующих исследований, выкраденных Кукловодами, процесс явно не спешил сходить с мертвой точки.

Ардан, посмотрев на часы (*до конца лекции оставалось еще пять минут*), собрал все письменные принадлежности, убрал в сумку и, забрав посох, прошел через кабинет к кафедре.

– Давайте посмотрим, Ард, на ваши успехи, – профессор Конвелл протянул руку, и Ардан передал преподавателю листы с вычислениями и описаниями системы.

Конвелл, вооружившись карандашом с наточенным грифелем, поправил очки и принялся читать, порой щелкая пальцами по арифмометру. Иногда он оставлял комментарии сбоку от формул, порой что-то перечеркивал (*когда дело касалось Лей-механики, будь она неладна*), но все чаще лишь дополнял некоторыми уточнениями.

В основном касавшимися стабилизации системы, страхования самых слабых мест, дополнения дублирующими контурами и покрытия всего испытания, только после которых основные контуры приходили в действие. Иными словами, профессор Конвелл из студенческой задачи Арда мастерил рабочее решение, которое хоть сейчас можно было отправлять на завод-изготовитель для заказа Хранилищ.

Стрелка на часах уже перешагнула через озвученную ранее отметку. Несколько одногруппниц Арда потоптались со своими листами у него за спиной, но, отчаявшись, удалились в коридор. Большинство же, переписав себе условия задачи, оставили задачу на внеаудиторные, собственные занятия. И только еще через четверть часа (*благо лекция по Звездной инженерии была последней в расписании сегодняшнего дня*) профессор Конвелл наконец вернул Арду исчерпанные и исписанные листы бумаги.

– Недурно, Ард, недурно, – профессор снял очки и, открыв футляр, достал оттуда матерчатую тряпочку. – Я рад убедиться в том, что вы решили свои проблемы с шатким фундаментом и даже смогли продвинуться дальше. Но скажите мне, дорогой Ард, что мне с вами делать дальше?

Арди, несколько мгновений боровшийся с желанием поскорее погрузиться в чтение комментариев и правок профессора Конвелла, убрал листы в сумку.

– Что вы имеете в виду, профессор? – спросил юноша.

Конвелл, очистив линзы, вернул очки на переносицу.

– Как вы думаете, дорогой Ард, что именно сейчас решали? – с улыбкой тоньше, чем обычно, спросил профессор.

Арди посмотрел на карточку, которую только что вернул на стол кафедры.

– Индивидуальное задание, – несколько неуверенно ответил юноша. Арда слегка смущало заношенное состояние карточки, но... у него все еще затяжной отпуск. И начать рассуждать о природе задания ему попросту не хотелось, хоть догадки сами по себе уже зарождались на задворках его сознания.

– Да, Ард, разумеется, – Конвелл открыл ящик своего стола и достал деревянную коробочку, в которой лежали десятки сестричек той самой карточки.

А сверху на коробочке при помощи краски было выведено: *«Билеты экзамена 4-го курса Звездной инженерии. Группа продвинутого уровня»*.

Арди потянулся посохом к затылку, но вовремя удержал себя от роковой ошибки. Кристалл бытового накопителя, закрепленный в намерении, оставил бы его без половины скальпа.

– Чтобы вы знали, на инженерный экзамен четвертого курса выделяется шесть часов, – продолжал профессор. – Два с половиной часа на расчеты и теоретическую подготовку и еще три с половиной часа на постройку рабочей системы.

Профессор Конвелл взглядом указал на торчащие из сумки Арда листы.

– Не могу сказать, что вы целиком и полностью справились с теоретической частью, но не сомневаюсь, что будь у вас времени в пять раз больше имевшегося и знание о том, что вам придется строить рабочую систему, вы бы показали куда лучший результат, так что... – Конвелл развел руками. – Такими темпами, к концу следующего года обучения мне нечем будет вас удивить, Ард.

Ардан промолчал. А что ему было сказать? Что азарт собственных исследований и специфика работы в Черном Доме все быстрее и быстрее гнали его вперед? Так оно вроде и без того весьма очевидно.

– А я не располагаю компетенциями для обучения Магистерскому уровню, – Конвелл убрал карточку обратно в экзаменационную коробку и вернул ту на место. – Да и желанием, если честно, тоже.

– Профессор, я...

– Умейте принимать похвалу, дорогой Ард, – с прежней улыбкой, но на сей раз не только на лице, но и в голосе, перебил профессор Конвелл. – Впрочем, не удивлен... не удивлен. Раз уж вы смогли собрать звуковую систему ради вашей жены, то... уверен, что все дело в мотивации. Просто не помню, чтобы за все полтора века существования Большого в его нынешнем виде кто-либо закончил его экстерном.

Ардан мог бы соврать, мог бы воспользоваться искусством Скасти, но не стал. Он не хотел обманывать профессора Конвелла. Тот этого не заслуживал. И да, пускай закрытая виза Короны закрывала не только сам патент звуковой системы, но и имя ее создателя, вот только профессор Конвелл был умен. По-настоящему умен. Так что, как и профессор ан Маниш в случае с отмычками, легко догадался о настоящей личности изобретателя.

– Иногда, когда я смотрю на вас, дорогой Ард, то невольно размышляю вот о чем, – профессор вздохнул и чуть оперся лопатками на спинку стула. – Если бы ваш прадед жил в другое время. В лучшее время для всех нас, то сколько бы добра он смог принести? И, может, если бы и мы с вами жили в лучшее, куда более... – Конвелл скосился взглядом на газету, лежавшую на его столе, в одной из колонок которой обсуждались результаты Конгресса. – ... Более мирное время, то сколько бы добра принесли и сами. Н-да... ирония судьбы, не иначе. Но вы ступайте, дорогой Ард. А я буду, как бы парадоксально это ни звучало, надеяться, что к концу третьего курса вы замедлитесь и мне не придется смотреть на ваш скучающий взгляд.

– Доброго дня, профессор Конвелл.

– И вам, дорогой Ард. И вам...

* * *

В квартире сильно пахло вяленой уткой. Тесс последние несколько дней начала готовить ему с собой в дорогу вяленое мясо и солонину, которыми Ард бы смог питаться во время затяжного путешествия.

– Тесс, я... – с порога начал было Ардан, но ему погрозили поварешкой, которой помещивали маринад для вяления.

– Если ты в очередной раз скажешь мне, чтобы я занималась моими делами, а ты справишься и сам, – опасным светом сверкнули зеленые глаза, – то эта поварешка окажется у тебя во лбу. Понятно?

Ардан почувствовал, как по груди разливается тепло.

– Конечно, дорогая.

– Вот и договорились, – кивнула Тесс и вернулась к своим заготовкам, которые уже заполнили половину их кухни.

Вряд ли Ардан сможет взять с собой больше нескольких килограмм, так что оставалось только надеяться, что на форпостах Северного Национального Парка Природных Аномалий, принадлежащих Гильдиям Охотников и Магов, а также в ближайшем поселении найдется что-то, чем поживится полукровка матабар. И не то чтобы Ардан забыл, как добывать себе пропитание в лесу. Просто охота в подобных Парках, которых на территории Империи существовало всего несколько, каралась несколькими годами каторжных работ.

Ардан снял обувь и пальто, поставил посох на отведенное для того место у стены и отцепил гримуар от цепочек. Затем прошел на кухню и, обняв жену со спины, поцеловал ту в макушку и положил подбородок ей на волосы.

– У тебя сегодня свободный день? – спросил он тихонько.

– У меня отпуск почти до конца весны, Арди, – спокойно ответила Тесс. – Завтра последнее выступление в театре, после чего тот закроется на пару недель для реконструкции Лейпроводки и отсека генерации. А затем мы с ребятами хотим записать, как это теперь называется – альбом. Так что на три месяца отложим все выступления. Хотим к лету выпустить пластинку.

Наверное, Бажен с Аркаром назвали бы подобный подход «созданием искусственного дефицита». Тесс решила отойти от сцены в тот самый момент, когда спрос на ее имя рос не по дням, а по часам. Пластинки не успевали появиться в лавках, как их тут же сметали поклонники и просто любопытствующие.

– А ты чего такой радостный? – даже не видя Арда, а лишь чувствуя его спиной, спросила Тесс, правильно прочитав эмоции мужа.

Ардан не стал отпираться.

– Я решил для себя кое-что.

– И что же?

– Что уйду в отставку из Черного Дома.

– Ард, но ты ведь...

Юноша помотал головой.

– Не сейчас, дорогая, – уточнил он. – После того, как мы с Миларом поймем тех, за кем сейчас охотимся. Сразу, как остановим Кукл... заговорщиков – тогда я напишу рапорт. Мне кажется, я смогу помочь большему числу людей, включая тебя и себя, находясь за лабораторным столом, нежели бегая с удостоверением Второй канцелярии.

Тесс зависла с поварешкой над кастрюлей с маринадом.

– Я тоже хотела тебе кое-что сказать, Арди.

– И что же?

– Я... – Тесс повернулась к нему и заглянула в глаза. – Хочу увидеть нашу страну. Увидеть Империю. Все ее уголки. Ребята предлагают накопить материал и отправиться с гастролями по Империи. Не сейчас. Через пару лет. Когда появятся слушатели не только в столице и ближайших крупных городах.

Ардан кивнул. Он прекрасно понимал желание Тесс.

– И, если так подумать, то последний концерт можно будет дать в Дельпасае, – она прижалась к нему еще сильнее и положила голову на грудь. – А затем уехать в Алькаду. Как тебе план?

– Идеальный, – согласился Ардан.

Они стояли в обнимку. Сбоку от них тихонько тикали часы. До гонки, в которой Арду предстояло принять участие, оставалось меньше суток.

Глава 123

Дагдаг одернул накладку на спину, прикрепленную к серому комбинезону кондовыми кнопками. Точно такая же накладка, на жестком каркасе из пластин и «ребер», прилегал к груди и бедрам. Запястья были обмотаны плотными бинтами, на которых сверху крепился ремешок от плотных кожаных перчаток. Причем настолько плотных, что приходилось приложить небольшое усилие, чтобы сжать кулак. Зато они почти не скользили даже по лакированной дощечке, на которой лейтенант и проверял перчатки перед тем, как закрепить их на ладонях Арда.

– Чувствуешь себя средневековым рыцарем? – спросил Милар.

Все так же в своем кресле-каталке, он курил и листал «Имперский Вестник». На Арда с первого разворота смотрела фотография его императорского величества, сместившего Тесс с позиции «главной новости».

Ниже, под фотографией, на которой Павел IV Агров был запечатлен за визитом в здание Парламента, шел длинный и весьма своеобразный заголовок:

«Новым высочайшим указом Его Императорского Величества было постановлено, что бюджет Губерний и их центров будет формироваться исходя из собственных возможностей самих Губерний, и дотации из столицы отныне и впредь не будут превышать одной пятой вышеупомянутого бюджета!»

Губернии в панике, столица ликует!»

Ниже шла длинная экономическая колонка, посвященная данной реформе, проведенной через Верхнюю Палату Парламента. Император имел право самостоятельно выдвигать законодательные инициативы, но их все равно должна была одобрить Верхняя Палата. Как и наоборот – если закон проходил через Парламент, то для его принятия требовалась подпись Императора, обладающего правом вето.

В прошлом, при правлении отца нынешнего Императора, Верхняя Палата довольно часто действовала в пику воле правителя Империи и губила его пусть и редкие, но все еще – инициативы. Сейчас же, за почти два года правления Павла IV, еще ни разу не происходило такого, чтобы Верхняя Палата отказала в своей визе. Арди, помня весь масштаб личности его императорского величества, несколько не был удивлен подобной закономерности.

Чего не скажешь о тех, кто разделял взгляды лорда Бориса Фахтова и тех различных социалистических партий, которым тот сочувствовал. Не то чтобы Император начал терять народную любовь. Скорее даже наоборот. Среди простых рабочих, фермеров и тех, кто жил от чека до чека и от зарплаты до зарплаты, Павел IV лишь набирал очки, постепенно едва ли не становясь святым еще при своей жизни.

Он строил новый «великий храм» и помогал церкви, пусть и не подпуская последнюю к управлению государством. А религия для подавляющего большинства населения Империи была крайне важна. Ну а уж про транспортную и медицинскую реформы, про повышение окладов для служащих и про введение повсеместной пенсии за счет Короны и говорить нечего.

Откуда же тогда брожения в партиях, которые как раз таки и должны представлять интересы простого народа?

Ардан подозревал, что все дело в тех, кто посещал мероприятия, на которые после рождения дочери куда реже стал заявляться лорд Фахтов.

Простым работягам и фермерам, мелким клеркам, лавочникам, трубочистам и сапожникам, механикам и конюхам, да и всем прочим, кто бился с жизнью за право встретить завтрашний день в чуть лучшем виде, чем вчерашний, – некогда было посещать подобные мероприятия. Так что зачастую основной процент визитеров на собрания социалистов составляли, как ни странно, студенты и... такие люди, как Борис. То есть те, кто обладал средствами и потому

временем. И после недавней, уже второй по счету реформы образования за чуть больше чем год, к ним стали присоединяться и маги.

– Не могу поверить, что мы наконец сможем увидеть плоды собственных трудов, – выдохнул облачко дыма Милар.

– А как же твое правило не лезть в политику, капитан? – с ехидцей спросил Дагдаг, старательно прилаживая очки в твердой резиновой оправе к лицу Арда.

– Дело не в политике, Дагдаг, а в... – Милар помахал рукой и замолчал.

Столица ведь не только Метрополия, но и вся Столичная Губерния (*от Ласточкиного залива на востоке до Шамтура на севере, границы Царских Лесов на западе и последнего верстового столба перед Ниградом на юге*), в которой сосредоточивалась почти треть всей тяжелой промышленности Империи; половина от обрабатывающих Эрталейн производств; и что-то около двух третей от общей морской портовой торговли.

– ...А в том, что пока их не пнешь, они так и будут сосать из нас все соки, – продолжил Милар. – Пока мы тут чахнем под смогом и гарью, они на травке валяются и ждут, когда Император им все на блюдечке принесет и ложечкой в рот положит, а Черный Дом позаботится, чтобы никто зубки не выбил. Ты вот знаешь, Дагдаг, что на Лазурном побережье за пять лет построили столько же школ, сколько во всей Столичной Губернии? А там проживает в шесть раз меньше жителей.

– Я тебя понимаю, капитан, – кивнул лейтенант и так сильно затянул ремень очков, что у Арда засадила переносица. – У меня детей, конечно, пока еще нет, но я понимаю. Только ты это обычному жителю той же Лазурной Губернии не объяснишь. А когда у него через несколько лет окажутся дырявые карманы и всего один башмак, куда он поедет?

– Отлично, нам как раз рабочих не хватает, – кивнул Милар.

Дагдаг вздохнул, оценил взглядом труды рук своих и указал Арду на... место у стены. Лишний раз садиться и вставать в жестком комбинезоне как-то не хотелось.

– Постой пока там, – попросил лейтенант. – После чего сядь, посиди и скажи, не трети где-то. В целом не должно, а если будет, то я уже не знаю, что делать. Я идеально к твоим размерам все подогнал.

Арда кивнул и отошел к стене. Он уже не в первый раз надевал гоночный костюм, а... второй. Прошлый раз был в начале недели, и тогда по окончании тренировки Арда едва ли не искупался в чане с тальком.

Сам же Дагдаг, вытерев руки и вспотевший лоб, подошел к Милару, все так же читавшему газету и репортаж Старшего Магистра Экономических Наук Эриозема Ключкова – главного экономического обозревателя страны. Вроде как он даже пытался попасть в кабинет экономических советников при Министерстве Финансов, но ему, по какой-то неясной причине, отказали.

– Ты ведь осознаешь, Милар, что данный закон имеет строго противоположную цель? – Дагдаг плюхнулся на кресло. – Чтобы губернии перестали жить в ожидании дотаций и начали развивать собственные промышленные базы.

– С одной стороны да, – кивнул капитан Пнев. – А с другой – в степях Предгорной особо промышленности не поставишь. Либо для этого надо истребить Шанти'Ра. Сложно это все, Дагдаг.

– Сложно, – согласился дворф. – Но у нас, возможно, не так много времени. Вопрос, конечно, с индустриализацией Губерний стоило решить еще лет десять назад, но у его императорского величества...

– Тогда на это не имелось законодательной возможности, – закончил за дворфа Милар. – Я в курсе, Дагдаг. Просто... – Капитан вздохнул и, свернув газету, отложил ту обратно на стол. – Поздно это все, Дагдаг. Сколько у нас есть времени? Три, пять, семь лет?

Главный инженер Черного Дома что-то проворчал себе под нос.

– Желательно, чтобы еще целая жизнь, – скупое ответил он.

– Жизнь, не жизнь, – пожал плечами Милар. – А даже если взять среднее – пять, то за пять лет там много чего не построят.

– А много и не надо, – парировал Дагдаг. – Достаточно чтобы вокруг Алькады стояли добывайки, до них проложили железные дороги, а в столицах Губерний или около них пыхтели литейные заводы и сборочные цеха брони. Да и хотя бы оружейные. Пули. Стволы. Приклады. Все это сейчас почти на шестьдесят процентов производится в Столичной Губернии. А мы тут...

Дагдаг повторил жест Милара и отмахнулся. Но мысль повисла в воздухе. Метрополия, являясь одновременно ключом и воротами ко всей Столичной Губернии (*в самом широком смысле – сердцу Империи*), обладала не самым выгодным географическим положением. Наследие Ветрограда, как некогда называлась столица Галесса, состарилось не лучшим образом, и то, что раньше, тысячу лет назад, обеспечивало защиту Галессу, стало открытой подбрюшиной Империи.

– Денег в их бюджетах достаточно, – продолжил Дагдаг. – Ревизоры уже полгода как на местах. К лету отправятся доверенные комиссии из министерств и наших коллег. Будут заниматься стройкой. И правильно. Если уж готовиться, то готовиться серьезно, а не в полумерах.

Милар скосил взгляд на Арда, переместившегося на диванчик и гнущегося во все стороны, которые только возможно. Арди не хотел оказаться в ситуации, когда костюм начнет натирать в самый неподходящий момент.

– Что за жизнь у нас такая, Дагдаг? То одно, то другое...

– А думаешь, что когда-то где-то было иначе?

Милар только скривил недовольную гримасу. Они собирались продолжить разговор, но над дверью небольшой раздевалки загорелась зеленая лампочка. Данный сигнал означал разрешение командам подойти к боксам со своими автомобилями.

Дагдаг едва ли не пулей бросился за дверь. Милар, подцепив плед на ногах, начал толкать колеса кресла-каталки, а Ардан, чувствуя себя садовым пугалом, как-то не очень вольготно, качаясь из стороны в сторону, отправился следом за напарником. Из-за того, как часто происходили аварии на гоночном рубеже, команды старались как можно лучше защитить своего водителя (*или, как их называли здесь – пилота*). Все это выливалось в костюмы, которые больше напоминали деревянные колодки, чем действительно – костюмы.

Они миновали узкий коридор и вышли под крышу небольшого ангара. Ардан на секунду зажмурился от яркого света прожекторов и грохота рупора. На несколько сотен зрителей, занявших высокие трибуны, вещал конференсье.

– Итак! Дорогие зрители! – судя по комплекции – дальний родственник Джона Бролида, сидя в гнезде строения, напоминающего дозорную вышку, вещал для публики. – Команды допущены до ангара! Остаются последние десять минут для отладки и настройки аппаратов, после чего пилотам в течение тридцати секунд нужно будет явиться к стартовой полосе! Напоминаю, что гонка у нас сегодня состоится скоростная, а не на выносливость. Так что всего десять кругов по стандартным правилам!

Ардан нашел взглядом госпожу Таисию Шприц. Известнейшая акула пера Империи, как всегда по-хищному статная, в платье с открытой спиной и меховой накидке поверх, сидела в одной из «лож», если так можно было назвать бокс на вышине трибун. В компании нескольких господ, один из которых, возрастом не младше профессора Конвелла, весьма недвусмысленно гладил ее плечо и что-то шептал на ухо. Таисия улыбалась, но порой отстранялась, неизменно держа около лица миниатюрный бинокль с приделанной к нему рукоятью.

Ах да.

Глаза людей...

Как нетрудно догадаться, весьма настойчивую, граничащую с настырностью компанию журналистке составлял Старший Магистр Чаз Наленский. Тот занимал весьма нескромную должность первого помощника главного исследователя Аномалий в центральном отделении Гильдии Охотников. И именно через него Таисия Шприц (*а также Черный Дом*) хотели добиться возможности принять негласное участие в экспедиции на север.

Все ради того, чтобы «пощупать нить» (*как выражались дознаватели*), связывающую сразу несколько событий: давнюю гибель отца Таисии, коррупцию в Гильдии Охотников и, возможно, связь обоих пунктов с Кукловодами, сильно заинтересованными в Аномалиях.

– Правила помнишь? – спросил Милар, раскрывая перед Ардом карту гоночного трека.

Дагда в это время заправлял бак и проводил финальную диагностику.

– Милар, а почему никто другой, кроме меня, не может сесть за руль? – в который раз взмолился Ардан.

– Потому что никто вообще не должен знать, что Черный Дом участвует в этом балагане! – в который раз прошипел Милар. – И потому что у нас клятая секретность. Правила помнишь?!

– Помню!

– Перечисли.

– В борт не бить, колесами не притирать, магию не использовать, на повороте к краю не прижимать.

Милар кивнул, а Ардан только печально вздохнул. Как будто кто-то мог забыть всего четыре правила гоночного спорта. Впрочем, самому колесному спорту в этом году исполнилось лишь восемь лет. Так что, возможно, список однажды дополнится.

– Отлично, а теперь забудь об их существовании!

Ардан хлопнул ресницами.

– Чего?

– Забудь, говорю, об их существовании! – повторил Милар. – Ты же здесь новичок. Так что против тебя будут играть жестко. Прижимать всем, чем можно. Резать едва ли не корпус в корпус. Любыми способами станут пытаться сбить с дистанции, чтобы повысить собственные шансы на победу.

– Тогда какой вообще смысл в наличии этих правил? – всплеснул руками Ард.

– В том, что если кто-то попадется на глаза рефери с флажками, – Милар указал на несколько дозорных вышек поменьше, расставленных по периметру трека, – то можно будет списать очки. Но рефери не успевают следить за всем, Ард. Да и скорости здесь запредельные. Сто, сто двадцать километров в час в среднем.

Ардан покачал головой.

– Это какой-то бред, Милар.

– Не бред, – возразил капитан Пнев. – У тебя перед ними огромное преимущество, Ард!

– Какое же это? – то ли процедил, то ли прорычал Арди. – То, что я только несколько раз прошел копию этого дурацкого трека, при этом не зацепив ничего бортом? И на скорости на треть ниже тобой озвученной?

– Тебе просто надо перестать бояться.

– Чего именно?!

– Разбить к собачьим органам эту посудину! – шепотом, сквозь сжатые зубы, процедил Милар. – Плевать, сколько она там стоит. Нам нужен клятый билет в экспедицию! Так что у тебя очевидное преимущество – эти гонщики здесь ради приза и соревнования, а ты по долгу службы!

– Прелестно, – тем же тоном процедил Ардан.

– Тем более, – уже куда спокойнее добавил Милар, – они не пережили и толики того, что пережил ты. И все пятнадцать – обычные люди. А не полукровки Матабар. Так что в любой рискованной ситуации они будут бояться повредить себе что-нибудь.

– А я что – не буду?

– А тебе зачем?

Ардан чуть было не задохнулся от возмущения.

– Может, потому, что у меня все еще в крови яд того мутанта?!

– Ну это не значит, что у тебя реакция замедлилась или зрение ухудшилось, – спокойно заметил Милар. – А то, что заживать дольше будешь... ну так, господин маг, то, что немного помнет тебя, другого сломает пополам. Про это-то тоже не забывай.

Ардан просипел ругательство на языке Фае, затем добавил орочий аналог, после чего, подумав, закончил тираду парой эльфийских крепких выражений.

– Полегчало? – спросил Милар.

Арди задумался.

– Нет, – честно признался он.

– Вот и отлично, – кивнул капитан. – Будешь собранней. А теперь давай, покажи им там... ну и не разложись напополам.

– Милар!

– Это я так, подбадриваю, – закивал капитан Пнев.

Ардан хотел было сказать что-то резкое, но тут по ушам резанул пронзительный свисток. Пилоты бросились к своим автомобилям, и Ард без особого желания, шаркая странной формы сапогами, раскачиваясь в скрипучем комбинезоне, присоединился к их числу.

– Не забывай, – напутствовал Дагдаг... стуча гаечным ключом по какой-то детали. О Спящие Духи – он *стучал* ключом! – Сбрасываешь скорость перед поворотом, а ускоряешься при начале выхода из него! Колесо всегда старайся прижимать к границе поворота, в который закладываешь руль. Левое к левому, правое к правому! А еще помни, что мое творение быстрее на прямой. Так что твой козырь – прямые участки. Не упusti.

– Ага, – только и сказал Ард и запрыгнул внутрь корпуса.

В какой-то момент Дагдаг отказался еще и от двери, так что жестяная банка (*как про себя называл автомобиль Ардан*) стала и вовсе монолитной.

– Пилоты! – гаркнул в рупор конференсье. – Завести двигатели и выехать на стартовую полосу!

Ардан повернул ключ зажигания, выжал сцепление и...

– Кажется, в шестнадцатом ангаре проблемы! Пилот дернул и заглох.

Ард прикрыл глаза, выдохнул и повторил процедуру. Двигатель, больше напоминающий какую-то бешеную зверюгу, зарычал, и автомобиль тронулся с места.

– Разложится ведь, – прозвучало за спиной.

– Скорее всего да, – не стал отрицать Милар.

– Эй, я вас слышу! – попытался докричаться Ардан, но звук его голоса потонул в реве мотора и вибрациях корпуса.

– А ты его предупредил о нашем плане?

– Нет, Дагдаг, не предупредил, иначе бы он и не согласился.

– Эй... – протянул Ардан, уже выруливая на прямую линию, куда выезжали остальные пятнадцать пилотов.

– Резонно... но некрасиво, капитан.

– Такая работа, лейтенант.

– Что еще за план?! – Ардан попытался обернуться к говорившим, но из-за этого едва не врезался в соседнего пилота, за что получил:

– Следи куда едешь, новенький! – без особой злобы, но с явным раздражением выкрикнул сосед Арда.

Тому действительно пришлось сосредоточиться на треке.

Шестнадцать автомобилей выстроились на стартовой полосе, и каждый из них рычал как-то по-своему. Кто-то урлобно, другие хрипло, надсадно, как шестнадцать голодных зверей, запертых в клетках из стали и заклепок, ожидающих того единственного мгновения, когда дверца распахнется и можно будет наконец вцепиться зубами в горло ветру.

Ард сидел в своей жестяной банке и ждал начала. Скрипя перчатками, он тер ладонями о руль. Ему принадлежала четырнадцатая стартовая позиция из шестнадцати, потому как те распределялись по итогам квалификационных заездов, а его квалификация, мягко говоря, не впечатлила. Он так сильно вцепился в руль, что даже сквозь перчатки Дагдага побелели костяшки.

Перед ним, слева и справа, раскинулся трек. Широкая полоса утрамбованного гравия, обрамленная низкими каменными блоками и мешками с песком на поворотах. Она уходила вперед длинной прямой, а затем ныряла вправо, в первый из шести поворотов, обозначенный красно-белыми полосатыми столбами. Трибуны, набитые несколькими сотнями зрителей, нависали над треком деревянными ярусами, и оттуда доносился гул голосов, перемежаемый свистками и звоном жестяных кружек.

– Дамы и господа! – загремел конференсье, и его голос, усиленный рупором, прокатился над треком, как гром перед грозой. – Пилоты на стартовых позициях, двигатели заведены и готовы к бою! Напоминаю – десять кругов по стандартным правилам, и пусть победит достойнейший!

Ард бросил взгляд на автомобиль слева. Низкий, приземистый, выкрашенный в ядовито-зеленый цвет, с длинным вытянутым капотом, похожим на морду борзой, и хромированными выхлопными трубами, торчавшими из-за задних крыльев, как рога жука. За рулем сидел пилот с такими пышными рыжими усами, что те выбивались из-под шарфа и развевались на ветру, как два маленьких боевых знамени.

Справа от Арда примостился массивный квадратный аппарат грязно-красного цвета, похожий на кирпич на колесах, с двумя выступающими фарами, напоминавшими глаза лягушки. Его пилот (*лысый, с блестящей, как начищенный котел, головой и чудовищной бородавкой на кончике носа*) даже не смотрел в сторону Арда, полностью сосредоточившись на стартовой линии.

Впереди, на первых позициях, стояли фавориты. Ард уже даже запомнил их автомобили. Элегантные и обтекаемые машины с длинными кузовами и низкой посадкой, выкрашенные в серебристый и темно-синий, явно собранные не в казенной мастерской полубезумного двора, а в настоящих конструкторских бюро, с настоящими инженерами и настоящим бюджетом.

Впрочем, скорее всего, все то же самое можно было сказать и про Дагдага, но... Ард не сильно радовался тому, где и при каких обстоятельствах сейчас находился.

На первой позиции обустроился серебристый автомобиль с черной полосой по капоту, за рулем которого сидел человек в белом шарфе и кожаном шлеме, надвинутом на глаза так низко, что виден был только острый, хищный подбородок.

– Рефери на позициях! – продолжал конференсье. – Флаги подняты! Господа пилоты, приготовьтесь!

Ард выжал сцепление. Левая нога слегка дрожала. Не от страха, а от напряжения, потому как педаль в творении Дагдага была тугой, как отведенная назад ветка тиса, и требовала усилия, от которого уже через минуту начинало ныть пока еще не окончательно зажившее бедро.

Правая рука юноши лежала на рычаге коробки передач. Первая, нейтральная, он переключал туда и обратно, проверяя ход инструмента и чувствуя, как механизм шелкает под ладонью. Двигатель, спрятанный где-то за его спиной (*Дагдаг, в припадке инженерного безумия, разместил мотор сзади, заявив, что так улучшается сцепление задних колес с дорогой*), ревел

низким, утробным рокотом, от которого вибрировало все – начиная сиденьем и рулем, и заканчивая зубами.

– Внимание!

Выстрел стартового пистолета разорвал воздух хлестким ударом ковбойского хлыста.

Шестнадцать автомобилей одновременно рванули с места, и мир вокруг превратился в рев, дым и бьющий о стеклянный щитл гравий. Ард отпустил сцепление – слишком резко, как всегда, – и «банка» дернулась, едва не заглохнув, но мотор Дагдага, закаленный руками дворфа, вместо ласковых слов стучавшим по деталям гаечным ключом, выдержал и потащил автомобиль вперед с такой яростью, что Арда вдавило в спинку сиденья.

Ему требовалось перейти на вторую передачу. Стиснув зубы, он выжал сцепление и толкнул рычаг вперед и влево, а затем резко отпустил. Мотор взвыл на полтона выше прежнего, и гравий полетел из-под колес. Ветер ударил в лицо и разбился об очки – Арду, благодаря третьему веку, те не требовались, но было бы странно, явись он без важного предмета «формы».

Он уже отставал. Зеленый автомобиль с усатым пилотом ушел вперед почти сразу. Так легко, будто его машина весила вдвое меньше, а красный кирпич справа, несмотря на свою нелепую внешность, тоже оказался резвее, чем выглядел. Его лысый водитель с бородавкой уже маячил впереди, обдавая Арда горячим выхлопом.

Пришла пора третьей. Ард вдавил сцепление, дернул рычаг на себя и вправо, поймал передачу и отпустил педаль, одновременно вжимая газ. Его ждала прямая. Длинный, ровный, метров триста участок, и здесь, именно здесь, Ард почувствовал то, о чем говорил Дагдаг. Его уродливая, клепаная, лишенная всякой красоты жестяная банка (*по мнению внутреннего голоса Арда*) внезапно обрела крылья и полетела. Мотор, перейдя на третью передачу, выдал такой рывок, что Ард на мгновение потерял чувство собственного веса, и машина понеслась по прямой, пожирая гравий, обгоняя собственный рев.

Красный кирпич, который только что был впереди, начал медленно, неохотно сползать назад – сначала вровень с передним колесом Арда, потом вровень с кабиной, а потом и вовсе замаячил в боковых зеркалах.

– Шестнадцатый набирает скорость на прямой и обходит девятого! – взорвался конфетансье. – Неожиданно для новичка, дамы и господ, весьма неожиданно!

Первый поворот надвинулся на Арда неприступной стеной. Забирающий вправо, невероятно крутой, обозначенный полосатыми столбами и мешками с песком, за которыми начался обрыв к зрительским трибунам. Ард вспомнил слова Дагдага и ударил по тормозу, одновременно вдавив сцепление левой ногой. Правая рука сдернула рычаг обратно на вторую, и юноша заложил руль в сторону дуги трека, прижимая правое колесо к внутреннему краю поворота. Он чувствовал, как задние колеса чуть скользят на гравии, как машину тянет наружу, к мешкам, к бордюру, к обрыву, и стиснул руль крепче, удерживая траекторию.

И тут зеленый автомобиль с усатым пилотом, который, как и все остальные, тоже замедлился перед поворотом, вынырнул откуда-то слева и пошел на обгон. Прямо внутри горизонтальной арки изгибающейся дороги, по внешнему радиусу, прижимаясь к машине Арда так близко, что между бортами оставалось не больше ладони.

Арда увидел, как рыжие усы трепещут на ветру, как блестят глаза усача. Сверкали веселым блеском, абсолютно бесстыжие и невероятно азартные. Его зеленый автомобиль, скрежетнув крылом о крыло «банки», протиснулся вперед и ушел на выход из поворота, обдав Арда фонтаном гравия.

Камешки застучали по корпусу, один попал в стекло очков, оставив мутную царапину. Ард не стал отвлекаться на судей – слов Милара было вполне достаточно. Он дождался начала выхода из поворота и вдавил газ, чувствуя, как мотор Дагдага рывкнул и бросил машину вперед. Но зеленый уже ушел, и впереди были еще четырнадцать машин, а первый круг еще даже не завершился.

Второй поворот забирал в противоположную сторону, но выглядел более пологим и длинным. Ард вошел в него чище предыдущего. Он прижал левое колесо к краю; ощутил, как шины скребут по камню, и на выходе толкнул рычаг на третью передачу и вжал газ до упора. Мотор ответил тем яростным, хриплым воем, который Дагдаг называл «боевым кличем» своего творения. Очередная прямая открылась перед его глазами, и Ард увидел впереди хвост «процессии». Шесть или семь автомобилей, сбившихся в кучу, толкающихся бортами, как быки на водопое. Кто-то тормозил, кто-то вилял, и из этой кучи то и дело вылетали куски камней, обломки крыльев и чьи-то проклятия, которые ветер доносил до Арда рваными клочьями.

– Какая борьба, дамы и господа! Номер три и номер семь идут борт в борт на входе в третий поворот, и это выглядит крайне опасно для обоих пилотов! Но рефери пока молчат!

Ард впервые за гонку рискнул перейти на четвертую. Левая нога вжала сцепление, правая рука толкнула рычаг в крайнее правое положение, и Ард отпустил педаль, чувствуя, как автомобиль словно подхватил порыв шторма Недели Гроз. Спидометр, маленький, круглый, с дрожащей стрелкой, показал девяносто, затем девяносто пять и сто.

Ветер уже не просто бил в лицо. Он ревел, выл, рвал из рук руль, и Ард чувствовал, как каждая неровность дороги отдается в позвоночнике, как вибрирует каждая заклепка в корпусе, как дрожит само пространство вокруг него, стянутое скоростью в узкий тоннель едва поспевавшего за спидометром сознания.

На третьем круге Ард обошел еще двоих – толстяка в клетчатой куртке, чей автомобиль, выкрашенный в шахматную черно-белую клетку, перегрелся и начал чадить на подъеме, и молодого парня с длинным шрамом через всю левую щеку, который слишком широко вошел в пятый поворот и вылетел на обочину, увязнув задними колесами в песке. Ард проскочил мимо него, видя краем глаза, как парень колотит кулаками по рулю, и на мгновение ему стало почти жаль бедолагу. Но жалость, как и страх, и осторожность, да и даже здравый смысл, – все это оставалось где-то позади, на стартовой полосе, вместе с прежним Арданом, который боялся сцепления и потел за рулем казенного «Деркса».

Потому что здесь, на треке, на скорости, от которой двоилось в глазах и звенело в ушах, внутри Арда просыпалось нечто, чего он раньше в себе не знал. Нечто горячее, жадное, ненасытное – оно ворочалось в груди, как зверь, почуявший добычу, и требовало одного: быстрее, быстрее, еще быстрее.

Будто он снова где-то там, среди Алькадских горных троп. И вновь бежит по камням, снегам и скалам наперегонки с Кайшасом. Без надежды обогнать четырехкрылого орла, а просто ради самой радости игры наперегонки с ветром.

Четвертый круг.

– Номер шестнадцатый продолжает удивлять публику и уже поднялся на девятую позицию, обойдя еще трех пилотов за последние два круга! Новичок явно не намерен отсиживаться в хвосте, дамы и господа!

На входе в последний, шестой поворот, самый сложный, похожий на змейку, требующий двух последовательных переключков руля, – Ард допустил ошибку. Забывшись в детских ощущениях, он влетел в арку слишком быстро, не сбросив скорости вовремя, и машину понесло на внешний радиус, к мешкам с песком. Ард крутанул руль, пытаясь удержаться, и задние колеса сорвались в занос. Мир на мгновение завертелся тошнотворной каруселью, – трибуны сцепились крепкими объятиями с дорогой, а небо замельтешило где-то среди гравия, отделявшего асфальт трека и песок обочины. Ард, действуя скорее инстинктивно, нежели осознанно, вывернул руль в сторону заноса и ударил по газу.

Автомобиль фыркнул рассерженной дворовой кошкой, выровнялся и понесся дальше, потеряв позицию и время, но не сам факт участия в гонке.

– О-о-о! Шестнадцатый чуть не разложился в шестом повороте, но каким-то чудом удержался на треке! Bravo, юноша, bravo!

Сердце колотилось так, что пульс отдавался в горле. Руки тряслись. Но внутри... внутри все горело. Горело с каждой секундой только ярче, жарче и ненасытнее. Ард даже не испугался. Он скорее разозлился. Разозлился на самого себя. За дурацкую ошибку, за потерянное время и за упущенную позицию, которая далась ему вовсе не за «просто так». И злость эта, вместо того чтобы ослепить или обезоружить, наоборот – лишь все обострила. Зрение, как и когда-то на охоте, обрело четкость, руки – тверже держали руль, и каждый поворот, каждый перепад, каждая неровность в покрытии и разбросанный с рубежа гравий – все стало видимым, легко читаемым и таким понятным, будто Ард вновь сидел за собственными формулами перед открытым гримуаром.

Пятый круг остался позади. На шестом кто-то (*Ард не увидел кто, только услышал грохот и скрежет*) вылетел с трека на повороте. Мимо Арда, на обочине, промелькнул перевернутый автомобиль с крутящимися в воздухе колесами, а из-под него уже выбирался пилот в разодранном комбинезоне, держась за голову и пьяно шатаясь.

– Номер одиннадцатый выбывает из гонки после столкновения с бордюром в четвертом повороте! Медицинская бригада уже на месте! А мы продолжаем, дамы и господа, мы продолжаем!

Осталось четырнадцать водителей. Ард шел десятым. Впереди – целый поток из машин, и каждая из них была быстрее его на поворотах, потому что их пилоты знали этот трек наизусть, знали каждую кочку, каждый уклон, каждый камешек. Ард же знал только то, что ему рассказывали Милар и Дагдаг, и то, что он успел запомнить за несколько тренировок на копии трека, построенной лейтенантом.

На прямых – другое дело. На прямых мотор Дагдага рвал и метал, оставляя позади большинство тех, кто осмелился бы с ним посостязаться. Ард чувствовал это каждый раз, когда выходил из очередной арки на длинный ровный участок и вдавливал газ. Автомобиль выстреливал вперед, и соперники, только что маячившие впереди, вдруг начинали сползать назад, как лодки, плывущие против течения. Но потом дорогу изламывал очередной поворот, и все преимущество мгновенно размазывалось на уклоне, потому что Ард входил в него осторожнее, медленнее и шире, чем нужно, и те, кого он обошел на прямой, легко обгоняли его, демонстрируя задние красные фары.

На седьмом круге каска Арда, и без того слетевшая набок, окончательно сдалась. Ремешок, державший ее под подбородком, лопнул на входе в третий поворот, когда Арда трянуло на кочке. Каска, подхваченная встречным потоком воздуха, улетела куда-то назад, в пыль и гравий, и Ард на мгновение увидел в зеркале, как та катится по треку, подпрыгивая и потрескивая на асфальте брошенным мячом.

– А вот и шестнадцатый потерял шлем, дамы и господа! Молодой человек, осторожнее, это вам не прогулка по набережной!

Ветер хлесткой, влажной ладонью ударил по макушке. Волосы, которые Тесс собиралась ему снова подстричь, мгновенно разметались во все стороны, хлеща по лбу и вискам. Ард откинул их рукой – одной, не отпуская руль, – и прибил липким потом. Он стиснул зубы, чувствуя, как ветер сдавливает горло и сушит губы.

На восьмой круг Ард шел одиннадцатым. Лидеры оторвались еще дальше. Серебристый автомобиль с белошарфным пилотом, за ним темно-синий с номером четыре, за ним еще двое. Ард видел их далеко впереди, мелькающими точками, которые входили в следующие повороты, когда он только выходил из предыдущих. Разрыв был чудовищным, и с каждым кругом он лишь рос, потому что фавориты не ошибались. Их не заносило, они не теряли каски, и их автомобили не зачерпывали гравий на каждом следующем повороте.

Ард отыгрывал на прямых недостаточно, чтобы компенсировать потери.

Но зверь внутри не унимался. Он грыз ребра, рвался наружу и требовал: еще быстрее, еще резче, гнаться и гнаться за убегающим от него ветром. Ард влетел в пятый поворот на

скорости куда выше обычной. Колеса завизжали, гравий полетел широким веером, автомобиль потащило наружу. Ард удержал его одним только азартом. Вывернул руль так, что заныли запястья, и на выходе из поворота вжал газ на третьей передаче, рванув вперед.

Он обошел сразу двоих. Усатого на зеленом (*тот что-то прокричал ему вслед, но ветер сожрал слова*) и бородавчатого на красном, который, увидев, как «банка» проносится мимо в сантиметрах от его борта, шарахнулся в сторону и едва не вылетел на обочину.

– Новичок пошел ва-банк, дамы и господа! И вот мы видим, как номер шестнадцатый обходит четырнадцатого и девятого одновременно. Буквально протискивается между их бортов! Судьи, это ведь почти нарушение! Правда ведь?! Но – нет, пропустили! Красиво, Вечные Ангелы, как же красиво, что бы ни говорили о новичках!

Наконец девятый круг. Предпоследний. Ард шел седьмым, и это было лучшее, на что он мог рассчитывать, потому как шестеро впереди были из другой лиги. Не только быстрее и опытнее, но и с автомобилями, над которыми день и ночь трудились целые конструкторские бюро.

Но охотник внутри не считал позиции.

Охотник даже не думал о местах. Он просто бежал. На пределе своих возможностей. Так быстро, как только позволяли его железные лапы с резиновой кожей. И Ард, к собственному удивлению, тоже хотел бежать. И это желание было таким острым, таким горячим, таким живым, что у него пересохло во рту и загудело в ушах. Просто бежать. Как можно быстрее.

На прямой он обошел еще одного – тощего пилота в круглых очках, чей темно-зеленый автомобиль с нарисованными по бортам крыльями, как у птицы, вильнул на кочке. Ард увидел щель и бросил автомобиль в нее, едва не содрав тощему зеркало. Теперь он шестой? Или пятый? Плевать.

Впереди остались пятеро, и все они обгоняли его уже больше чем на полкруга. И догнать их за один оставшийся круг было невозможно. Совершенно физически и математически невозможно.

Но Ард не собирался догонять.

Он собирался бежать.

Впереди остался десятый круг.

Последний.

Ард вошел в него на четвертой передаче, на скорости, которую стрелка спидометра отказывалась показывать, потому что уперлась в ограничитель и дрожала там пойманной бабочкой. Мотор Дагдага ревел. Не рычал, не выл, а именно ревел, тем первобытным, утробным ревом, который издают звери, когда бегут не от чего-то, а за чем-то, и знают, что догонят.

Ветер рвал волосы, сжимал грудь, драл незащищенную кожу лица, и Ард не чувствовал ничего, кроме скорости.

Вновь изогнулся первый поворот последнего круга. Ард вошел в него так, как не входил ни разу за всю гонку. Он срезал внутренний край, и правое колесо проскрежетало по гравиям, высекая искры. На выходе юноша вдавил газ так, что задние колеса провернулись на месте, прежде чем вцепиться в асфальт и вытолкнуть машину вперед.

Второй поворот. Третий. Четвертый. Ард проходил их один за другим, как заклинания в цепочке Резонанса – точно и быстро. На той грани, на самом краю, где ошибка означала бы не только потерю дурацкой позиции в не менее дурацкой гонке. Охотник внутри пел, кровь стучала в висках, и Ард впервые в жизни понял, почему Аркар, Нита, Таисия и Милар так любили поиграть наперегонки с ревом своих же двигателей.

Внезапно под капотом раздался грохот, и дорога, совсем не метафорично, поползла куда-то вперед.

Не сразу, не вдруг. Сначала пришла дрожь. Ард почувствовал ее через руль, через педали, через каждую кость своего тела. Дрожь шла снизу, из-под асфальта, укрывшего спящую землю,

из тех самых плывунов, о которых предупреждали инженеры и о которых писали газеты каждую весну. Потом по ушам ударил звук. Глухой и утробный, как стон раненой степной Лохматины. А под конец впереди, метрах в семидесяти, между пятым и шестым поворотами, трек попросту исчез.

Не просел даже, а банально провалился. Участок дороги длиной в добрых семь метров ушел вниз, как будто кто-то выдернул из-под него опору, и на месте ровной полосы асфальта зияла яма. Рваная, с осыпающимися краями, с торчащими обломками бордюра, водопадами из гравия и мешками с песком, повисшими над пустотой. Плывун, проснувшийся от весенних вод, сожрал кусок трека, как голодная рыба наживку.

Трек ведь совсем новый... а прошедшая зима оказалась столь яростной...

– Вечные Ангелы! – заорал конференсье, и впервые за всю гонку в его голосе зазвучал не азарт, а страх. – Провал на треке между пятым и шестым поворотами! Всем пилотам – немедленно остановиться! Красный флаг! Красный флаг!

Впереди, метрах в тридцати от провала, Ард увидел автомобиль – тот самый темно-зеленый, с птичьими крыльями, который он обошел на девятом круге. Пилот в круглых очках отчаянно давил на тормоз. Его автомобиль, разбрасывая гравий, шел юзом и остановился лишь в нескольких метрах от края, накренившись на два колеса и замерев поставленной на дыбы лошадью.

За ним, один за другим, пытались спастись и остальные. Визг тормозов, скрежет гравия, крики. Красные флаги на вышках рефери, будто те могли на что-то повлиять, остервенело метались из стороны в сторону.

Ард несся к провалу на четвертой передаче, на скорости, которую спидометр отказывался показывать, и у него было, может быть, лишь несколько секунд, чтобы принять решение.

Тормозить.

Или нет.

Он посмотрел на провал. Перед внутренним взором карандаш заплесал по воображаемой бумаге. Семь метров или больше. Глубина – неизвестна, но края явно были совсем не на одном уровне, может перепад в метр, но не больше. Противоположный край – ровный, а за ним шестой поворот и финишная прямая.

Охотник внутри Арда не раздумывал ни мгновения.

Арда ударил по газу. Не просто нажал – вдавил педаль в пол так, что почувствовал, как подошва ботинка проминает металлическую пластину. Левая нога вбила сцепление до упора, правая рука рванула рычаг на третью, и Ард вжал газ до предела. Мотор взвыл на предельных оборотах. Стрелка тахометра, спрятанного за треснувшим стеклом на приборной панели, рванула вправо и с металлическим щелчком, которого Ард даже и не услышал, ударилась об отсекатель.

Он резко, без лишней плавности, без ненужной нежности, отпустил сцепление. Мотор, рискуя расколоть поршни и захлебнуться в собственной ярости, взревел так, что задрожал корпус, загремели заклепки, и стрелка тахометра попросту замерла. А спидометр и вовсе прогнулся выпуклой крышкой банки с прокисшим соленьем.

Край провала приближался. Ветер смеялся где-то позади Арда. А перед ним раскинулась вовсе не темная дыра в асфальте, а как и тогда – скалистые просторы родных гор. Он снова, как и в детстве, бежал следом за Кайшасом, слыша ритм сердца орла и хлопки его крыльев. Он слышал ветер в перьях небесного странника и чувствовал, как плывет в нем, будто по воде.

Колеса оторвались от земли.

Наступила тишина.

Немного странная. Мотор все еще ревел, и ветер все еще рвал волосы. Это была какая-то совсем новая для Ардана тишина. Тишина полета. Тишина мгновения, когда колеса больше не касаются земли, и ты – не пилот, не маг, не дознаватель, не чей-то муж и не чей-то сын, – ты

просто летишь. Над пустотой. Над провалом. Над всем, что так сильно тревожило последнее время.

Над обидой брата. Над скорым рождением четвертого ребенка Шайи. Над предложением Гранд Магистра Эмергольд. Над итогами Конгресса. Над собственным непониманием того, чего ты ждешь от жизни. Просто летишь, стараясь удержаться на невидимых руках, рискнувших поднять тебя над землей.

Просто летишь.

Ард прикрыл глаза.

Ветер трепал его волосы.

Под ним с кроважадной улыбкой ждала своей законной добычи пасть темного провала. Над ним улыбалось алым закатом небо, открывая двери для молодой ночи. И где-то на самом краю слуха, за ревом мотора и свистом ветра, ему показалось, что он слышит крик. Тонкий, пронзительный, радостный.

Крик ласточки.

Возвращаясь весной, они рассказывали безумные истории, глупые сказки и откровенную ложь о том, что происходило там, по ту сторону Большой Воды.

Атта'нха наставляла их никогда не слушать, и Ардан беззастенчиво врал, что так и поступает. А сам, стоило первым теплым лучам коснуться скал, забирался повыше и ждал возвращения маленьких птишек. Когда-то давно, в другой жизни, маленький охотник лежал на утесе, смотрел, как те возвращаются домой, и думал, что нет ничего лучше, чем уметь летать. И сейчас, в этом мгновении, подвешенном между небом и землей, в промежутках между прытками шажками секундной стрелки, Ардан подумал то же самое.

Не так уж и плохо уметь летать.

Воздух выбило из легких, а в ушах загремел набат железного удара, сменившийся пронзительным скрипом.

Автомобиль рухнул на противоположный край провала всеми четырьмя колесами одновременно, и Арда подбросило в кабине так, что он ударился затылком о подголовник. Перед глазами на мгновение потемнело, зубы лязгнули друг о друга. Подвеска – то небольшое, что осталось от того, что Дагдаг называл подвеской, – хрустнула, взвыла и лопнула с левой стороны. Автомобиль тут же повело в сторону, швырнуло боком, и заднее левое колесо, не выдержав такого с собой обращения, оторвалось от оси и покатилося куда-то в сторону.

Корпус просел на левый борт, высекая из асфальта сноп искр, и понесся к финишной прямой боком – скрежеща, воя, разваливаясь на ходу, оставляя за собой полосу разодранного металла и клубы пыли. Ард схватил руль обеими руками и остервенело... жал на газ, хотя это уже не имело никакого смысла, потому что автомобиль даже не ехал. Он просто по инерции неся на трех колесах и куске металла, и каждый метр отзывался в предплечьях костедробительной вибрацией. В ушах уже звенело от лязга.

Арду показалось, что он различил финиш. Белую ленту, заранее прокинутую между стойками на том же самом месте, откуда стартовал их заезд.

Автомобиль жадно порвал бумажную полоску. Боком. На трех колесах. В облаке пыли и искр.

Протащился еще немного и застыл.

– Я не верю своим глазам! – Конферансье уже не кричал, а, напроць сорвав голос, громко хрипел. – Шестнадцатый! Шестнадцатый перепрыгнул провал! Он перепрыгнул провал и пересек финишную черту! Дамы и господа, я почти десять лет комментирую гонки и никогда в жизни не видел ничего подобного!

По ту сторону провала, на безопасном расстоянии от края, стояли остальные автомобили. Дюжина пилотов, дюжина автомобилей, и ни один из них не рискнул. Они стояли и смотрели

на развалившуюся «банку» по ту сторону пропасти, из которой, медленно и неуклюже, вылезал высокий юноша с растрепанными волосами, без каски, в разодранном комбинезоне.

Трибуны ревели.

А Ард стоял рядом со своим мертвым стальным скакуном, тяжело дышал и смотрел в небо, где высоко-высоко, в темно-алой дали, кружили птицы.

Ласточки.

Они вернулись.

А вместе с ними в город пришла весна.

Глава 124

Перед тем, как Арда закрутила круговорот событий, он успел различить лица Дагда с Миларом. Учитывая, что капитан Пнев все так же пребывал в своем уже немного затертом кресле-каталке, то головы человека и дворфа-полукровки оказались на одном уровне. С чуть приоткрытыми ртами, изрядно побледневшие, они смотрели куда-то сквозь Ардана, не сводя взглядов пустых, стеклянных глаз с провала.

Лейтенант Дагда, не поворачивая головы, медленно передал смятую купюру экс-Милару, а капитан, с тем же отрешенным видом, тихонько ее принял и убрал в карман.

Ардан начал кое-что подозревать, и по его спине пробежался холодный марш липких от пота мурашек. Но сосредоточиться на данной детали ему не дали. Со стороны трибун, которые не пострадали из-за обрушения плавбуна, к нему уже бежали репортеры. Так что Ардан, натянув на лицо чудом уцелевший шарф, развернулся и... припустил в сторону ангара.

У человеческих мужчин и женщин, часть из которых несли микрофоны с массивными Лей-диктофонами размером со студенческую сумку Арда (*а кто-то тащил и треноги с фотоаппаратами*), не было и шанса догнать молодого полукровка матабар. Даже несмотря на большую ногу, зудящее и саднящее тело, а еще явный ушиб... всего вышеупомянутого тела, Ардан с большим отрывом добрался до ангара и исчез внутри. Дагда с Миларом тоже опомнились и, развернувшись, поспешили повторить трюк Арды с исчезновением.

Когда они втроем очутились в довольно тесной камерке раздевалки, то по ту сторону двери все еще слышались крики и просьбы дать интервью или сделать фотографию, но с толпой разбирались охранники. По правилам гонок на трек вообще нельзя было выходить посторонним, не говоря уже о том, чтобы заходить в ангары. Все же каждая из команд старалась сохранить в тайне свои наработки, да и банальный промышленный шпионаж (*учитывая, что подавляющее большинство команд и их аппаратов производились и конструировались на заводах по производству гражданского колесного транспорта*) никто не отменял.

Ардан, тяжело дыша, не без помощи Дагда вылезал из резко ставшего свободным, хлюпающим от влаги, комбинезона. По собственным ощущениям юноши, он за время получасовой гонки потерял не меньше трех килограмм веса. А если верить зеркалу, стоявшему рядом с жестяными шкафчиками, – все пять.

Оставшись в одном только исподнем, Арди опустил на деревянную скамью и прижался спиной к стене. Холодный камень под шершавой штукатуркой подействовал на Арда не хуже прохладного душа, заставив мышцы расслабиться. Из рта вырвался облегченный выдох, и Ардан опустил плечи чуть ниже.

– Вы ведь не подстраивали обрушение трека, правильно? – уже без особых эмоций, изрядно обессиленный, спросил юноша.

Он не обращался ни к кому конкретному, да и учитывая закрытые глаза – общался, скорее, с пустотой.

Несколько секунд камерка раздевалки нежилась в мягкой, почти даже уютной тишине.

– Обрушение?! – взревел Дагда.

– Ты думаешь, господин маг, Черному Дому больше нечего делать?! – вторил ему Милар.

– Это, конечно, было невероятно эпично, капрал, но! – Дагда, судя по звукам, возможно, но только «возможно», едва ли не плакал. – Но ты превратил мое творение в кусок металлолома! Шесть с половиной тысяч эксов! У вас в семействе Эгобаров какая-то дурацкая традиция? Портить имущество Империи?! Что за страсть такая к разрушениям?!

– А что мне надо было сделать, – все так же сухо и без эмоций, чувствуя себя максимально опустошенным, слегка приподнял руки Ардан, – останавливаться и проигрывать гонку?

– Да не было бы никакого проигрыша, – взвыл Милар, который, скорее всего, переживал не столько из-за ущерба, сколько просто из любви к «колесному искусству». – Гонку бы отложили, а... ты видел, как этот старый дамский угодник Наленский прижимался к госпоже Шприц? Он бы, даже если бы ты семнадцатое из шестнадцати мест занял, все равно бы как-нибудь все выкрутил так, чтобы оказаться в одной упряжке с Таисией.

– Тогда к чему все это было? – Арди хотел было возмутиться, но не смог.

Он чувствовал себя пустой стекляшкой, из которой вылили все содержимое, оставив в качестве утешительного приза только приятную усталость и собственный ритм спокойного, миротворенного сердца.

– Потому что вплоть до последнего момента этот нюанс не был известен общественности, – скривился Милар. – Кроме, наверное, самой Шприц. И если бы мы проиграли, она бы потом все обставила...

– Что помимо пари добилаась нашего участия, – подхватил Ард. – И оказалось, что Черный Дом, в лице нашего отдела, ей немного задолжал.

Милар строго «угукнул». Арди вспомнил слова Полковника о работе с некоторыми, весьма ушлыми и, очевидно, совершенно бесстрашными гражданскими. Только таким, как журналист-расследователь Таисия Шприц, могло прийти в голову попытаться использовать в своей схеме Черный Дом. Даже несмотря на почти полувековое забвение Второй канцелярии, та... все еще оставалась Второй канцелярией.

– И в чем, в таком случае, заключался ваш план? – Арди перевел разговор в другое русло.

– А ты не заметил, господин маг? – как-то слишком уж ехидным тоном, вопросом на вопрос ответил Милар. – Когда ты слишком близко принял к сердцу мои слова про правила и едва не сбил с дороги сразу двух пилотов, хоть один из судей тебе флажок поднял?

В сознании Арда прогремел рефери:

«...Новичок пошел ва-банк, дамы и господа! И вот мы видим, как номер шестнадцатый обходит четырнадцатого и девятого одновременно. Буквально протискивается между их бортами! Судьи, это ведь почти нарушение! Правда ведь?! Но – нет, пропустили! Красиво, Вечные Ангелы, как же красиво, что бы ни говорили о новичках!»

Спящие Духи, это ведь было так очевидно и так просто. Черному Дому ничего не стоило немного «повлиять» на судей, чтобы те «не заметили» нескольких моментов со стороны Арда.

– Значит...

– Ты в любом случае выиграл бы, Арди, – Милар выдержал едва ли не театральную паузу. – Финиш ведь сразу после шестого поворота, перед которым прямая. Дагдаг специально построил автомобиль, который выдает максимум именно на прямой. Там началась бы жесткая борьба, и судьи смогли бы зафолить вообще всех. Пару секунд от таймера там, пару секунд здесь – и даже если бы ты пересек черту шестым или седьмым, то по таймерам, с учетом штрафов, выиграл бы гонку.

– Но почему вы мне не рассказали?

Судя по все той же тишине, Дагдаг с Миларом переглянулись.

После короткого вздоха капитан переспросил:

– А ты бы сел за руль, зная все детали?

Арди даже не требовалось время, чтобы ответить. Не прибегая ко лжи или к словесным играм Скасти, он спокойно и честно, ни мгновения не раздумывая, категорично заявил:

– Нет.

– Вот поэтому и не рассказали, – как нечто само собой разумеющееся подытожил Дагдаг. – Нам требовалось, чтобы ты не оказался в самом хвосте. А все остальное сделал бы Черный Дом.

– Это нечестно.

– Это служба, – не согласился Милар. – Как я уже сказал – ты гонял по долгу службы и ради вполне осязаемой цели, а остальные ради всего остального. Ну и приза, конечно.

Арди чуть встrepенулся.

– А что, есть приз?

– Разумеется.

На сей раз голос принадлежал вовсе не Милару, вечно звенящему прокуренной хрипотцой; и не Дагдагу, который говорил едва ли не с теми же нотками, с которыми стучали его молотки и гаечные ключи о листы металла. Если, конечно, никто из них вдруг не научился имитировать женский голос. И весьма, к тому же, необычный.

Ардан открыл глаза.

На пороге, не со стороны ангара, а со стороны входа в сам комплекс, рассчитанный на автомобили и команды пилотов, стояла Таисия Шприц. Все так же лет двадцати семи, может немногим старше. С густыми черными волосами, размашистыми кустистыми бровями, высокими скулами, тонким носом, пухлыми губами и блестящим взглядом голубых радужек, обрамляющих темные, глубокие зрачки. Ее сердце, как и всегда, стучало спокойно и ровно.

Арди прежде видел госпожу Шприц лишь в образе «старушки», под которую она загримировалась ради приема Тревоора Мэн на злополучном дирижабле, а также в обычном, повседневном платье около Арены, и строгом, модном ныне женском костюме в бар-клубе Магического Бокса. То, как Таисия выглядела на премьере Концертного Зала, Арди почти не помнил – все его внимание в тот вечер занимали Тесс и сделка с Пижоном.

Сейчас госпожа Шприц внешне весьма оправдывала свое звание одной из сердцеедок высшего света. Она не обладала какой-то сногшибательной фигурой, но умело подбирала одежду так, чтобы подчеркнуть все, что требовалось подчеркнуть, и скрыть то, что не хотела показывать другим. Короткие ноги она исправила высоким каблуком, вытянувшим лодыжку так, что та зрительно продолжила голень.

Слишком высокую и пологую талию она компенсировала разными тонами верха и низа платья и широким кожаным поясом. Небольшую, но весьма высокую грудь, госпожа Шприц щедро сдобрила декольте, достойным того, чтобы демонстрировать его в эпоху позапрошлого века. Тогда, из-за разгула определенных венерических болезней при дворе, женщины часто обнажали верхнюю часть груди, демонстрируя, что у них нет характерной сыпи и язв.

Разумеется, подобная традиция быстро переросла в громадный спрос на белила из смеси ртути и селитры, от которой гибли порой даже чаще, чем от болезней «беспорядочной любви». И все это Арди узнал вовсе не в школе Эвергейла или в Большом, а от собственной матушки. Она любила рассказывать истории о своем ремесле, а Ардан любил ее слушать.

Узкие и слегка покатые плечи Таисии спрятались за какими-то пышными элементами декора платья, а вот в чем госпожа Шприц выиграла природное состязание, так это в идеально симметричной спине и лице. И именно их она держала открытыми. Спину ткань не трогала от лопаток и едва ли не до того места, где заканчивалась «талиа» и намечались два холма с ложбинкой между ними. Но их умело прикрывала сеточка из золотых цепочек, удерживающих платье и честь госпожи Шприц.

Что же до лица, то госпожа Шприц владела палеткой, кисточкой и макияжными карандашами едва ли не виртуозней гримеров с Бальеро. И без того красивое лицо, с четко очерченными скулами и правильным соотношением лба к нижней трети, с макияжем и вовсе казалось портретом какого-то весьма специфического художника. И да, возможно, госпожа Шприц не выглядела красавицей и была далека от данного понятия, но от нее исходила совсем другая энергия.

Та, которая заставляла мужчин провожать госпожу Шприц жадным взглядом. И неважно, во что именно та была одета. Ардан видел подобное в лесу, во время гона – у зверей. И госпожа

Шприц, сознательно или нет, дарила мужчинам если не надежду, то пробуждала саму мысль о том, чтобы помечтать о переходе разговора в горизонтальную плоскость. И в этом не ощущалось ни магии, ни искусства Фае, просто что-то внутри самой Таисии светило определенным светом для мужчин, уже на личном опыте знающих, что такое порез при бритье.

Ардан, несмотря на то, что брился дважды в день, утром и вечером (*иначе расцарапал бы Тесс жесткой щетиной*), смотрел на данное чувство со стороны. Он его, забавным образом, не испытывал, но понимал. Что касается Дагдага и Милара, то те на мгновение замерли. Исключительно из-за физиологии, а не потому что...

Арди внезапно понял, что не знает деталей семейного положения лейтенанта Дагдага.

– Не уверена, как они договорятся со страховой, – госпожа Шприц раскрыла сумочку, достала портсигар и без мундштука, абсолютно по-мужски, прикурила от спички и глубоко затянулась. – Гильдия Охотников является мажоритарным акционером трека и... что-то мне подсказывает – они знали о крушении.

– Громкое заявление, госпожа...

– Можно просто Таисия, – журналистка перебила Милара и отогнала ладонью дымное облако. – Что же до вашего вопроса, Ард, то приз есть. Но получить его – это уже ваше личное предприятие. Не мое.

– И... сколько он? – словно походя, стараясь не выглядеть заинтересованным, спросил Ардан.

– Полторы сотни и скидка в тридцать пять процентов на заводе любого из тех, кто участвовал в гонке, – с чуть хищным блеском в глазах ответила Таисия.

Арди даже не старался делать вид, что не рад услышанному. Да, эксы, из-за его нынешнего уровня трат, совсем небольшие. Не хватит даже на месяц исследований. Но куда важнее – тридцать пять процентов скидки!

– Милар, а...

– С отделом снабжения будешь разбираться, – теперь уже перебил Милар. Может, в воздухе что-то такое витало, что все друг друга перебивали. – Ты участвовал без псевдонима, но под номером. Если они простят тебе растрату имущества и не обратят выигрыш в казенный доход, то будет тебе счастье.

Радость внутри Арда немного потухла. Чтобы отдел снабжения Черного Дома не стал оборачивать в собственный доход хотя бы даже пару ксо? Смешно. В прошлый раз, когда он сдал чек после выигрыша в «Семерку» на Дирижабле, то даже устной благодарности не получил. Не говоря уже про хоть какой-нибудь процент.

– Вот потому и не люблю государственную службу, – чуть поджала губы Таисия. – За каштанами в огонь руки суешь, обжигаешься, а вся добыча остается вовсе не тебе.

– Вы принесли вторую часть приза? – не обращая внимания на ремарку, спросил Милар.

Ах да. Гонка ведь нужна была, в первую очередь, изначально самой госпоже Шприц. Это уже позже расследование Милара и Арда позволило Второй канцелярии предположить строгую взаимосвязь Кукловодов, коррупции в Гильдии Охотников и возросшего числа случаев браконьерства в парках аномалий.

Последние причем находились под защитой короны. Все из-за того, что до индустриализации маги слишком активно пользовались телами природных аномалий и тварей из Мертвых Земель ради целей, теперь закрывавшихся кристаллами Эрталайн. И спрос на монстров из Мертвых Земель (*или всей той плеяды синонимичных названий, коими их нарекли за пять веков*) не стихал ввиду их неумещающегося числа, а вот аномалии постепенно вымирали. Особенно те, которые относились к числу «волшебных зверей», а не порождений войны Эктасса и Галесса.

Да, отлов и контроль популяции аномалий все равно имел место быть (*и находился в зоне ответственности Гильдии Охотников на Аномалии*), потому как даже с учетом промышлен-

ного прогресса аномалии все еще могли причинить серьезный ущерб цивилизации. И если бы те бесконтрольно размножались, как тысячи лет назад, то... Тогда, в глубокой древности, людей от аномалий берегли Первородные. Не по доброте душевной, а просто «заодно». Зверям, отравленным Лей, без разницы, кого отправлять к Спящим Духам, а кого к Вечным Ангелам. Так что Первородные, сдерживая аномалии, таким образом, сами того не подозревая, давали людям возможность развиваться.

Вот такие вот забавные исторические параллели.

Ардан помотал головой. Из-за пустоты, накотившей на него после окончания гонки, было сложно удерживаться от того, чтобы не отправиться в пространные размышления.

Так вот, возвращаясь к изначальной мысли – Таисия Шприц решила замотивировать Милара в частности и Черный Дом в целом, чтобы те приняли ее предложение.

– Конечно, дорогой капитан, – с улыбкой, которая весьма гармонично выглядела бы на морде хищной кошки, Таисия достала из сумочки небольшой, но пухлый конверт. – Там письма и несколько фотографий. Вам понравится, господин Пнев.

Капитан Пнев забрал сверток, хранящий в себе компромат на депутат-барона Степана Халского, который, судя по тому, что несколько месяцев назад обещала им госпожа Шприц, имел связи с оппозиционной партией анархист-финансистов, являясь их донором и скрытым участником. А в довесок вел темные дела с Распорядителем Телкартс.

Разумеется, данная информация никак не влияла (*скорее всего*) на расследование отдела капитана Пнева, но могла помочь кому-то другому в Черном Доме. Так что ни Полковник, ни Милар отказываться от такого «подарка» не собирались.

– И почему мне кажется, что в вашем голосе, Таисия, я слышу сарказм.

– Скорее даже издевку, – кивнула Таисия, которая в обществе трех служащих Второй канцелярии чувствовала себя не просто уверенно, а... просто – чувствовала.

Хотя, учитывая, в каких порой кругах и в чьем обществе доводилось находиться главной журналистке страны, вряд ли подобной манере стоило удивляться.

Милар, что-то процедив, открыл конверт и заглянул внутрь. Оставив нетронутыми записи расшифровок разговоров (*в подлинности которых еще предстояло убедиться тем, кого данный конверт касался напрямую*), капитан Пнев посмотрел на фотографии, позеленел и резко, куда резче передал их в сторону. Так оказалось, что в стороне сидел Ардан.

Он машинально принял снимки и какое-то время пытался понять, что именно он на них видит. Учитывая, что Распорядитель Телкартс пару раз бывал в «Брюсе» (*а где еще, кроме как через главных контрабандистов столицы, Аркар доставал дорогой алкоголь; причем подлинный, а не поддельный*), то Арди его узнал. Худошавый мужчина с повязкой на левом глазу и без половины левой же кисти – посекло осколками артиллерии. И да, весьма значительный процент бандитов, крупных, а не мелкой шпаны, имел военное прошлое.

В научных кругах, среди тех журналов Незвездной науки, которые поглощала Елена, ходили теории, что война могла как-то влиять на психику человека. Что такое эта «психика» – Ардан понимал не очень хорошо, куда хуже той же Елены.

Так вот. Распорядитель Телкартс всегда ходил в нескольких слоях одежды. Сорочки, жилетки, сверху какие-нибудь вязаные или шитые бадлоны, джемперы или свитеры, затем пиджак, а поверх еще и пальто или плащ до пола, и обязательно – длинный шелковый шарф. Его за подобное пристрастие за глаза называли «Капустой», но правда в том, что Распорядитель Телкартс постоянно мерз.

Так что Арди было несколько странно увидеть мерзлявого бандита голым. И не только его одного. Позади Распорядителя, точно так же, полностью обнаженный, стоял Степан Халский, и они...

– Спящие Духи! – Ардан таким же резким движением отложил в сторону фотографии, явно увеличенные и сделанные с некоторого расстояния. – Ты зачем мне это показал, Милар?!

– Извини, я случайно, – искренне попросил прощения капитан и, прокашлявшись, протер глаза.

– Какие мы все тут нежные, – фыркнула в своей привычной, надменно-жесткой манере госпожа Шприц. – Ох уж эта ранимая мужская сексуальность...

Все трое, Милар, Дагдаг и Ардан, промолчали. Дворф, которому повезло несколько больше, не смотрел в сторону снимков, а Ардану казалось, что он увидел нечто, чего мало того что не хотел видеть, так еще и не должен был. Нет, на Бальеро можно было купить всякое, в том числе и весьма своеобразные фотографии, изображающие... то, о чем думали мужчины, когда смотрели вслед качающей бедрами госпоже Шприц. Но...

Спящие Духи.

Люди!

Что с ними не так?!

– Ард, спешу напомнить... – Журналистка повернулась к юноше и, стряхнув пепел в урну, следом отправила в заполненную окурками жестяную пропасть и половину сигареты. – Что через пять дней, в шесть часов вечера, с Центрального вокзала отходит наш с вами поезд. Уж извините, зная ситуацию с бюджетом в Черном Доме, я позаботилась о наличии у нас с вами сносного комфорта. Раз уж вы мой телохранитель, то и отправимся мы с вами вдвоем в купе первого класса.

– Я женат! – возмутился Ардан.

– Вы для меня слишком молоды, Ард, – чуть повела бровями Таисия. – И совершенно не умеете одеваться. А раздетых мужчин в своей жизни я видела достаточно, чтобы начать ценить одетых. Все равно в одежде вы проводите времени куда больше, чем без нее. Хотя, возраст молодой, так что...

Таисия, не став договаривать, закрыла сумочку и направилась к выходу.

– Госпожа Шприц, – окликнул ее Ардан.

Та застыла в дверях.

– Вы ведь надо мной издеваетесь?

– Разумеется, дорогой Ард, – без тени стеснения тут же подтвердила Таисия. – Потому что вы меня, чисто по-женски, безумно раздражаете, но мы ведь не выбираем, с кем нам спать двенадцать дней в одном купе.

И она удалилась, оставив трех сослуживцев в компании запаха дорогого табака и пота одного, отдельно взятого полукровки матабар.

Ардан снова прислонился спиной к стене. Двенадцать дней туда, двенадцать обратно и пятьдесят шесть там. Это будут самые длинные два месяца и без одного дня три недели в его жизни. И еще – самый длительный срок, который он проведет без Тесс начиная с дня, как они стали вместе жить.

– Думай о приятном, господин маг, – без насмешки сказал Милар. – Командировка оплачивается по очень хитрой, прогрессивной шкале. И чем дольше ты находишься вне столицы, тем больше заработаешь.

– Да, Милар, я знаю, – кивнул Ардан. – Но почему-то это нисколько не делает ситуацию легче.

– Да, Ард, я знаю, – повторил его слова Милар.

* * *

На третий день после гонки Арди получил письмо. Обычный конверт из плотной бумаги, с маркой Дельпасского почтового отделения и знакомым, немного наклонным почерком, который Ардан узнал бы среди тысячи других. Как и всегда, аккуратные буквы, округлые, с харак-

терными длинными хвостиками. Так писали те, кого учили грамоте дома, а не в школах на прописях.

Ард сидел за кухонным столом, с чашкой остывшего какао, и читал.

«Мой дорогой, мой далекий сын.

Я пишу тебе третьим днем, ближе к вечеру, потому что весь день провела в саду с Нилом, и руки у меня до сих пор пахнут землей, как бы я их ни мыла. Нил, наш бессменный садовник, которого, как ты помнишь, Келли нанял еще в прошлом году, решил, что пришла пора пересаживать розовые кусты, и мы с ним провели четыре часа на коленях, выкапывая корни и перетаскивая тяжеленные горшки из глины, которые он зачем-то заказал в двойном размере.

Я ему говорила, что обычных вполне достаточно, но Нил, а ты знаешь, какие они упрямые, эти садовники, посмотрел на меня как-то необычно строго и сказал: "Госпожа Эгобар, розы – это не морковь, им нужно пространство для корней и для души". Я не стала спорить, потому что когда человек говорит о душе розового куста с таким выражением лица, спорить с ним бесполезно и даже, пожалуй, нечестно.

Сад наш, к слову, выглядит уже совсем иначе, чем когда ты был здесь в последний раз. Нил высадил вдоль забора жимолость, и она уже зацвела – мелкими, бледно-желтыми цветами, которые пахнут так, что по вечерам я открываю окно спальни и просто сижу, дышу, и ничего больше не делаю. Келли говорит, что я "мечтаю наяву", и я делаю вид, что знаю, что это значит.

Работа моя идет неспешно, и я этому рада. Ты ведь знаешь, что я давно перестала брать каждый заказ, который мне приносят. Когда мы только переехали в Дельпас, я шла все, что просили, потому что боялась, что нам не хватит средств, и потому что привыкла, что руки всегда должны быть заняты. А теперь, благодаря Келли, моей пенсии и признанию заслуг Гектора, а еще тому, что ты присылаешь нам каждый месяц (хотя я тебя просила этого не делать, а ты, как всегда, не послушал), я могу выбирать только те заказы, которые мне действительно интересны.

На прошлой неделе ко мне пришла жена нотариуса с просьбой сшить ей платье для юбилея мужа, и я согласилась, потому что ткань, которую она принесла, была из тех редких шелков из Лан'Дуо'Ха, которые так приятно держать в руках. А вот от заказа на три одинаковых сюртука для какого-то торговца я отказалась, потому что три одинаковых сюртука – это не шитье, а каторга.

Недавно я познакомилась с очень приятной женщиной. Ее зовут Инга, и мы встретились в лавке садовых товаров, куда я ходила за семенами для Нила, а она – за удобрениями для своих фиалок. Мы разговорились, как это бывает между женщинами определенного возраста, когда тема удобрений незаметно перетекает в тему детей, а тема детей – в тему тревог. У Инги сын служит на военной базе где-то на юге, и она, как и я, каждый месяц ждет письма. Теперь мы с ней пьем чай на нашей веранде по четвертым дням, и я нахожусь в этом странное утешение – сидеть рядом с человеком, который понимает, каково это, когда твой ребенок далеко и ты ничего не можешь для него сделать, кроме как ждать и верить.

Арди, я прошу тебя – не сердись на Эрти.

Я знаю, что между вами произошло, и я знаю, что ты считаешь себя правым, и возможно, ты прав, но правота – это холодная вещь, от которой никому не становится теплее. Эрти все еще дуется, и когда я упоминаю твое имя, он отворачивается к окну и молчит, но я вижу, как дрожит его подбородок, и я знаю, что он ждет от тебя письма. Он не скажет этого вслух, потому что он мальчишка, и мальчишки скорее проглотят собственный язык, чем признаются, что скучают. Но он ждет, Арди, и я прошу тебя – напиши ему. Просто напиши. Без объяснений, без извинений, без перечисления того, кто что кому сказал и кто кого

не так понял. Просто расскажи ему, как ты живешь, что делаешь, о чем думаешь. Остальное он додумает сам.

Я говорю тебе это не потому, что считаю, что ты неправ. Я говорю это потому, что помню Арора и Гектора. Я не хочу, чтобы ваши обиды повторили их путь, Арди. Пока это только обиды и недопонимания, пока злость еще не пустила корни – напиши ему.

Пожалуйста.

Кена, к слову, нашла себе подруг, и это, наверное, лучшее, что случилось с нами за последние месяцы. Ты знаешь, как тяжело ей давалось общение после всего, через что она прошла, и как долго она просиживала в своей комнате, не желая выходить ни к кому, кроме меня и Эрти. А теперь у нее две подружки – дочери пекаря с нашей улицы, – и они вместе увлеклись лепкой из глины. Представляешь? Наша Кена, которая боялась испачкать руки, теперь приходит домой вся в глине – по локоть, на щеках, даже в волосах. Келли возит ее на занятия в мастерскую на другом конце города, потому что Келли, после визита в Метрополию, купил автомобиль».

Ардан оторвался от письма и позволил себе улыбнуться. Автомобиль! Келли купил автомобиль! Значит, у семьи действительно все в порядке со средствами, потому что Келли, при всей его доброте и щедрости, был человеком практичным и никогда бы не потратил деньги на такую покупку, если бы сомневался в завтрашнем дне. Тревога, которая всегда сидела в Арде маленькой колючкой – хватает ли им, не нужно ли прислать больше, не экономит ли мама на себе, – ослабла на несколько витков.

Да, разумеется, он знал и про жалование Келли, и про пенсию для матушки, которая, возможно, составляла едва ли не столько же, сколько Келли получал в лицее.

Но все же...

Он вернулся к письму.

«Правда, с автомобилем этим уже приключилась целая история. Келли, который, как ты знаешь, умеет чинить все на свете, кроме собственного упрямства, на третий день владения решил, что двигатель "немного не так стучит". Откуда бы он вообще знал, как должен стучать этот треклятый двигатель?»

Он залез под капот, что-то открутил, что-то подтянул, а потом, когда попытался завести мотор, из выхлопной трубы вылетело такое облако черного дыма, что Нил, который в это время подрезал жимолость у забора, решил, что начался пожар, и вылил на автомобиль целое ведро воды. Келли вылез из-под капота мокрый, черный от копоти и с таким выражением лица, что я смеялась до слез, а Кена потом целый вечер пыталась слепить из глины "портрет Келли-механика", и надо сказать, что сходство получилось пугающим.

Автомобиль, впрочем, Келли починил к следующему утру, потому что он действительно умеет чинить все на свете, просто иногда ему требуется несколько попыток и одно ведро воды от испуганного садовника.

А теперь, Арди, я должна рассказать тебе про Эрти еще кое-что, и я прошу тебя не волноваться раньше времени.

Доктора восторгаются его прогрессом, и это не преувеличение – именно так сказал главный врач, когда мы были на последнем осмотре. Эрти почти не требуются лекарства, и капельницы, которые еще полгода назад ставили ему трижды в неделю, теперь назначают лишь раз в две недели, и то скорее для контроля, чем по необходимости. Его тело справляется, Арди, и я каждый день благодарю Вечных Ангелов за это, хотя знаю, что благодарить следует ученых.

Но есть и другое. Эрти становится очень сильно похож на Гектора. Во всем. В том, как он ходит – широко, уверенно, чуть вразвалку, будто земля под ним принадлежит ему и

только ему. В том, как он смотрит на людей – прямо, без стеснения, с тем спокойным вызовом, который раньше неизменно присутствовал в глазах твоего отца. В том, как он молчит – подолгу, глубоко, а потом вдруг говорит что-то такое, от чего у меня перехватывает дыхание, потому что я слышу в его словах голос человека, которого больше нет.

Недавно Эрти попал в управу шерифа.

Не волнуйся, прошу тебя, – с ним все в порядке, и он не пострадал, и никаких серьезных последствий не было. Но вот что произошло: на улице, средь бела дня, четверо мерзавцев пытались ограбить девочку лет десяти, которая шла из лавки с корзинкой. Эрти увидел это, и... ну, ты знаешь своего брата. Он не стал звать на помощь, не стал кричать, не стал бежать за стражником. Он подошел к ним и, по его собственным словам, "попросил отойти от ребенка". Они, разумеется, не отошли. И тогда Эрти сломал каждому из четверых ногу.

Каждому.

Из четверых.

Я не знаю, Арди, радоваться ли мне мужеству и доблести моего младшего сына или переживать за вспыльчивость и ту определенную жестокость, которая досталась ему от отца. Потому что Гектор, которого знаем мы с тобой, а не тот, который... Наши с тобой Гектор тоже всегда защищал тех, кто слабее, и тоже никогда не знал меры, и в этом была его сила и его беда одновременно.

Келли поговорил с Эрти после того, как мы забрали его из управы. Эрти пообещал, что в следующий раз обойдется без членовредительства. Но я видела его глаза, когда он это говорил, и я подозреваю, что это было не очень... не самое честное обещание, Арди. Совсем не очень. Или совсем не самое.

Прости, сбиваюсь...

Порой к нам заходит Анна.

Она приносит пирожки, которые печет по рецепту своей свекрови. Мы сидим на веранде, пьем чай и разговариваем о пустяках – о погоде, о ценах на муку, о том, что жимолость Нила разрослась так, что скоро перелезет через забор к соседям. Но я замечаю, Арди, что Анна всегда приходит одна. Без мужа. Раньше он частенько навещал нас вместе с ней, и он казался всегда рад забежать к нам на пару минут, но теперь... теперь только Анна, с пирожками и с улыбкой, которая иногда выглядит чуть более старательной, чем должна бы выглядеть настоящая улыбка. Я не знаю, что между ними произошло, и я не лезу в чужие души, потому что научилась за свою жизнь одному важному правилу – чужие двери открываются только изнутри, и стучаться в них снаружи бесполезно и даже жестоко.

Анна родила ребенка, Арди.

Мальчика.

Веселого, рыжеволосого мальчугана, который смеется так заразительно, что даже Эрти, когда берет его на руки, не может удержаться от улыбки. Мальчика зовут Томас, и он совсем не похож на своего отца, Перси (кроме волос), но очень похож на Анну, и это, наверное, к лучшему.

Мы с Анной иногда шутим, что породнимся через детей. Потому что у меня тоже радость, Арди.

У меня тоже...

Я родила девочку.

Ее назвали Этилли, в честь матери Келли, и она такая маленькая, такая тихая, такая теплая, что когда я держу ее на руках и она засыпает, прижавшись щекой к моему плечу, я забываю обо всем. О тревогах, об обидах, о расстояниях. Она пахнет молоком и чем-то еще, чем-то, чем пахнут только новорожденные дети, – тем сладким, едва уловимым запахом, который невозможно описать словами, но который каждая мать узнает в темноте, с закрытыми глазами, среди тысячи других.

Ты тоже так пах.

И Эрти.

И Кена.

Я очень жду, когда летом вы с Тесс нас навестите. Келли уже расчистил гостевую комнату, и Кена слепила из глины вазу для цветов, которую поставила на подоконник специально для вас (ваза, правда, немного кривая, но Кена говорит, что это "авторский стиль", и я не стала спорить). Я хочу обнять тебя, Арди. Хочу увидеть Тесс. Хочу, чтобы она подержала Этилли на руках. Хочу испечь вам черничный пирог.

Я часто смотрю на восток, Арди.

Стою на веранде, когда вечер мягчеет и солнце уходит за крыши, и смотрю туда, где за холмами, за полями, за сотнями километров дорог и рек стоит столица, в которой живет мой сын.

А затем я поворачиваюсь на север.

И порой, когда ветер дует с той стороны, мне кажется, что я слышу шуриание. Тихое, далекое, как шепот, который несет по воздуху кто-то невидимый. Шуриание крон Алькадских лесов. Тех самых деревьев, под которыми ты вырос, но под которыми Эрти так не учился лазить по стволам, а потом не падал и не плакал, и я не прижимала его к себе и не дула на разбитые колени.

Я слышу это шуриание, Арди, и оно похоже на мелодию, странную песню о том, чего так и не произошло. Листья шелестят друг о друга – сухо и нежно, как страницы старых книг, которые так берег твой прадедушка. И в этом шелесте мне слышится ручей. Наш ручей, тот, что бежал через поляну, где мы жили, где я развешивала белье между двумя березами, а ты сидел на камне и смотрел, как вода перебирает камешки на дне.

Я скучаю по той поляне, Арди.

Не по дому, нет – дом можно построить где угодно, и мы построили. Я скучаю по тому чувству, которое было там. По тому, как пахла земля после дождя. По тому, как звучала наша кухня. По тому, как мир, огромный и страшный, не мог до нас дотянуться, потому что...

Но то было давно, и мы выросли из той поляны, как вырастают из детской одежды. Теперь у нас другой дом, другой сад и другой садовник, который спорит со мной о душе розовых кустов.

И это тоже хорошо, Арди.

Это тоже жизнь.

Я люблю тебя, мой мальчик.

Я люблю тебя так, как умею, а умею я, наверное, не так уж и много, но все, что умею, – твое. Бывай почаще на солнце и на свету. Стерегись тьмы, мой маленький, добрый мальчик.

Ешь нормально, а не тот ужас, который ты называешь "перекусом на ходу". Прислушивайся к своей жене, потому что Тесс – мудрая женщина. И помни, что где бы ты ни был, что бы ни делал, как бы далеко ни забрался – на этой веранде, в этом доме, в этом саду с кривыми вазами и мокрыми автомобилями, всегда горит свет.

Как он горит и в доме на берегу извилистого горного ручья.

И он горит для тебя.

Твоя мама».

Ардан долго сидел за столом, держа письмо в руках. Какао уже давно превратилось в мутную коричневую ледышку.

За окном шел дождь.

Весенний, теплый, стучащий по карнизу мелкой частой дробью, похожей на аплодисменты далекой, невидимой публики.

Юноша сложил письмо, убрал его обратно в конверт и положил рядом с гримуаром. Потом достал из ящика стола чистый лист бумаги, перо и чернильницу.

Арди обмакнул железное перо в густую черную массу. Порой он задумывался о том, чтобы купить новую ручку с золотым пером, но затем вспоминал, что куда чаще пользовался карандашами.

«Дорогой Эрти...»

Арди остановился. Он посмотрел на слова, кажущиеся немного равнодушными или же наоборот – надменными.

Зачеркнул «дорогой», потому что Эрти наверняка скривится от такого обращения. Затем и вовсе скомкал лист, выкинул в урну и достал новый.

«Эрти. Привет. Мне рассказали про грабителей. Четыре ноги – это, конечно, перебор, но...»

Ард улыбнулся, макнул перо в чернила и продолжил писать. За окном шелестел дождь, и в этом шелесте, если прислушаться, можно было расслышать что-то похожее на шуршание далеких Алькадских крон.

* * *

– Мне кажется, или ты боишься? – подмигнула Тесс, поправляя галстук на шее Арда.

– До ужаса, дорогая, – подтвердил Арди.

Тесс не стала ничего говорить, а просто еще раз поправила узел. Арди стоял в строгом черном костюме с яркой белой сорочкой. А Тесс, наоборот, в белоснежном легком платье и с черным поясом на талии.

По традиции церкви Светлоликого, на подобные праздники можно было надевать лишь черное и белое. Как символ вечной победы Света над Тьмой.

Что именно за праздник?

Сегодня, за сутки перед отбытием в экспедицию-командировку на север, Арди должен был выполнить свое обещание перед Борисом и Еленой. Он должен был стать духовником маленькой Агнесс, дочери его друзей. Он должен был «искупать ее в огне» и тем самым «привести к Свету».

Вместе с Тесс они спустились вниз, обменялись парой приятных слов с консьержем и сели в автомобиль. «Деркс» ухнул, затрещал и поехал по каналу Маркова в сторону небольшой церкви, где они отпраздновали уже две свадьбы – их с Тесс и Дина с Пламенной, а теперь Арди должен был стать духовником человеческого ребенка.

Как-то и сам не заметив, Ардан очнулся от своих мыслей уже только в компании священника. Он даже не сразу понял, как, в тишине, под аккомпанемент одного лишь мотора, проделал получасовой путь, при этом ни разу не заглохнув.

Тесс и остальные немногочисленные гости праздника собрались в том же зале, где только недавно Арди ждал у алтаря свою тогда еще невесту, а теперь жену. И вот он снова в келье священника, если так можно было назвать вполне себе светский кабинет.

– Вас что-то смущает, Ард? – Худой, с волосами цвета ржи, открытым взглядом и чуть скошенным на сторону подбородком, он все так же вызывал у юноши смешанные чувства.

– Я не верю в Светлоликого, – честно ответил Ардан.

– Как, надо полагать, и в Спящих Духов, – заметил священник.

Он говорил спокойно и ровно. Не поучительно и не наставительно. Скорее как старый знакомый и хороший приятель, с которым порой приятно даже просто помолчать.

Ардан промолчал. Ему казалось неправильным вслух сознаваться в том, что он не разделял убеждений и касательно Спящих Духов тоже.

– Тогда воспринимайте этот обряд как дань уважения и проявление любви к своим друзьям и их ребенку, – так же спокойно добавил священник.

– Но Борис и Елена воцерковленные. Для них это важно.

Священник кивнул.

– Но тогда я буду лицемерить, – настаивал Ардан.

– Лицемерить... в чем, Ард?

– В том, что я, не веря в их бога, буду приводить ребенка к свету.

Священник достал леденец, едва ли не такой же, как у Полковника, и закинул за щеку.

– И в чем здесь лицемерие?

– В том... в том... – Ардан не мог подобрать нужных слов. – В том, что я так чувствую.

Священник улыбнулся. Как-то совсем иначе, чем улыбаются другие люди. Так, будто он знал и видел больше, чем сможет узнать и увидеть Ардан за всю свою жизнь.

– Позвольте спросить, Ард, разве вы не любите своих друзей?

– Я... я... – Ардан запнулся и покачал головой. – Любовь – это сложное слово, господин...

– Обычно меня зовут «святой отец».

– У меня есть отец, – не без лишней грубости отрезал Ардан, после чего тихо добавил: – Был отец... и я не могу сказать, что он святой. Даже не рядом...

– Тогда можно просто Георгий, – ответил священник так, словно ничего только что не произошло. – В чем же здесь лицемерие, Ард, если вы испытываете к своим друзьям чувство со сложным словом «любовь» и, возможно, будете испытывать точно такое же к их ребенку. А этого вполне достаточно, чтобы привести к Свету.

– В который я не верю?

– Это неважно, – пожал плечами священник по имени Георгий.

– Неважно, есть вера или нет? – удивился Ардан.

– Порой важно, – кивнул Георгий, а Арди показалось, что у него сейчас голова взорвется от противоречий. – Для разных искр Света, душ, творений Светлоликого, называйте как хотите, по-разному. Кто-то проявляется верой. Другие иначе. И порой не надо верить в Свет, чтобы своими делами прокладывать и укреплять его пути.

Ардан нахмурился.

– Я не понимаю, господин Георгий...

– Если признаться, я, Ард, порой тоже ничего не понимаю, – развел руками священник. – В такие моменты мне помогает вера.

– Но вы только что... – начал было Ардан и замолчал. – Сплошные противоречия.

– Все так, – легко согласился священник и, с хрустом откусив часть леденца, подмигнул Арду. – Пойдемте? Не будем заставлять праздник ждать.

Они вышли в зал вместе – священник впереди, Ардан на полшага позади. Молчание крохотной церкви обняло их обоих, как обнимает старый дом, в который возвращаешься после долгого отсутствия. Свет падал через узкие витражные окна, рисуя на каменном полу цветные пятна – золотые, синие, алые, а пылинки кружились в этих лучах крошечными парами, исполняющими свой бесконечный, безмолвный танец.

Они все были здесь.

Тесс стояла у первого ряда скамей и держала в руках букет – небольшой, из белых ландышей, перевязанных простой лентой. Она посмотрела на Арда и улыбнулась ему той самой улыбкой, от которой внутри что-то замирало.

Рядом с ней, опираясь на костыль и глупо, широко, по-орочьи улыбаясь, стоял Аркар. Его левая рука висела на перевязи, из-под расстегнутой жилетки, надетой прямо на бинты, торчал край марлевой повязки, а на лице, поверх старых шрамов, красовались свежие – розовые, еще не до конца затянувшиеся полоски, которые придавали его и без того не самой утонченной

физиономии вид изрядно потрепанного жизнью... бандита. Нового главу Орочьих Пиджаков лишь недавно выписали из госпиталя, и доктора, скорее всего, не одобрили бы его присутствие здесь, но Аркар, как и всегда, считал, что мнение докторов – это одно, а мнение Аркара – совсем другое.

Бажен стоял чуть поодаль, засунув руки в карманы безупречно сидящего костюма, и разглядывал витражи с выражением человека, который оценивает недвижимость. Будто рассчитывал, сможет ли приобрести такие для их аптеки. Он заметил Арда, подмигнул и чуть приподнял подбородок – мол, давай, ковбой, не подведи.

И, разумеется, Борис с Еленой.

Борис – в черном костюме, который был ему чуть великоват в плечах, отчего он выглядел моложе и как-то беззащитнее, чем обычно. Он нервно теребил запонку на левом манжете и улыбался так, будто не знал, куда девать избыток счастья, распиравшего его изнутри. А рядом с ним стояла Елена.

И больше никого.

Вся их странная компания, порой напоминающая не менее странную семью, где полурок-бандит и юрист-ловелас каким-то образом оказались за одним столом с дознавателем Черного Дома и его женой-певицей. Вся их нелепая, невозможная, ни в какие рамки не вписывающаяся семья, выбранная не кровью, а собственными решениями, – была здесь.

Ах да, не только они.

Елена держала на руках маленький сверток из теплого одеяла и мягких покрывал, и этот сверток являлся самым важным человеком в комнате, хотя весил, наверное, не больше мешка с мукой.

Священник Георгий, не торопясь, прошел к алтарю, где стоял деревянный ларец – старый, потемневший от времени, с резными узорами на стенках, изображавшими пламя. Он открыл крышку и, достав из складок рясы длинную спичку, чиркнул ею о коробок. Огонек вспыхнул, затрепетал и мягко спустился на фитиль свечи, которую Георгий поспешно поместил внутрь ларца. Пламя задрожало теплым лепестком.

Ардан подошел к Елене. Она выглядела усталой – осунувшейся, с темными мешками под глазами, с потрескавшимися губами, с волосами, собранными в наспех скрученный узел. Будущая ученая похудела, и ее скулы, которые раньше были мягкими и округлыми, теперь проступали под кожей резче и четче прежнего. Но при этом она была счастлива – счастлива так, как может быть счастлива только мать, которая не спит неделями, забывает есть и не помнит, когда в последний раз смотрела в зеркало, и при этом каждую секунду чувствует себя самым радостным человеком на земле.

Елена посмотрела на Арда, кивнула и протянула ему сверток.

Он принял его, и мир вокруг изменился.

Сверток казался таким легким... Таким легким, что Ард на мгновение испугался. Ему показалось, словно внутри ничего нет; будто одеяла и покрывала пусты; как если бы кто-то пошутил, и сейчас все рассмеются, и окажется, что ребенка-то здесь и нет вовсе. Но потом он почувствовал тепло. Такое крохотное, очень мягкое и невероятно живое тепло, исходившее из глубины ткани. Оно казалось таким настоящим, таким неподдельным, что у Арда перехватило горло.

Он никогда в жизни не держал ничего настолько хрупкого.

Он нес сверток к алтарю медленно, осторожно, бережно, как нес бы сосуд из тончайшего стекла по краю обрыва. Каждый шаг он выверял точнее любой формулы, каждое движение рук контролировал отчетливее собственной Лей, и ему казалось, что любое неосторожное колыхание может разбить то, что он сейчас держал.

Хотя разумом он понимал, что дети не бьются, что они крепче, чем кажутся, что... Но разум молчал, а с Ардом говорило что-то другое – что-то древнее, глубокое, то самое, что заставляет каждого, кто берет на руки новорожденного, вдруг перестать дышать.

Он посмотрел на ее лицо.

Девочка спала. Маленькая Агнесс, дочь Бориса и Елены, спала так безмятежно, как спят только те, кто еще не знает, что мир бывает страшным не только во снах. Пухлые щечки, розовые и гладкие, лежали на конверте из простыней, и сама она мило посапывала, морща крошечный нос-пуговку. Ее ресницы – темные, густые, непропорционально длинные для такого маленького лица – чуть подрагивали, и Ард подумал, что ей, может быть, снится что-то хорошее. Что-то такое, чего взрослые уже не умеют видеть в своих таких сложных и запутанных снах.

Совсем маленькая. Абсолютно невесомая. И в то же время самое ценное, что Арди когда-либо держал в руках. Не гримуар, не накопители стоимостью в тысячу эксов, не отцовский нож, не древние свитки и книги Агта'нха... Ребенок. Живой и теплый.

Он слышал, как билось ее сердечко – миниатюрное, размером с пирожок, частое-частое, как стук маленького молоточка по столь же маленькой наковальне. И этот стук казался юноше самым громким звуком во всей церкви.

Священник Георгий встал у ларца и посмотрел на Арда. Спокойно, без торжественности, без того елейного выражения, которое Ард видел на лицах других священников и которое всегда вызывало в нем смутное раздражение. Георгий смотрел так, как смотрит друг, который понимает, что тебе трудно, и не собирается делать вид, что это не так.

– Повторяйте за мной, Ард, – тихо сказал он.

И Ардан повторял. Слова молитвы, порой длинные, иногда витиеватые, рожденные раньше Империи, текли из его губ, а он не мог их запомнить. Если честно, то он и вовсе не слышал собственного голоса. Не видел ни стен, ни витражей, ни пылинок в солнечных лучах.

Он видел только лицо Агнесс – пухлые щеки, нос-пуговку, подрагивающие ресницы. И слышал только ее сердце.

Тук-тук.

Тук-тук.

Как если бы кто-то очень тихо, но в то же время отчаянно настойчиво стучался в дверь, просясь поскорее войти в порой страшный, иногда пропитанный болью, но столь прекрасный дом.

Георгий кивнул, и Ардан, подняв сверток, склонился над ларцом. На мгновение, на самый краткий миг, так, чтобы тепло свечи коснулось одеяла, но не более, он опустил ребенка к огню. Пламя качнулось, словно потянувшись навстречу, и на лицо Агнесс упал золотистый отсвет, и в этом отсвете ее щеки стали еще розовее, а ресницы – еще темнее. Она поморщила нос, но не проснулась.

Ард вынул сверток из ларца и прижал его к груди.

Возможно, все аплодировали. Кажется, Борис с Еленой тут же подлетели к нему, и Елена потянула руки к дочери. Наверное, Борис обнял их обоих, и его глаза блестели так, что Ард отвернулся, потому что это было слишком – слишком много счастья на одно маленькое помещение. Вроде как священник Георгий осенил их всех священным символом Светлоликого. Может даже, Аркар что-то гаркнул с задних рядов, и его бас громом прокатился под сводами церкви. Вероятно, Тесс звонко и легко рассмеялась. А Бажен наверняка сказал какую-то глупость, но беззлобную...

Но Ардан всего этого не помнил.

Он все никак не мог отвести взгляда от дитя. Даже когда Елена забрала Агнесс из его рук, даже когда сверток перешел в материнские руки и маленькое тепло покинуло его ладони, Ард все еще смотрел. На крошечное лицо, на подрагивающие ресницы, на нос-пуговку.

И возможно, ему, конечно, только показалось, но после того, как он вытащил руки из ларца с одной-единственной свечой, те стали меньше пахнуть кровью. Совсем немного. Едва уловимо. Пусть даже если и никто, кроме него самого, этот запах и не чувствовал.

* * *

В пустом джаз-баре «Брюс» едва слышно играла музыка из граммофона. Пластинка потрескивала, игла царапала бороздки, и тихая, медленная мелодия – труба, контрабас и чье-то далекое пианино – плыла над залом, повторяя очертания дыма погасшей свечи. Стулья были подняты на столы, бар закрыт, и только за одним столиком, в углу, под тусклым Лей-светильником, сидели люди.

Их странная семья.

Елена с Тесс танцевали на сцене. Как-то медленно, неловко, смеясь и часто путаясь в подолах платьев. Борис за столиком что-то жарко обсуждал с Баженом и Аркаром. Жесты лорда Фахтова становились все шире, а голос все громче. Бажен кивал с видом человека, который знает ответ на все вопросы мироздания (*и, скорее всего, находил он его исключительно в женских юбках*), а Аркар, опираясь на костыль, периодически вставлял короткие, хриплые реплики, от которых Борис то бледнел, то заливался краской.

Они, кажется, спорили о воспитании детей, и каждый из них, включая бездетных Бажена и Аркара, чье представление о педагогике сводилось к подзатыльнику, был абсолютно уверен в собственной правоте.

А Арди сидел чуть поодаль, в стороне от спора, и держал на руках маленькую Агнесс, которую Елена передала ему на время своего танца с Тесс. Ребенок спал, и Ард слегка покачивал сверток из одеял. Видят Спящие Духи, это «покачивание» внезапно стало для него самым естественным движением, которое его руки когда-либо совершали. Проще, чем починка генератора. Проще, чем борьба Гуты или охота Эргара. Проще, чем все, чему его учили в Большом и Черном Доме.

Просто покачивать ребенка, с которым его теперь связывала судьба, пусть и только по мнению церкви Светлоликого.

Тесс с Еленой подошли к столику, раздумывая, все еще смеющиеся. Рыжеволосая красавица, посмотрев на Арда, склонившегося над спящей Агнесс, покачала головой и улыбнулась.

– Арди, отдай ребенка маме, – сказала она весело. – А то Елена решит, что духовник – это не тот, кто приводит к Свету, а тот, кто крадет детей.

Елена рассмеялась – тихо, чтобы не разбудить дочь, – и протянула руки. Ард осторожно, бережно, с той медленной тщательностью, которую приберегал только для самых важных вещей, передал ей сверток. Елена приняла дочь, прижала к себе и тут же погрузилась в ту особую, ни на что не похожую... сосредоточенность. Да, наверное, именно «сосредоточенность» – подходящее слово.

Арди улыбнулся своим мыслям. Давно уже не наступали такие моменты, когда он не мог подыскать в сознании нужного термина.

Елена чуть наклонила голову, прислушиваясь к дыханию Агнесс, поправила одеяло, убрала невидимую складку с простыни, и весь остальной мир – бар, музыка, спор за столиком, Бажен, Аркар, все они – перестал для нее существовать.

Тесс протянула Арду руку.

– Потанцуй со мной.

Они вышли на площадку перед сценой, и Ард положил руку ей на талию, а она положила свою ему на плечо. Их пальцы переплелись, как переплетались уже столько раз, что Ард поте-

рлял счет. Граммофон играл что-то медленное и лирическое, а они покачивались в такт музыке. Почти не двигаясь и почти не дыша.

Ард смотрел через плечо Тесс на их столик. На Бориса, который перестал спорить и теперь сидел рядом с Еленой, обняв жену за плечи, и смотрел на дочь с немного глуповатым выражением тихого счастья. На Елену, которая прислонилась к его плечу и закрыла глаза, все еще покачивая Агнесс. На Аркара, который, несмотря на костыль и бинты, умудрился добраться до стойки бара и теперь наливал себе что-то из темной бутылки. На Бажена, который стоял у граммофона и менял пластинку с таким сосредоточенным лицом, будто подбирал юридическую аргументацию к предстоящему слушанию.

И Арди очень хотелось, чтобы это мгновение, этот миг, наполненный таким странным, но таким теплым счастьем, остановился. Замер. Повис в воздухе, как повисла нота поднятой Баженом пластинки. Пусть хоть и навсегда.

Тесс, словно почувствовав, чуть крепче сжала его пальцы.

– Я знаю, – прошептала она.

И Ард не стал спрашивать, что именно она знает, потому что она знала все. Она всегда все знала.

Граммофон играл. Агнесс спала. Борис с Еленой сидели обнявшись и совсем не двигались. Они оба, столь же уставшие, сколь и радостные, казались частью какой-то картины, которую никто никогда не напишет, но которую каждый, кто ее видел, уже не забудет.

А Ард танцевал с Тесс в пустом баре, и за окнами вечерело, и город зажигал свои огни... и завтра он уедет, и впереди будут два месяца без нее, и север, и экспедиция, и очередные нелюбимые приключения, но сейчас, именно сейчас, в эту минуту, в эту секунду – все было хорошо.

* * *

– Ну-с, дорогой Ард, надеюсь, вы пахнете лучше, чем одеваетесь, потому что две недели в купе с неотесанным ковбоем я еще переживу, – госпожа Шприц выкладывала вещи из саквояжа в один из шкафов в их купе. – Но две недели в компании неотесанного и вдобавок воняющего ковбоя – это уже явный перебор.

Она говорила что-то еще, но Арди не слушал. Он смотрел на удаляющиеся очертания Метрополии.

Подумать только, немногим меньше двух лет прошло с момента, как он отдал бы многое, чтобы никогда сюда не приезжать. А теперь, возможно, расстался бы с куда большим, чтобы не уезжать.

Ирония.

А может.

Просто.

Таков сон Спящих Духов...

Или – на все воля Света.

Глава 125

Арди смотрел, как за окном проносились просторы незримой границы между Царским Лесом (*окружавшим плотным кольцом Метрополию и ее окрестности*) и Великим Лесом Севера. Так когда-то давно называли бескрайний лесной массив, протянувшийся от Восточного Берега нынешней Оликзасии вплоть до Холодного Озера, находящегося на территории Империи. Западнее границы с Княжеством Фатии и южнее, нежели Великий Ледник.

Именно здесь, на нынешней границе Фатии и Империи, проживали эльфы Северных Лесов. Они считали себя старшими братьями Белого Леса – еще одного массива, пролежавшего вдоль побережья континента практически от столицы Фатии – Феладжо – и до берегов Китового Залива, ныне принадлежащего Братству Тазидахана.

Разумеется, раньше, больше пяти веков тому назад, на карте не существовало громадных человеческих государств и их границ. Лишь разрозненные мелкие королевства, царства и княжества, платящие дань королевству Эктасс. Впрочем, нельзя сказать, что Первородные писали какие-то карты, строили форты или укрепления. Нет, они просто жили. Лили кровь друг друга, эксплуатировали людей и... да, жили. Своей странной, непонятной современному, цивилизованному гражданину Империи, жизнью. И даже их «территории» – лишь примерное, слабо осознаваемое в политическом плане, обозначение.

Так что Арди, подперев скулу кулаком, просто наслаждался видом постепенно просыпающегося леса. Солнечные лучики уже путались среди пока еще молодой, но уже настырной зеленой поросли вострепнувшихся от зимнего сна крон. Лесной пол покрывался не только мхом, но и грибами, вспученными корнями, жадными до росы, высокой травой и первыми цветами.

И там, если присмотреться, чуть впереди, можно было разглядеть берег Крылатого Озера, мимо которого мчался их поезд. Арди, собственно, уже видел это озеро. Немногим больше чем полгода назад, когда они с Тесс ехали в Шамтур к ее родным. Только тогда, пыхтя белесыми клубами пара, их состав огибал озеро с востока, открывая вид на строящиеся укрепления и почти уже открытую военную верфь.

Пользуясь тем, что из Крылатого Озера в северную часть Ласточкиного залива впадала весьма широкая река, Генеральный Штаб решил построить верфь не на побережье, а в углублении страны. А на самой реке насыпали искусственный остров и поставили форт. И стоит уточнить, что форт ставила Империя, а вот верфь строили, по договору, инженеры из Островного союза. Империя никогда особо не славилась своим флотом. Ни торговым, ни военным.

Торговые суда Корона предпочитала закупать у островитян, а военные... строила в тесном сотрудничестве с теми же островитянами. Морские сражения почти не затрагивали историю крупнейшей страны на планете. Да и в целом, побоища на воде оставались прерогативой исключительно четырех стран – Фории, Оликзасии, Линтелара и находящейся к ним в оппозиции Грайнии.

Именно эти четыре страны, пока все остальные решали проблемы на своих континентах, умудрились захватить все многочисленные острова Мелкоморья и Ласточкиного океана, а теперь грызли друг другу глотки за торговые пути, рыболовные участки и, собственно, сами острова.

В последние годы данная тенденция, конечно, надломилась. С развитием темпов индустриализации и появлением первых стальных кораблей остальные страны, с куда большим военным и человеческим потенциалом, задумались о том, что неплохо бы добиться для себя любимых свободной торговли в Мелкоморье. Так что все постепенно начали развивать флот – как военный, так и торговый, тратя на это просто безумные средства.

А где находились самые «безумные средства» в мире? Правильно – в банках Конфедерации Свободных Городов, которая щедро раздавала ссуды в казны стран, под весьма своеобразный процент. Конфедераты не просили себе денег. Они... требовали вернуть процент кораблями. Так что не прошло и двадцати лет, как у Конфедерации появилась одна из самых современных и многочисленных торговых флотилий среди всех континентальных стран. Споровить с ней могли лишь, как и всегда, Оликзасия и Островной союз.

Причем, как утверждал лектор в Большом, сам факт того, что Оликзасия умудрялась спорить за превосходство с военно-торговым союзом сразу трех стран, был обеспечен... деньгами Конфедератов. Тем было выгодно сохранять свою континентальную монополию на допуск к Мелкоморью со стороны Восточного континента, но в то же время они не хотели допускать к себе островитян, которые, в силу своего географического положения и исторического процесса, обладали тесными связями с Империей. Так что по чуть-чуть, как-то очень незаметно – и вот раз! И уже все острова и воды западнее берега Конфедератов стали принадлежать Оликзасии.

Линтелар попытался подступить с юга, что привело к войне Алых Волн (*весьма поэтичное название, связанное с главным морским побоищем в истории, когда в битве сошлись десятки кораблей островитян и Оликзасии*), результатом которой стало то, что Линтелар захватил часть территории острова Макинджии – закрытого, таинственного государства. Правда, не прошло и тридцати лет, как линтеларцы сбежали из джунглей Макинджии, оставив свои базы бесхозными.

Ну как сбежали.

Когда к острову пристала очередная делегация, то обнаружила лишь разбитые остовы и заброшенные, пустые базы, словно одним чудовищным утром народ попросту исчез оттуда, как если бы никогда и не был. На картах остров все еще частично обозначался с Линтеларом... просто потому, что никто не рисковал туда прибывать и оспаривать право.

Да и зачем.

Возвращаясь к теме Империи, то Корона решала свои вопросы, связанные с экспортом в торговле, за счет островитян. Затем эта тенденция переломилась... примерно в момент, как предыдущий Император захворал. Тогда еще великий князь Павел, насколько мог, при помощи верной коалиции в Парламенте сумел продвинуть несколько инициатив. Сквозь, разумеется, сопротивление некоторой части законотворцев, чьи интересы спонсировались Островным союзом.

Какие бы союзнические отношения ни связывали две страны, но островитянам было невыгодно, чтобы Империя получила мощный и независимый флот. Хотя бы даже и торговый. Все это привело к «Неделе Виселиц». Эпизоду в истории Метрополии, случившемуся еще до рождения Арда. Тогда Черный Дом выявил и повесил двадцать семь членов Парламента среди Нижней и Центральной палат, уличенных в коррупции и лоббировании интересов чужого государства.

Намек поняли все. И в Парламенте. И на Островах.

Да, может быть, Фория, Линтелар и Оликзасия и обладали могущественным военным флотом, но Империя по-прежнему являлась крупнейшей сухопутной силой в мире. И да, может, не настолько современной и оснащенной, как сейчас, но все еще достаточной, чтобы доставить островитянам проблемы. Так что к моменту рождения Арда в Империи строилось за деньги Короны, руками Короны, а мозгами и знаниями островитян несколько новых верфей и модернизировались старые.

Ардан вздохнул.

О чем только не задумаешься, чтобы скоротать время в пути.

Он смотрел на Крылатое Озеро. И сквозь облепивший берег туман ему показалось, что он видит остров. Далекий, крошечный остров, которого не было на картах. Но, наверное, ему лишь померещилось. Не от усталости, а от скуки. И совсем не физической, а умственной.

Он взял с собой в дорогу несколько недорогих трудов (*потому как мало ли что могло произойти во время почти трехмесячного путешествия*), но они не сильно продвигали его в собственных исследованиях Звездной магии, потому как... касались вопросов химеризации в частности и алхимии в целом. Раз уж он остается на службе в Черном Доме, то, по приказу Полковника, должен разобраться в исследованиях Дрибы и перехваченных документах Тазидахиана. И откладывать данный вопрос в долгий ящик больше нельзя.

Что до собственных исследований, то Ард ими, разумеется, тоже занимался. Но за минувшие шесть дней (*половину пути до Северного Парка*), без новых знаний, без своих прочих записей, с одним только карандашом, далеко он не продвинулся. Вернее – вообще никак не продвинулся.

А компания, которая ему досталась...

Арди еще сильнее приоткрыл окно, впуская в купе свежий воздух. Впрочем, назвать словом «купе» данное пространство, занимавшее треть от вагона (*всего купе первого класса в вагоне имелось ровно три штуки*), располагавшее двумя кроватями, двумя шкафами, креслами, большим столом и несколькими столиками, а еще укрытое на полу ковром, с самой настоящей люстрой и обоями на стенах, – язык не поворачивался. Арди будто находился в передвижном гостиничном номере. Где кормили, к слову, соответствующим образом.

Так вот о компании.

За шесть дней они с Таисией Шприц, каждый день менявшей свои наряды и регулярно на весь вечер удалявшейся в вагон-ресторан, обменялись вряд ли больше чем десятком слов. Большую часть которых составляли язвительные комментарии журналистки по поводу внешности Арда. Все остальное время их разделяла раскладная ширма, и ни у одного не возникало желания как-то пересечь данную границу. Ни словесно, ни тем более физически.

Ардан снова тяжело вздохнул. Они двигались на северо-восток. С одной стороны их прижимала граница Империи с Фатией. Порой, в хорошую, солнечную погоду, можно было увидеть, как дальше, на севере, поднимаются черные клубы дыма. Инженерные войска занимались строительством новых и продолжением старых укреплений. В несколько смен, вооруженные не только лопатами и кирками, но и тяжелой техникой, они рыли лабиринты изломанных окопов, валили лес и воздвигали форты, блиндажи и все то, о чем Ардан не хотел думать.

А с другой стороны, если выйти из купе в коридор (*что Ардан делал только по крайней необходимости, и на то имела своя причина*), то можно было насладиться видом уползающих на запад, поднимающихся к небу скалистых холмов. Алькадские предгорья. Отчасти – родной дом Арда. Отчасти потому, что он здесь никогда не был.

Алькада тянулась почти из одного конца Империи в другой и никогда не принадлежала целиком одному племени матабар. Так что место, где жил Ардан, находилось далеко на западе.

Арди вздо...

– Ох, клянусь Вечными Ангелами, Ард! – С резким скрипом ширма сложилась гармошкой, стукнув деревянными рамами со вставленной внутрь плотной тканью. – Если вы еще раз вздохнете с такой интонацией, то я в вас выстрелю!

Ардан повернулся на звук и так же резко отвернулся в сторону. Госпожа Шприц решила не озаботиться тем, в каком виде она высказала свое недовольство. Одета лишь в нижнее белье и чулки на подвязках, она в левой руке держала книгу уже знакомого Арду писателя, а в правой – взведенный револьвер.

– Спящие Духи, Таисия, вы можете что-нибудь надеть?

Как и всегда, ну или – последние несколько лет, Ардан не испытывал ни малейшего пьетета перед видом взведенного курка железа.

– Я как раз собиралась, господин ковбой, пока вы не утомили меня своими упадническими вздохами! – рявкнула Таисия и, задвинув ширму, судя по звукам шагов, направилась к шкафу. – Я уже начинаю думать, что риск собственной жизнью, но весьма комфортное уединение, могли обойтись для моего душевного спокойствия меньшей ценой, чем ваше общество!

– Возможно, если бы вы меньше курили и меньше пытались привести в купе каждого встречного из экспедиции, то мы бы с вами не заметили, как уже прибыли бы на стоянку! – не остался в долгу Ардан. – Восприятие времени весьма субъективно.

– А вы бы могли, Ард, создать себе менее отвратную маску, чтобы не портить аппетит каждому встречному! И не умничать, полагая, что все вокруг менее образованы, чем вы!

Маска... причина, по которой Ардан старался как можно реже выходить из купе. Да, Черный Дом в лице Дагдага передал ему ларчик с шестнадцатью накопителями... на каждую Звезду. Целое состояние в пересчете на эксы. Но его «Водная маска», которой он прикрывал лицо на людях, требовала для поддержания пусть и немного лучей, но потребляла их на постоянной основе.

Так никаких накопителей не хватит. А появляться без маски в закрытом обществе, которое целых три месяца проведет в собственном «котле», – идея так себе. Рано или поздно кто-то опознает в нем Арда Эгобара, и появятся совсем ненужные и неуместные вопросы.

Так что у Арда имелся целый арсенал предосторожностей. А именно – поддельные документы на имя «Дар Скофский», Имперский маг двадцати пяти лет родом из Дельпаса. Прошел обучение в одном из Метропольских университетов на факультете Звездной магии, а затем прослужил три года в корпусе маршалов в степях.

Уволен в звании капитана, с одной медалью за ранение. Именно данное ранение и деформировало «лицо» Дара Скофского, но зато позволило ему заняться частной практикой. Он работал в компании «Тутский и партнеры», которые занимались частной охраной. На деле – контора принадлежала Черному Дому и использовалась именно для таких целей.

Помимо документов в сумке Арда лежал еще целый ряд поддельных удостоверений, включая липовый билет Рынка Заклинаний и точно такое же липовое заключение из Госпиталя Героев, где были подтверждены три Звезды «Дара Скофского». Пять лучей в Красной, четыре в Зеленой и три в Синей. Все еще весьма недурное количество, но не настолько заурядное, чтобы начать сомневаться в логичности пребывания Синего мага на работе в частном охранном бюро.

Ардан чуть поежился, вспоминая свой настоящий визит в Госпиталь Героев, где проверяли его Синюю Звезду, но об этом позже...

– Я предпочту уединение вашей нездоровой тяге к беседам в горизонтальной плоскости, Таисия.

– Клыкастый хам!

– А вам, в таком случае, стоит познакомиться с моим другом – Баженом Иорским, – не остался в долгу Ардан.

Не то чтобы Таисия его раздражала, просто... Ардан долгое время привыкал к совместной жизни с Тесс, которую любил! Так что шесть дней в компании малознакомой и столь же малопривлекательной женщины буквально выворачивали наизнанку все его, привитые Эргаром и лесными друзьями, жизненные устои.

Арду не хватало собственной территории. А еще что-то ему подсказывало, что Таисия приводила своих гостей, с которыми просто мило пила чай за столиком, исключительно чтобы подействовать на нервы Арду. А еще, возможно, чтобы заставить ревновать старшего магистра Чаза Наленского, которого Ард видел всего дважды.

И, признаться, Таисия успешно справлялась с обеими задачами.

Ширма снова скрипнула, и Таисия, в простом, но добротном платье и коротком пиджаке поверх тугого корсета, опустилась за их общий столик. Она элегантно налила себе чай и взяла газету.

Состав, целиком и полностью принадлежавший Гильдии Охотников и битком забитый участниками экспедиции, делал несколько остановок в день. И каждый раз на стоянках Таисия покупала газеты. Как местные, так и новые выпуски «Имперского Вестника».

– Смотрю, на первые страницы снова вернулась ваша красавица жена, – отставив в сторону мизинчик (*так же, как это делали Полина, Борис и Тесс*), Таисия отпила янтарного напитка. – Удивительно, как вы не сторааете здесь от ревности, Ард.

– Меня, Таисия, спасают расчеты о том, что я могу перенести свою маску на вас, – Ардан приподнял блокнот с исписанными карандашом листами.

И он даже не лукавил. В какой-то момент внутреннее негодование перешло на тот уровень, что Ард действительно поймал себя на том, как из заклинания маскировки выделял совсем иную модификацию.

– Это будет считаться малефикацией, Ард, – с каменным выражением лица, не сводя взгляда с газетных листов, напомнила Таисия. – Вас посадят в тюрьму для магов, но не переживайте, я буду приносить вам передачи. Мучное. Говядину. Домашние соленья. Все, что вы так любите. Ой, простите, вы же едите то, чего даже свиньям постесняются дать.

– Для начала – я Плащ. А вы журналист с сомнительной репутацией. Так что, возможно, меня даже наградят. И я предлагал вам обедать в разное время, – дернул плечами Ард. – Тогда вам бы не пришлось, как вы выражаетесь, «нюхать помой вместо еды».

– У меня безупречная репутация, – резко возразила Таисия. – А я, в свою очередь, предлагала вам, Ард, составить мне компанию в вагоне-ресторане, где подают то, что вы можете есть, и оно не пахнет так, что у меня рвотные позывы бегут из вагона впереди меня же самой.

– Возможно, именно поэтому, Таисия, я и отказываюсь от вашего предложения, – прищурился Ардан. – Несколько минут спокойствия каждый день. Да я буквально живу мечтами о том, когда разверну свой обед и вы сбежите.

Таисия резко свернула газетный разворот, обнажая свое лицо. Она сверкнула недобрый взглядом и тихонько прошипела:

– Я удивлена, как вы умудрились жениться, Ард.

– А я совсем не удивлен, что вы не замуж...

Ардан поймал себя за язык, но было уже слишком поздно. Он успел заметить уголек боли, обжегший взгляд умных, пронзительных голубых глаз.

– Простите, Таисия, – искренне извинился Ардан.

Он не знал, что именно произошло в жизни госпожи Шприц, что к тридцати лет, будучи недурна собой, неглупа и весьма целеустремленна, она не носила кольца на пальце, но подозревал, что... Подозревал, что Таисия пережила не одну только трагедию, связанную с отцом. Госпожа Шприц несла на своих плечах еще более тяжелый и темный груз.

– Дознаватель, – не без боли и с толикой искреннего презрения процедила Таисия и вернулась к чтению газеты.

Ардан едва было снова не вздохнул. Нет, он понимал, что Таисия демонстрировала по отношению к нему достаточно открытую неприязнь, но он все-таки поступил не уважающим себя же самого образом. Бить другого человека и тем более женщину по больному месту, которое обнаружил за чужой броней отстраненности, – недостойное поведение.

Арди себя не оправдывал, но делал легкую скидку на шесть весьма беспокойных дней. Можно сколько угодно рассуждать о том, что в поезде Таисии ничего не угрожало и Ардан мог бы провести это время в сидячем вагоне в числе работников экспедиции, но... он видел, кто именно оплачивал билеты. И что бы ни говорила госпожа Шприц, но авторами этой идеи о совместном путешествии выступали умники Черного Дома. Так что – такая вот работа.

От неловкой паузы его спас тяжелый стук широких мужских каблуков и немного спертый запах сигары. Поезд уже несколько минут как замер. Так что прежде, чем в дверь постучали, Ардан дотронулся пальцами до посоха. Под его ногами сверкнула Звездная печать, и лицо, на мгновение утонув в эфемерной водной вуали, преобразилось.

Янтарные глаза уступили место карим, лоб стал ниже, скулы уже и асимметричней, нос выпятился гармошкой, появились язвочки и шрамы, а еще жидкая поросль и деформация кости с правой стороны – впадина от виска до щеки. Прошлый вариант «Маски» пришлось изменить, чтобы снизить потребление, но даже так – Арду придется тратить луч Красной Звезды каждые три часа на поддержание данной обманки.

– Входите! – выкрикнула Таисия и, бросив на Арда быстрый взгляд, закатила глаза.

Дверь купе открылась, и на пороге, спиной к окнам, показался не кто иной, как Старший Магистр Чаз Наленский. В Желтом плаще и с весьма своеобразными погонами. Шесть лучей в Красной, затем семь в Зеленой, два в Синей и, внезапно, четыре в Желтой. Такое впечатление, что после окончания Большого господин Наленский, которому в этом году исполнится полвека, потерял всякий интерес к объему Лей в своих Звездах. Что, в целом, наверное, подтверждало теорию некоторых студентов о том, что маги, становящиеся чиновниками, перестают быть магами.

– Таисия, вы уже одеты! – Господин первый помощник главного исследователя Аномалий в центральном отделении Гильдии Охотников произнес это таким тоном, будто жалел о прыти Таисии и предпочел бы застать ту в исподнем. Хотя... почему «будто». – И капитан Скофский.

Старший Магистр (*получивший свое звание за исследования в области биологических механизмов аномалий*) лишь мазнул взглядом по Арду, но стоило ему зацепиться глазами за «лицо» юноши, как он вздрогнул и отвел взгляд в сторону. «Маска» не столько обманывала органы чувств, сколько вызывала дискомфорт у зрителя. Принцип, которому Арди научился у Шали, – порой перед добычей не надо скрываться, достаточно направить ее взгляд в другую сторону.

– О, милый Чаз, – Таисия будто невзначай заправила выбившуюся прядку (*которую сама же, после стука в дверь, вытащила из прически*) и, поднявшись на ноги, протянула руку. – Благодарю за вчерашнюю беседу. Мне было так интересно узнать принцип размножения крылатых кошек. Это так захватывающе.

Таисия врала так искусно, что если бы Ардан не слышал ритма ее сердца, то и сам бы обманулся открытым, честным взглядом и светлой, беззаботной улыбкой. Куда-то исчезла холодная, стальная женщина, напоминающая лису, вцепившуюся в добычу. Ей на смену пришла модная, стильная девушка с обворожительным лицом и намеком на обещание более... тесной беседы.

– Наш с вами уговор в силе? – целуя тыльную сторону ладони, спросил Старший Магистр Наленский.

Ардан едва не закашлялся. От чиновника так сильно пахло плотским желанием, что Арду захотелось высунуть лицо в окно. Хорошо, наверное, жить с людским носом и не чувствовать всего этого.

Сам же Наленский, ростом выше Милара, а комплекцией немного напоминая Эрнсона, прятал под свободным жилетом наметившийся живот. Не то чтобы Старший Магистр следил за своим обликом. Скорее напротив – он не знал меры ни в пище, ни в пагубных привычках, включая алкоголь и сигары. Просто разъездной характер работы, а также необходимость быть постоянно на ногах, спасали его от лишнего жира и заскорузлости кожи. Так что выглядел он вполне сносно и даже молодожаво.

Один только нюанс.

Кольцо на безымянном пальце.

Которое его нисколько не смущало, и данное отсутствие смущения буквально сквозило в замасленных, жирных глазах, без устали скользящих по всем изгибам Таисии. Ардан никогда не понимал таких людей, как и, собственно, Иорского тоже. Да и, наверное, уже не поймет.

– Разумеется, – кивнула «растаявшая» Таисия, по внешнему виду и поведению которой можно было сделать ошибочный вывод, что та буквально мечтает об обществе Старшего Магистра.

Только вот... примерно так же, как лиса мечтает об обществе наивной курицы.

– Дорогой капитан? – Она повернулась к Арду и, пока Старший Магистр не видел ее лица, скорчила такую мину, что Арди стало не по себе. – Не забудьте ваш посох.

Ардан встрепнулся.

– Что? – произнес он оторопело.

Таисия повернулась обратно к Старшему Магистру.

– Ох, простите, Чаз, – взмахнула она свободной рукой. – Вы же знаете историю капитана. Тяжелое ранение. Контузия. Дорогой Скофский немного ослаб умом и памятью. Совсем забыл, что мы договаривались во время длительной остановки посетить салун и немного развеяться.

Ардан мысленно досчитал до десяти. Нынешняя остановка действительно обещала растянуться на несколько часов. Пока загрузят новый уголь, пока дозаправят бойлер и проведут диагностику... им придется провести на станции весь день и часть вечера. И все это время Арди собирался... спать. Сладко, мирно и, что самое важное, в полном одиночестве, единолично владея купе.

– Д-да, разумеется, – Ардан чуть заикнулся от сдерживаемого порыва превратить все вокруг себя в одну большую ледышку. – Одну минутку, Таисия.

– Ох, капитан, не помню, чтобы мы переходили с вами на имена, – журналистка повернулась к Старшему Магистру, все еще сжимавшему ее ладонь. – Говорю же, дорогой Чаз, контузия. Ослабел умом наш бравый капитан.

– Вижу, – кивнул Старший Магистр. – Все еще по-доброму сержусь, милая Таисия, что вы отказались от моего спонсорства. Будьте уверены, что «Тутский и партнеры» вас обманули. Достаточно взглянуть на самодельную палку капитана... боюсь представить, из-за чего ему пришлось продать свой военный посох.

Дагдаг предлагал Арду на время поездки взять со склада посох из сплава Эрталайн с нанесенными печатями, но Арди отказался. Во-первых, весь свой арсенал, кроме все еще не до конца отработанного «Ледяного Хвоста», он помнил и применял наизусть, а во-вторых... родной посох он как-то... роднее.

– Я потратил деньги на лечение, господин Старш...

– Не то чтобы мне было интересно, капитан, – с неприкрытым высокомерием в голосе перебил его господин Наленский. – Поторопитесь. Вас ведь ждут.

Ардан мысленно досчитал до... одиннадцати. Видимо, Спящие Духи в своем сне решили проверить хладнокровие и выдержку Арда, потому как иначе с какой еще стати им видеть для него подобное испытание нервной системы.

Арди накинул походную кожаную куртку поверх тканевой жилетки (*все же на улице еще только самое начало весны, так что ночью бывали и заморозки*), а сверху прикрепил погоны и Синий плащ.

Таисия уже, «нежась» в лучах внимания Старшего Магистра, с благодарностью приняла пальто, которое Наленский весьма умело помог ей надеть. Все троим они вышли из купе, обменялись ничего не значащими фразами с проводником, открывшим для них дверь тамбура и спустившим лестницу к перрону.

Старший Магистр помог спуститься все еще «таявшей» Таисии, а Ардан спрыгнул самостоятельно – просто чтобы размять затекшие ноги.

– Ох, капитан, с кем же согрешила ваша матушка? – хохотнул Старший Магистр, который уже далеко не в первый раз отпускал весьма своеобразный, замаскированный под безобидный, «комплимент».

Единственное, что не мог замаскировать Ардан, – свой рост, который всегда выделял его на фоне других людей, включая и жителей Северного материка.

– Но нам с Таисией опять же нисколько не интересно, – тут же вновь попытался уколоть Старший Магистр. – Это был риторический вопрос. Знаете, капитан, что такое «риторический»? Могу подсказать книгу, где описывается данная терминология.

И нет, господин Наленский не пах ревностью. Просто... он был таким вот своеобразным господином, уверенным в том, что мир если и не был создан исключительно ради его удовольствия, то уж точно должен был отвечать всем его запросам. И один из запросов – восхищение его необычайно искрометным юмором.

Да, господин Наленский считал себя непревзойденным юмористом. И Таисия, настолько натурально подделывая смех, что даже Ард поверил, не собиралась расстраивать свою «добычу».

Так что вдвоем, смеясь, они застучали каблуками по деревянному настилу перрона, а Ардан поплелся позади. Вокруг раскинулась железнодорожная станция, разраставшаяся до небольшого городка с названием, восходящим к истории Атруа, – Рейнар. И он был далек от столицы не столько расстоянием, сколько самим своим духом.

Здесь не встретишь ни колонн, ни лепнины, ни газовых или Лей-фонарей с коваными завитками. Тут, куда ни посмотришь, приземистые дома – низкие, с широким крыльцом и навесами из потемневших досок, под которыми лениво покачивались на ветру вывески лавок, салунов и скобяных мастерских. Компанию им составляла дорожная пыль. Она лежала буквально на всем. На перилах, на ступенях, на гривах привязанных к коновязям лошадей, которых здесь было куда больше, чем автомобилей.

Их, автомобилей, Ард насчитал ровно три. Один стоял у здания почты, облепленный грязью до самой крыши, как будто водитель проехал через болото и решил не отмываться из какого-то своего принципа. Второй, с потрескавшимся ветровым стеклом и веревкой, державшей левое зеркало, припарковался у салуна, вывеска которого – «Сплющенная Подкова» – покосилась так, что второе слово читалось только если наклонить голову. Третий колесный агрегат принадлежал, судя по гербу на дверце, местной управе шерифа, и это был, пожалуй, единственный предмет в городе, который кто-то пытался содержать в чистоте.

Даже люди здесь выглядели иначе.

Никакой столичной суеты, никакой праздности Бальеро. Мужчины, как на подбор, загорелые, сухие, с обветренными лицами и прищуренными от привычки смотреть вдаль глазами. Они неторопливо передвигались по немногочисленным улицам, и у каждого без исключения на поясе висел револьвер. Совсем не напоказ и, разумеется, не для красоты. Да и вообще, казалось, что он просто... висел, как висят на стене ключи от дома. Какая-то безусловно естественная и необсуждаемая часть повседневности.

Женщины тоже были другими. С виду более... крепкие, что ли. В простых платьях с закатанными рукавами, с натруженными руками и прямыми спинами, они смотрели на проходящих незнакомцев без робости и без любопытства, а с тем спокойным, оценивающим вниманием, которое свойственно людям, привыкшим рассчитывать в первую очередь на самих себя.

Над городком, как строгий пастух над своим стадом, возвышалась водонапорная башня. Единственное сооружение выше двух этажей, сколоченное из темных, просмоленных бревен и увенчанное жестяным баком, на котором кто-то белой краской вывел название городка и, чуть ниже, число жителей, поверх которого уже дважды наносили исправления.

– Знаете, Таисия, я даже не надеюсь, что здесь подадут Линтеларское полусухое, но хотя бы просто – вино, – продолжал, по своему мнению, шутить Старший Магистр, пока они шли к «Подкове».

Арда порой ловил на себе пристальные взгляды, но стоило жителям станции-городка заметить его лицо, как все спешили отвести глаза в сторону. Юноша обернулся к деревянной станции. На перрон уже высыпали и другие участники экспедиции. Из двенадцати вагонов на улицу вышло человек тридцать. Подавляющее большинство – мужчины. И, точно так же, подавляющее большинство – охотники.

Их было легко отличить по обветренным лицам, подтянутым телам без лишнего жира и перевязям с алхимией, висевшей под патронташами. В поезде, разумеется, остались еще и научные сотрудники, а также несколько магов. Считая Арда и Старшего Магистра, в экспедицию на восемьдесят семь человек состава отправилось... шесть магов.

Два Магистра Желтой Звезды и два военных мага такой же, как и у Арда, Синей Звезды. Собственно, именно они и вышли из состава. Мужчины лет тридцати, с недешевыми посохами из грубого сплава Эрталайн и в очень качественных ботинках, что выдавало в них опытных путешественников.

– Ох, милый Чаз, сжальтесь надо мной! – «хохотала» Таисия, как бы невзначай касаясь плеча Наленского. – Вы так уморительны... у меня уже болит живот!

– Простите, милая Таисия, ничего не могу с собой поделать! – пробасил Старший Магистр.

Они вошли через двери салуна, которые едва не ударили Арда по лицу. Разумеется, никто не собирался для него придерживать створки. Арди, поймав деревянные полотна, отчаянно стремившиеся поздороваться с ним при помощи приложения кинетической энергии к его же лицу, зашел внутрь салуна и... не сдержал тяжелого вздоха.

В воздухе, как и в любом салуне, пахло едким потом, недорогим табаком, крепким алкоголем, а еще, учитывая взгляды некоторых посетителей, направленные на Таисию и Старшего Магистра, – скорыми проблемами.

Да, определенно, его ждали очень долгие три месяца. И в данном случае речь пока еще даже не шла про поиски браконьеров или же целой лаборатории Кукловодов, расположенной в Северном Парке. Куда они еще пока не доехали!

О Спящие Духи...

Глава 126

Салун «Сплющенная Подкова» внутри оказался именно таким, каким Ардан себе его и представлял мгновение назад. Точно таким же, как и его многие-многие братья, разбросанные по всей стране.

Длинная стойка бара из потемневшего дуба тянулась вдоль левой стены, а за ней, на полках, уставленных бутылками самых разных форм и степени запыленности, скучало мутное зеркало с трещиной, расколовшей отражение зала пополам. Круглые, тяжелые столы, с глубокими царапинами и пятнами от пролитого пива. Они стояли без всякого видимого порядка, как будто их расставлял человек, которого больше интересовало содержимое стаканов, чем геометрия помещения. Аркар бы выгнал подобного работника в шею, причем, скорее всего, напрямик до ближайшей лечебницы.

На полу лежали опилки, впитывавшие грязь с сапог посетителей, а в углу, на маленьком возвышении, стояло пианино с отломанной крышкой, за которым давно уже никто не играл.

Посетителей было сравнительно немало для такого часа. Десятка полтора мужчин, рассодоточенных по столам группками по два-три человека. Все они, как и те, кого Ардан видел на улице, носили револьверы на поясах и смотрели на вошедших с тем особым, ленивым вниманием, которое незнающий легко бы спутал с безразличием.

На деле же они приценивались к незнакомцам. Желтый плащ Старшего Магистра и Синий плащ Арда заставили несколько пар глаз задержаться дольше обычного, но затем, точно так же, как и остальные, ковбои отвернулись и вернулись к своим делам. Маги, даже Красной Звезды, на приграничных территориях пользовались тем молчаливым уважением, которое оказывают людям, способным превратить твой стол вместе со стаканом в груды дымящихся угольков.

Таисия, все еще «тая» на руке Наленского, с видом столичной гостьи, впервые оказавшейся в провинции, огляделась и тут же, с очаровательной гримаской, прижала к носу платочек.

– Какой... колорит, – произнесла она тоном, который мог в равной степени означать и восхищение, и брезгливость, и все что угодно между ними.

Старший Магистр повел ее к столу в дальнем углу. Тому, что стоял у окна, стекло которого облюбовал паук. Через белесую сеточку паутины, занявшей верхний угол, пробивался пыльный луч света. Чаз галантно отодвинул для госпожи стул. Таисия, с не менее куртуазным кивком, села, расправив юбку, а Наленский опустился напротив. Ардан, которому стул, разумеется, никто не отодвигал и даже не собирался, устроился с краю, прислонив посох к стене.

Старший Магистр щелкнул пальцами и указал на проходившую мимо молоденькую официантку – невысокую девушку лет семнадцати, с двумя русыми косами и россыпью веснушек на обгоревшем от солнца носу, которая несла поднос с пустыми кружками.

– Барышня! – гаркнул Наленский так, что девушка вздрогнула и едва не уронила поднос. – Сюда, будьте любезны, если, конечно, ваши прелестные ножки способны преодолеть это расстояние в обозримом будущем.

Девушка покраснела от подбородка до корней волос и подошла к столу, попутно прижимая поднос к груди, на манер щита из рыцарских времен.

– Что изволите, господа? – Голос у нее был тихий и чуть дрожащий, а еще она старалась не смотреть на «лицо» Арда, которое, впрочем, никто не хотел подолгу разглядывать.

– Что у вас есть из вина, дорогая моя? – Наленский откинулся на стуле и оглядел девушку с ног до головы с таким выражением, будто оценивал лошадь на ярмарке. – И, умоляю, не говорите мне, что только брага и пиво, иначе я расплачусь прямо здесь, а мне не хотелось бы расстраивать мою спутницу видом слез седеющего мужчины.

– У нас есть вино, господин, – девушка чуть подняла подбородок, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на обиду. – Красное, с южных виноградников Лазурной Губернии, прошлогоднего урожая.

– Лазурное прошлогоднее? – Наленский изобразил страдание на своем полном, румянном лице. – Ну что ж, видимо, на безрыбье и рак – рыба, а в вашем случае, красавица, и уксус сойдет за Линтеларское полусухое. Несите бутылку и три... нет, два бокала. Капитан Скофский, полагаю, обойдется кружкой, ему все равно не отличить Форийское бордовое от бордюра.

Наленский залиvistо загоготал над собственной шуткой. Таисия засмеялась вместе с ним с той актерской безупречностью, которая вызывала у Арда одновременно восхищение и тошноту. Официантка кивнула и ушла, а Ард заметил, как на ее спине, под фартуком, напряглись лопатки.

Мысленно он досчитал уже до двенадцати.

За соседним столом двое мужчин (*оба в кожаных жилетах и с лицами, на которых отразилось больше, чем Ардан хотел бы заметить в постороннем человеке*) обменялись короткими недовольными взглядами и снова устали в свои кружки. Напряжение в зале достигло уже почти осязаемого состояния. Оно висело в воздухе наравне с табачным дымом и запахом пролитого пива. Ардан буквально чувствовал его собственной кожей. Видел, как при каждой реплике Наленского несколько пар глаз чуть прищуривались, а несколько рук, лежавших на столах, едва заметно смещались ближе к поясам.

Но никто не двинулся. Синий и Желтый плащи справлялись со своей нетривиальной задачей по остужению самых буйных голов. Можно сколько угодно ненавидеть столичных щеголей и презирать их манеры, но получить Звездной печатью в грудь не хотелось никому. Так что ковбои пили крепкое пиво и молчали, а Старший Магистр продолжал блистать своим неподражаемым остроумием.

Официантка вернулась с бутылкой и бокалами, и Наленский, не без театральности, налил вино, понюхал, скривился и тем не менее выпил. Таисия пригубила из своего бокала и, поставив тот на стол, наклонилась к Старшему Магистру с видом девочки, которой вот-вот расскажут самую интересную на свете сказку.

– Скажите, дорогой Чаз, – она провела пальцем по ободку бокала, заставляя стекло тихонько застонать. – А ведь экспедиция наша не только ради составления каталога, верно?

Наленский поднял брови. Так медленно и столь нарочито «значительно», будто у него спрашивали информацию, от которой зависело благополучие всей Империи.

– Что вы имеете в виду, милая Таисия?

– Восемьдесят семь человек, шесть магов, двенадцать вагонов, оборудование, – Таисия загибала пальцы, украшенные тонкими кольцами. – Это ведь не просто прогулка по лесу с блокнотом и карандашом, не правда ли? Гильдия вложила в эту экспедицию, по моим скромным подсчетам, не менее двадцати тысяч эксов, если не считать жалованье охотников, которые и без того обходятся вашей бухгалтерии совсем недешево.

Наленский отхлебнул вина и откинулся на стуле, заложив руки за голову с видом человека, который собирается рассказать нечто грандиозное.

– Как и всегда, не могу отказать вам в проницательности, милая Таисия, – произнес он тоном, которым обычно хвалят умную собаку. – Видите ли, каталогизация – это, разумеется, часть нашей работы, и весьма важная часть, скажу я вам, но истинная цель экспедиции... – он понизил голос и чуть подался вперед, – несколько амбициознее.

Таисия тоже подалась вперед, и расстояние между их лицами сократилось до полуметра. Ард, сидевший сбоку, видел, как ее умные и хищные глаза подернулись ширмой глупой восторженности.

Спящие Духи! Они с Тесс, считая визит в Дельпас, всего дважды бывали в кино, но если бы Таисия Шприц не стала журналисткой, она бы сделала головокружительную карьеру как на сцене, так и на пленке!

– Расскажите, Чаз, мне так интересно, – произнесла она мягким шепотом так вкрадчиво, что даже Ард на мгновение поверил в ее искренность.

Наленский расцвел.

– Крылато-Рогатые Лошади, – произнес он так, будто открывал секрет государственной важности, но при этом достаточно громко, чтобы половина салуна могла его услышать. – Мы ищем следы одних из последних Крылато-Рогатых, Таисия.

Ард, державший в руках кружку с чаем, который заказал у возвратившейся официантки, чуть нахмурился, но постарался не выдать своего интереса.

– Крылато-Рогатые? – Таисия изобразила удивление так безупречно, что даже брови поднялись на некую эфемерную, не вызывающую подозрений, идеальную высоту. – Я думала, что они вымерли еще до основания Империи, разве не так?

– Вымерли – это сильное слово, дорогая Таисия, – Наленский покачал головой с видом профессора, объясняющего первокурснику разницу между плесенью и камерой сгорания топлива для Лей-генератора. – Последние подтвержденные наблюдения относятся к эпохе Первых Княжеств, но Северный Парк – это территория, где до сих пор сохраняются условия, близкие к тем, что существовали в те давние времена. Низкие температуры. Изоляция. Минимальное присутствие человека. Если где-то и могла уцелеть небольшая популяция, то именно там, среди вечнозеленых лесов, в которые ни один здравомыслящий охотник не полезет добровольно.

– Но зачем? – Таисия чуть склонила голову набок, как птичка, разглядывающая блестящий предмет. – Зачем Гильдии Охотников тратить такие деньги ради нескольких лошадей, пусть и волшебных? Это ведь скорее задача для химерологов, разве нет?

Арда едва не подавился чаем. С такими оборотами впору саму Таисию подозревать в сотрудничестве с Кукловодами.

Наленский же рассмеялся. Громко, раскатисто, с тем снисходительным весельем, которое выдавало в нем болевшего тем же комплексом, что и лорд Аверский, да примут его Вечные Ангелы. Старший Магистр Наленский считал себя не только самым смешным в комнате, но и самым умным. И, разумеется, был готов делиться своей мудростью и знаниями за небольшую плату в виде всеобщего обожания.

– Крылато-Рогатые – это не «просто лошади», милая Таисия, – он поднял палец и ткнул им в воздух для убедительности. – Это аномалии редчайшего класса. Единственные существа на планете, чья Лей-структура полностью резонирует с эхом... Поле Паарлакса. Именно благодаря Крылато-Рогатым высшие эльфы доминировали в ранней истории, задолго до появления Королевства Эктасс. По легендам, одна такая лошадь усиливала магические способности наездника в несколько раз, позволяя тому творить заклинания, которые без нее были бы просто невозможны. Сейчас же научное сообщество больше склоняется к тому, что Крылато-Рогатые Лошади позволяли игнорировать парадокс истончения Поля Паарлакса и использовать Лей даже без контакта с землей. Прямо в воздухе. И если мы сможем отыскать их, а затем и понять принципы подобного природного механизма, то наши дирижабли...

Старший Магистр осекся.

Таисия же, сделав вид, что ничего особенного не услышала, легонько кивнула. Она поднесла бокал к губам и, прежде чем отпить, произнесла – словно между прочим, словно мысль пришла ей в голову только что:

– Но ведь все аномалии на территории Империи переписаны и каталогизированы, не так ли? Я читала в «Вестнике», что Гильдия Охотников завершила полную инвентаризацию аномалий еще в середине прошлого столетия.

Наленский поморщился – не столько от вопроса, сколько от того, что ему пришлось признать очевидное.

– Территория Парков, как и самой Империи, огромна, милая Таисия, – произнес он чуть суше, чем прежде. – Каталогизировать всё просто невозможно. Северный Парк – это десятки тысяч квадратных километров непроходимых лесов, болот и осколков Великого Ледника, куда не добирались даже самые отчаянные экспедиции. Последняя серьезная попытка была предпринята тридцать два года назад, и из девяноста участников вернулись сорок три. Остальные... – он многозначительно поднял брови, – не вернулись.

Ардан молча слушал, уткнувшись в кружку с чаем, который оказался на удивление неплохим для такого захолустья. Не Каргаамский, конечно, и даже не Форийский, но сносный.

В голове юноши крутились вопросы, и ни один из них не касался Крылато-Рогатых Лошадей. Кукловоды интересовались Северным Парком вовсе не ради зоологических открытий и, скорее всего, не для попытки человечества покорить небеса. Во всяком случае ни один из материалов, которые попали в руки Черного Дома, о том не свидетельствовал.

Так что не стоило плодить сущностей.

Нет.

Заговорщики искали что-то конкретное, что-то сугубо практичное; что-то, что можно было использовать «прямо здесь и сейчас». Волшебные лошади, при всей их исторической значимости, не вписывались в логику организации, которая занималась химеризацией, искусственными Звездами и исследованиями природы демонов и Фае.

Или вписывались?

Ард задумался. Если Крылато-Рогатые действительно усиливали магию наездника в несколько раз, то это был уже не столько зоологический, сколько весьма стратегический ресурс. Маг на Крылато-Рогатой – это не просто маг, это уже нечто совсем иного порядка. Но даже так – ловить волшебных лошадей в непроходимых лесах было занятием, мягко говоря, непрактичным, учитывая, что Кукловоды предпочитали лаборатории и секретные документы, а не погони по ледникам.

Нет, дело было в чем-то другом. Ард был почти уверен, но «почти» – это не «точно», а на «почти», как наставлял Милар, расследование не строится.

В этот момент дверь салуна распахнулась, и внутрь ввалилась шумная компания. Человек двенадцать охотников, все как один в кожаных куртках и с перевязями, увешанными флаконами алхимии и патронами. Пропахшие бесконечными дорогами Империи, с манерами, какие бывают у людей, привыкших жить сегодняшним днем и тратить деньги так, будто завтра не наступит. С грохотом придвинув недостающие стулья, они заняли три дальних стола и принялись заказывать пенное, водку, дешевый виски и закуски, попутно перекрикивая друг друга.

За ними, чуть поодаль, вошли двое Синих магов из экспедиции. Те самые, которых Ард заметил на перроне – мужчины лет тридцати, с недорогими, но военными посохами и хорошими ботинками. Они устроились за столом рядом с охотниками.

Ардан наблюдал за компанией, делая вид, что рассматривает трещину на своей кружке. Охотники пили, смеялись, хлопали друг друга по плечам. Несмотря на весь ореол романтизации, окружавший данную профессию, Охотники оставались чистой воды авантюристами. Теми, кто выбрал свое дело не потому, что мечтали защищать мирных граждан от аномалий, а потому, что умели выживать, драться и стрелять. И предпочитали зарабатывать, не обременяя себя мундирами или корабельными тельняшками. Впрочем, среди них наверняка имелись и бывшие солдаты, так же, собственно, как и бывшие бандиты, да и просто те, кому надоело жить от одной зарплаты до другой.

Они жили исключительно моментом, и каждый из них знал, что следующая экспедиция может оказаться последней, и именно поэтому пили так, будто завтра уже не наступит. В них

было что-то первобытное, звериное, и Ард, выросший в лесу среди настоящих хищников, прекрасно это чувствовал.

Может, потому он и смог найти общий язык с отрядом Балицкого по пути к Ларандскому монастырю Света. Но не со всем отрядом, конечно; впрочем, не стоит о грустном.

Шум в салуне нарастал.

Охотники пели какую-то нецензурную песню, с одинаковым энтузиазмом перевирая и слова, и мелодию. Двое Синих магов, осушив свои стаканы, начали разговаривать все громче и раздраженней. Ард ловил обрывки их беседы – что-то о жалованье, о задержках, о том, что *«Гильдия обещала одно, а платит другое»*.

– ...и транспортные за свой счет, представляешь? – рывкнул один из них, коренастый, с рыжей бородой и шрамом через левую бровь. – Я за свой счет до Рейнара доехал, потому что эти канцелярские крысы «забыли» включить в контракт компенсацию проезда!

– А мне вообще сказали, что оклад пересчитают по прибытии на место, – ответил второй, повыше, с узким лицом и холодными серыми глазами. – По какому еще «прибытии»? Я подписывал контракт на конкретную сумму, и если они думают, что я два месяца буду задницу листьями подтирать и сам себе ямку рыть за половину обещанного...

Их голоса становились все громче, и в какой-то момент рыжебородый поднялся из-за стола, сжимая стакан в кулаке, и повернулся к столу Наленского.

– Господин Старший Магистр, – произнес он тоном, в котором уважения было примерно столько же, сколько виски в уже пустой бутылке на их столе. – Раз уж мы здесь застряли на несколько часов, может быть, вы найдете время обсудить вопрос нашего жалованья?

Наленский, только что объяснявший Таисии разницу между процессами сцеживания спермы у млекопитающих аномалий (*тему, которую госпожа Шприц слушала с выражением благоговейного «восторга» на лице*), медленно повернул голову и посмотрел на мага снизу вверх.

– Жалованье, господин Мелин? – Наленский произнес это слово так, будто ему предложили обсудить цвет половиков в прихожей. – Ваш контракт уже подписан. Причем вами же. В нем все условия согласованы. Ну а вопросы оплаты – это компетенция финансового отдела Гильдии, а никак не моя.

– Финансовый отдел Гильдии находится в Метрополии, – ввернул второй маг, тот, что повыше, поднявшись из-за стола и встав рядом с товарищем. – А мы находимся здесь, в этой дыре, и насколько я помню, именно вы, господин Старший Магистр, являетесь руководителем данной экспедиции и, следовательно, несете ответственность за выполнение обязательств перед ее участниками.

Наленский побагровел. Его пальцы, державшие бокал с вином, чуть сжались, заставив стекло жалобно скрипнуть.

– Я несу ответственность за научные результаты экспедиции, капитан Рогов, – процедил он, и его голос потерял всю свою показную веселость. – А за ваши кошельки отвечают ваши, опять же, контракты. Которые вы, еще раз, подписали вполне добровольно.

– Добровольно? – Рыжебородый Мелин усмехнулся, и в этой усмешке было больше злости, чем веселья. – Добровольно – это когда тебе говорят правду. А когда обещают полный оклад с транспортной надбавкой, а потом присылают аванс, от которого после вычетов останется столько, что хватает разве что вот на это, – он поднял стакан с мутной жидкостью, – то это называется немного иначе, господин Старший Магистр!

Мелин сделал шаг к их столу, и Ардан почувствовал, как воздух в салуне сгустился. Охотники притихли, перестали петь и стали смотреть на происходящее с тем особым, хищным интересом, с которым наблюдают за чужой дракой, прикидывая, не стоит ли присоединиться.

– И раз уж мы заговорили об обстановке, – Мелин перевел взгляд на Таисию, и его глаза задержались на ней чуть дольше, чем следовало бы, – то, может быть, госпожа журналистка

предпочтет более приятную компанию? – Он чуть наклонил голову. – Мы с капитаном Роговым были бы рады предложить вам стол, за которым, по крайней мере, не пытаются продать вам весьма потную постель под видом светской беседы.

На несколько секунд в салуне наступила тишина. Звонящая, нарушаемая только скрипом стула под кем-то из охотников и далеким свистком паровоза на станции.

Наленский медленно поставил бокал на стол. Когда он заговорил, его голос прозвучал необычно ровно. На миг в замасленном взгляде проклюнулось нечто, напомнившее о том человеке, который смог добиться Желтого плаща на своих плечах.

– Капитан Мелин. Капитан Рогов. Я напомним вам обоим, что следующий поезд в Метрополию отходит через четыре дня с этой же станции. Вы вольны сдать свои удостоверения Гильдии Охотников проводнику нашего состава, получить расчет по факту отработанных дней и – проваливать ко всем демонам, матерям и вашим женам.

Он произнес последние четыре слова с особым нажимом, и его правая рука, лежавшая на столе, чуть повернулась, обнажая запястье. Часы «Линири Ирика» блеснули золотом в пыльном луче света – тяжелые, массивные, стоившие, вероятно, столько, сколько оба капитана зарабатывали за год. Ардан мысленно порадовался, что свои собственные он спрятал под простой тряпичной повязкой на левом запястье.

Мелин стиснул челюсть так, что проступили желваки, и потянулся к посоху. Рогов же, стоявший рядом, поспешил положить руку на плечо коллеги. Несколько секунд они стояли молча, а потом Мелин резко развернулся и вернулся за свой стол, опрокинув стул по дороге и даже не став его поднимать.

Рогов задержался на мгновение, окинув Арда длинным, оценивающим взглядом. Мазнул глазами по лицу и чуть дольше – по фигуре, росту, посоху и гримуару, а затем тоже ушел.

Наленский выдохнул, пригубил вино и повернулся к Таисии с немного натянутой улыбкой на пухлом лице.

– Прошу прощения за неуместный спектакль, милая Таисия, – произнес он и махнул рукой, будто отгоняя муху. – Наемные маги – они, знаете ли, как дешевые автомобили. Везут до тех пор, пока платишь за бесконечный ремонт, а как только почуют, что в кошельке зазвенело тише, – начинают скрипеть и требовать очередного визита в мастерскую.

Таисия рассмеялась – мелодично, легко, как будто ничего не произошло, – и положила ладонь на руку Наленского.

– Вы так мужественны, Чаз, – сказала она, и в ее голосе прозвучала та самая нота, которая заставляла мужчин верить, что они только что совершили легендарный, достойный историй Арора, подвиг. – Я бы на вашем месте просто испугалась.

Ардан молча допил чай и посмотрел в сторону стола, за которым сидели Мелин и Рогов. Рыжебородый курил, уставившись в стену, а Рогов что-то тихо говорил ему на ухо. Их глаза время от времени скользили к столу Наленского, и в этих взглядах без труда читалось нечто большее, чем просто обида из-за заминки с выплатой гонорара.

По опыту общения с ковбоями Ардан не сомневался, что конфликт еще только начался.

* * *

В купе они вернулись уже к вечеру, когда небо над станцией налилось темной синевой и первые звезды проклюнулись сквозь пелену облаков. Поезд стоял на путях, окутанный клубами белого пара, – бойлер уже дозаправили, и состав глухо урчал, готовясь к отправлению.

Наленский попрощался с Таисией у входа в их вагон, продержав ее руку в своих ладонях на добрых полминуты дольше, чем требовали приличия, и удалился в собственный вагон, оставив после себя облако сигарного дыма и тяжелого мужского парфюма.

Таисия зашла в купе, скинула пальто на спинку кресла, достала из сумочки портсигар и закурила. Ардан деактивировал «Маску» и почувствовал, как по лицу пробежала волна мелких покалываний. Уже привычных, почти даже приятных, но всегда слегка болезненных, как будто кто-то стянул с кожи тонкую пленку. Его настоящее лицо – янтарные глаза, высокие скулы, прямой нос – вернулось, и он с облегчением провел ладонью по щеке, убеждаясь, что все на месте.

Они, как и всегда, оказались по разные стороны ширмы, но на сей раз молчание долго не продлилось.

Таисия заговорила первой.

– Крылато-Рогатые, – произнесла она, выпуская дым в потолок. – Что скажете, Ард?

Ардан помолчал, прежде чем ответить.

– Красивая история для газетного репортажа, – сказал он сухо. – Но я сильно сомневаюсь, что именно волшебные лошади интересуют тех, кого мы ищем.

– А что тогда? – Ширма скрипнула, и Таисия, судя по запаху, присела чуть ближе.

– На территории Северного Парка, – Ардан говорил медленно, подбирая слова, – могут находиться остатки сооружений Эан'Хане. Башни, подземные лаборатории, хранилища. Возможно, именно это и привлекает наших «друзей».

– Интересная мысль, – Таисия выдохнула дым, и тот проник через щель между створками ширмы, заставив Арда поморщиться. – Но если бы там были башни или лаборатории Темных, их бы давно обнаружили охотники. Они десятилетиями прочесывают все, что может принести хоть немного эксов. Так что все, что хоть слегка торчит из земли, уже давно нанесено на карты, разграблено и продано на Рынке Заклинаний по частям.

– То, что торчит – да, – согласился Ард. – Но то, что спрятано...

– Под землей? – Таисия произнесла это без вопросительной интонации, скорее как утверждение. – Подземные комплексы Эан'Хане? По всему континенту, конечно, время от времени находят их следы. Но обычно это просто полузатопленные тоннели, заваленные камнем и набитые ловушками, в которых регулярно гибнут авантюристы и студенты, решившие подзаработать на Неспящей улице.

– Именно, – Ард кивнул, хотя Таисия не могла его видеть за ширмой. – Но если бы Кукловоды искали обычные руины, то подошли бы и любые другие. А значит, в Северном Парке есть что-то, чего нет больше нигде.

– Драконы, – произнесла Таисия так спокойно, будто речь шла о породе собак. – Возможно, вопрос как-то связан с драконами. Ну или с демонами.

Ард замолчал. Потом повернул голову к ширме и медленно спросил:

– С чего вы взяли?

– Потому что я следила за заголовками последние несколько лет, Ард. – Таисия затушила сигарету и тут же прикурила новую, и это была та единственная черта, которая выдавала в опасной хищнице нервозность. – И везде, где появлялись люди, связанные с теми, кого вы называете Кукловодами, рано или поздно всплывала тема драконов. Или демонов. Пятая улица Бальеро и Макинджия. Ларандский Монастырь и Мертвые Земли. Горы Тазидахана. Кораблекрушение в Мелкоморье. Возня на Северном континенте и в Селькадо... А теперь – Северный Парк.

– Драконы вымерли, – сказал Ард, но собственные слова прозвучали не так уверенно, как ему хотелось бы.

– Крылато-Рогатые тоже вымерли, – парировала Таисия. – И тем не менее Гильдия Охотников тратит десятки тысяч эксов на их поиски. Вы верите в совпадения, Ард? И вы, насколько я заметила, ничего не возразили про демонов.

Ардан, разумеется, не верил в совпадения. Но он также не верил в драконов, которых никто не видел уже больше тысячи лет, и его скептицизм был примерно таким же прочным,

как его нежелание делить купе с Таисией. Основательным, непоколебимым и, увы, к иронии Спящих Духов, совершенно бесполезным перед лицом своенравной реальности.

– Допустим, – сказал он наконец. – Допустим, дело в драконах. Или в чем-то, связанном с демонами. Это не объясняет, зачем Кукловодам нужен именно Северный Парк.

– Потому что на территории Парка, – Таисия понизила голос, и Ард впервые за все их путешествие услышал в нем нечто похожее на настоящую серьезность, – могут находиться не просто руины, а функционирующие объекты Эан'Хане. Башни, лаборатории, святилища, да что угодно! Какая угодно дрянь, которая до сих пор питается от каких-нибудь подземных Лей-источников. Что-нибудь сродни Пламени Сидхе. Слышали про такое?

Ардан икнул.

– Это спекуляция, Таисия.

– Это журналистика, Ард. Мы предполагаем, а потом проверяем.

– А потом публикуете, не дожидаясь проверки? – Ардан вспомнил истории о Таисии, которые слышал от Милара.

– Это был всего один-единственный раз! – вспыхнула Таисия, и ширма качнулась от того, что она, видимо, хлопнула ладонью по столу. – И ту статью я отозвала еще до выхода номера!

– После того, как вам отправили письмо из Черного Дома.

– После того, как я сама перепроверила факты и поняла, что поторопилась! – Таисия помолчала секунду. – А письмо из Черного Дома пришло сильно позже.

– Как удобно.

– Вы невыносимы, Ард.

– Это взаимно, Таисия.

За окном засвистел паровоз, и состав дернулся. Мягко и почти незаметно. Колеса застучали по рельсам, набирая ход, и пейзаж за окном начал медленно удаляться. Станция, водонапорная башня, «Сплюснутая Подкова», а вместе с ними ковбои и привязанные к коновязи лошади.

– Так что вы предполагаете? – спросила Таисия уже спокойнее, и Ард услышал, как она устроилась в кресле, подтянув ноги под себя.

– Я пока не знаю, – честно ответил он. – Именно это мне и предстоит выяснить. А еще – понять, есть ли на этом поезде кто-то из подчиненных Кукловодов. Или же они уже проникли в Парк и ждут экспедицию там.

– Весело, – произнесла Таисия с интонацией, которая означала ровно противоположное.

– Такая работа, – ответил Ард.

– Такая работа, – эхом откликнулась Таисия.

Поезд набирал скорость, и колеса стучали все чаще и ровнее, постепенно превращая стальной грохот в едва различимый монотонный ритм, который одновременно убаюкивал и успокаивал. За окном черными волнами молодая ночь яростно наступала на отступающее к востоку солнце, и последние отблески заката окрасили верхушки деревьев в медное золото.

Ширма молчала. Ард не спешил нарушать идиллию уединенного мгновения. Таисия, судя по звукам, открыла книгу.

Разговор сам собой затух, за что Ард был изрядно благодарен.

* * *

Шесть дней спустя, ранним утром, когда туман еще ленивым котом цеплялся за верхушки деревьев, поезд наконец прибыл в место назначения.

Ардан тут же заметил перемену. Воздух за окном стал другим, более плотным, более холодным, пахнущим хвоей, мокрым камнем и чем-то еще, чему он не мог подобрать назва-

ния, но что узнал бы среди тысячи других запахов. Так пахла граница между человеческой, железной цивилизацией и дикой природой.

Городок, к которому они прибыли, назывался Еллик, и при первом взгляде на него у Арда защемило в груди.

Он был так сильно похож на Эвергейл...

Не в деталях – нет. Но в самом ощущении – в том, как городок уютно устроился в ложбине между холмами, окруженный пусть и не прериями, а лесом. В том, как дымились трубы невысоких домов – деревянных, с покатыми крышами и чуть покосившимися верандами, потемневшими от непогоды и времени. В том, как пахло – дровами, скотиной, мокрой землей и тем особенным запахом маленького города, который знает каждого своего жителя по имени.

Главная улица, раскисшая от недавнего дождя, тянулась от станции к центральной площади, если площадью можно было назвать утоптаный пятачок перед двухэтажным зданием из тесаного камня, над входом в которое висел герб Империи и табличка «Городская управа Еллика». Вокруг площади теснились лавки, кузница с дымящей трубой, аптека с перекошенной вывеской и что-то напоминавшее гостиницу или постоялый двор, из окон которого доносился запах жареного мяса и лука.

Людей на улице почти не было. Все же раннее утро, туман, и большинство жителей еще не выбрались из домов. Здесь ведь не жили фермеры и ковбои. Городок существовал исключительно за счет Парка, являясь местом, где жили работники, исследователи и все те, кто имел непосредственное отношение к Гильдии Магов, Наук и Охотников.

Таисия стояла рядом с Ардом на перроне и кутала шею шарфом. Утренний воздух здесь все еще не пропитался весной и ощущался скорее позднелетним. С той морозной остротой, от которой у людей немели щеки и пальцы.

– Напоминает мне одно место, – зачем-то произнес Ард тихо, в целом ни к кому толком не обращаясь.

С удивлением для себя он обнаружил, что за время, проведенное с Тесс, Миларом, Баже-ном, Аркаром и остальными, отвык от молчания и тишины.

– Место, где вы выросли? – спросила Таисия, и в ее голосе, впервые за все двенадцать дней, не прозвучало ни сарказма, ни колкости.

Ард не ответил, но Таисия, видимо, поняла и не стала переспрашивать.

Старший Магистр Наленский, чье утреннее настроение значительно уступало вечернему, спустился из своего вагона с видом человека, которого разбудили слишком рано и который намеревался заставить за это заплатить весь окружающий мир. Он натянул перчатки, поправил Желтый плащ и, буркнув что-то вроде «доброго утра», зашагал в сторону Управы.

Таисия двинулась следом, а Ардан, ощущая знакомое покалывание на лице, пошел за ними обоими по раскисшей дороге, все норовившей стянуть с него ботинки.

Им предстояло встретиться с губернатором Еллика и обсудить обещанных для экспедиции носильщиков, лошадей и дилижансы, без которых добраться до Северного Парка было бы попросту невозможно.

Граница цивилизации. Дальше только бескрайние просторы дикого мира Империи. И от того, сколько людей и животных выделит губернатор, зависело, как быстро восемьдесят семь человек экспедиции вместе с их оборудованием, припасами и амбициями доберутся до цели.

Ардан посмотрел на здание Управы. Приземистое, немного неказистое, но при этом с толстыми каменными стенами, оттого более похожее скорее на маленькую крепость, чем на чиновничий кабинет. На крыльце стоял мужчина в меховой безрукавке и курил трубку. А вот дилижансов, лошадей и носильщиков Арда что-то нигде не видел.

Глава 127

Губернатор Еллика оказался не совсем тем, кого Ардан ожидал увидеть на крыльце провинциальной управы. Среднего роста, жилистый, с коротко стриженными седыми волосами и лицом, на котором каждая морщина выглядела отметиной, оставленной прошлым, о котором лучше не спрашивать. Он стоял прямо, с той особой выправкой, какую не теряют даже после десятилетий вдали от казарм, и его правая нога, от колена и ниже, выдавала протез. Деревянный, с металлическими шарнирами и кожаным ремнем, уходившим под штанину. Тот поскрипывал при каждом шаге, заставляя губернатора, спускавшегося с лестницы, весьма заметно прихрамывать.

На его груди, поверх меховой безрукавки, тускло поблескивали несколько наград, которые Ардан узнал с первого взгляда. Те блестели от полировальной пасты и в целом выглядели куда свежее собственного владельца. Две медали «За оборону Рубежа» – награды, которые вручались исключительно тем, кто защищал границу Империи в боевых условиях. У Аркара такая тоже имелась, но он ее никогда не прикалывал к пиджаку, пусть и порой, когда думал, что его не видят, бережно чистил и прятал обратно в шкатулку.

Губернатор Еллика не принадлежал к числу тех чиновников, которые волей судьбы намертво прилепились к теплему креслу. Скорее бывший офицер, которого государство отправило доживать свой век на краю страны, и он, судя по всему, воспринял данное назначение не как почетную пенсию, а как очередной приказ, который следует выполнять со всей положенной ответственностью.

Старший Магистр Наленский еще не успел открыть рот и даже не успел сформулировать приветственную фразу, достойную его «выдающегося остроумия», как губернатор вынул трубку изо рта и произнес нетерпеливым тоном:

– Где деньги?

Наленский запнулся на полушаге, и его лицо, только что готовившееся к демонстрации всего, по его же мнению, безграничного обаяния, вытянулось мордой стукнувшейся о речной камень выдры.

– Простите?

– Деньги, господин Старший Магистр, – губернатор постучал трубкой о перила крыльца, выбивая пепел. – Обещанные Гильдией Охотников. За носильщиков, за лошадей, за дилижансы, за фураж, за провиант и за сотню других пунктов, которые ваша контора обязалась оплатить еще три месяца назад. Денежный перевод должен был прийти с предпоследним поездом, но почтальон привез только извещение о том, что «вопрос находится в процессе рассмотрения». А мои люди и лошади как-то прошли мимо данного процесса, да? Ах да, простите, господин Старший Магистр. Они ведь стоят в конюшнях и жрут овес, который я оплачиваю из городского бюджета! Которого у меня и без вашей экспедиции едва хватает на то, чтобы город не развалился ко всем демонам.

Наленский побагровел и попытался перехватить инициативу, но губернатор оказался из той породы людей, которые не столько разговаривают, сколько выстреливают фразами, как из ленточного пулемета, не оставляя собеседнику времени на ответный огонь.

– Я трижды писал в ваше центральное отделение, господин Наленский, – продолжал губернатор, и каждое слово падало как гвоздь в крышку гроба. – И трижды получал отписки, от которых мне хотелось пустить использованную для них бумагу по прямому назначению, причем далеко не в служебных целях. Гильдия Охотников регулярно мутит воду с платежами, и каждый раз, когда очередная экспедиция прибывает в Еллик, я оказываюсь в положении человека, который должен накормить, разместить и обеспечить транспортом свыше полусотни человек за собственный счет, а потом месяцами выбивать компенсацию из ваших бюрократов,

которые, видимо, полагают, что лошади питаются воздухом, а носильщики работают за демонски скупую благодарность ваших столичных, напoмаженных задниц.

За спиной губернатора, в проеме двери управы, показалась женщина средних лет в очках и с папкой документов. Она не вмешивалась в разговор, но, судя по выражению лица, наслаждалась выволочкой.

Наленский несколько раз открывал рот, пытаясь вставить хоть слово, но каждый раз губернатор начинал новое предложение прежде, чем Старший Магистр успевал закончить предыдущий вдох. Наконец, Наленский просто молча полез во внутренний карман плаща и достал конверт.

Он резко его раскрыл, демонстрируя содержимое. Внутри лежал чек. На гербовой банковской бумаге, с печатью Гильдии Охотников, подписью казначея и суммой, которую Ардан не успел разглядеть, но которая, судя по тому, как чуть приподнялись брови губернатора, оказалась вполне достаточной. Следом из конверта показалось и сопроводительное письмо.

– Давайте сюда, – губернатор, процедив несколько проклятий, забрал чек, достал из кармана безрукавки очки в жестяной оправе, водрузил их на нос и принялся изучать документ с тщательностью, которая сделала бы честь любому ревизору.

Бывший военный проверил подпись, печать, номер, дату, сумму прописью и сумму цифрами, и только после этого – через добрых две минуты, в течение которых Наленский стоял с выражением оскорбленного достоинства, а Таисия мудро разглядывала вывеску аптеки на другой стороне площади, – кивнул.

– Хорошо, – произнес он сухо и спрятал чек в нагрудный карман. – Подождите в гостинице, господин Наленский. Мне потребуется несколько часов, чтобы оповестить носильщиков, проверить лошадей и подготовить дилижансы. Завтракайте, отдыхайте и, ради всего святого, не позволяйте вашим охотникам громить мой город. И особенно – держите их подальше от юбок. Потому что, клянусь Вечными Ангелами, если после вашей экспедиции у меня в реестре опять появится несколько безотцовщин, я закрою город от Гильдии ко всем блядским, прошу прощения, госпожа... Ко всем блядским демонам! И пусть меня сместят, но пока Парламент подпишет отставку, пройдут несколько сезонов, в течение которых вы не увидите даже границы Парка!

Губернатор резко развернулся и, поскрипывая протезом, зашел обратно в управу, где женщина в очках уже протягивала ему следующую папку. Дверь закрылась, и на крыльце остался только запах трубочного табака.

Наленский постоял несколько секунд, глядя на закрытую дверь с выражением человека, которого только что огрели по голове и который еще не решил, обидеться ему или посмеяться. Затем он расправил плечи, повернулся к Таисии и, натянув на лицо свою обычную улыбку, предложил ей руку.

– Что ж, милая Таисия, раз нам велено завтракать, не будем огорчать нашего гостеприимного хозяина своим отказом, – произнес он таким тоном, словно пошутил.

А может, действительно шутил?

Ардан тяжело вздохнул. Человеческий юмор и так давался ему не без труда, а тут еще и подобные замашки.

Они втроем направились к гостинице. Таисия, шагнувшая рядом с Наленским, чуть наклонилась к нему и произнесла со все той же восторженной наивностью, которая уже давно перестала обманывать Арда, но, судя по всему, продолжала безотказно работать на Старшем Магистре:

– Скажите, Чаз, а что за проблема с финансами у Гильдии? – Она одновременно шептала и говорила на выдохе, чуть напоминая манеру разговора, используемую в куда более пикантных и интимных обстоятельствах. – Мне показалось, что этот суровый господин был весьма раздо-

садован задержкой оплаты, и, признаться, я немного обеспокоена тем, достаточно ли средств у экспедиции для обеспечения нашей с вами безопасности.

Наленский отмахнулся широким жестом свободной руки. Помпезно блеснули «Линири Ирика» на его запястье. Одних только их хватило бы на оплату, скорее всего, половины этого предприятия.

– Проблема не с финансами, милая Таисия, а с финансистами, – ответил он с небрежной усмешкой. – Мелкие бюрократы, которые путают казенные деньги с собственным карманом и задерживают платежи ровно на столько, чтобы успеть прокрутить средства через инвестиционные схемы. Старая болезнь любого банковского учреждения. Не берите в голову. Они пытаются выиграть за квартал процент, с которого опять же снимут себе сливки. И учитывая, что мы должны казне Еллика чуть меньше восемнадцати тысяч, то они надеются поднять... семьсот сорок эксов. И именно из-за них я вынужден стоять и слушать истерику одноногого губернатора.

Ардан, идя позади, пытался понять, врал Наленский или нет. Чутье подсказывало, что ответ находился где-то посередине. Скорее всего, Старший Магистр лукавил.

Не грубо, не топорно, а с той элегантной небрежностью, с которой врут люди, привыкшие к тому, что их ложь принимают за правду. Проблема заключалась только в том, что Ард не мог этого подтвердить. На шее Старшего Магистра, спрятанный воротником рубашки, висел весьма своеобразный амулет.

Небольшой кусок кости какого-то животного, на котором была вырезана руна. Руна на языке Фае. И она создавала вокруг Наленского тонкую, едва ощутимую завесу, которая размывала ритм его сердцебиения, превращая тот в ровный, невнятный гул. Ард слышал стук сердца Таисии, слышал сердца прохожих и даже сердце лошади, привязанной к коновязи через дорогу, но сердце Наленского ускользало от него верткой рыбкой в мутном ручье.

Довольно редкая и очень специфическая магия искусства Эан'Хане. Такое даже на Неспящей улице не купишь. Да и более того – надо обладать весьма глубокими познаниями Эан'Хане, чтобы в принципе знать о существовании подобной защиты от слуха некоторых Первородных.

Так что это могло быть обычной мерой предосторожности, ведь амулеты подобного толка (*не точно такие же, но с похожими защитными чарами*) носили многие чиновники и дипломаты, но могло означать и нечто большее, о чем Ардан предпочитал пока не «думать вслух».

Гостиница «Напившаяся Шишка» занимала двухэтажное деревянное здание на краю площади. С просторным обеденным залом на первом этаже и комнатами для постояльцев на втором, она выглядела вполне сносно. Внутри было тепло и пахло сосновой смолой, жареной картошкой и тем особым уютом, присущим маленьким постоялым дворам, где хозяйка знает каждого гостя по имени и помнит, кто любит сахар в чае, а кто предпочитает без.

Их троица устроилась за столом у окна, и Наленский тут же принялся изучать меню, написанное от руки на грифельной доске, а Таисия, отвернувшись к окну, наблюдала за тем, как по площади проходил мужчина с тележкой, груженной дровами. Его собака, рыжая и лохматая, трусила рядом, время от времени поднимая лапу на каждый столб.

Ардан не успел сесть, как кто-то тронул его за плечо.

Он обернулся и увидел перед собой человека, от одного взгляда на которого становилось понятно, что перед тобой совсем не клерк и далеко не ученый или чиновник.

Мужчина заполнял собой буквально все окружающее пространство. Ростом он был примерно с Александра Урского, может чуть ниже, но шире в плечах, с примерно такой же комплекцией.

Левый глаз у него отливал стеклом и косил в сторону. Не самый дорогой протез – стеклянный шарик чуть отличался по цвету от правого, живого, искажая всю левую половину лица. На поясе, так же слева, висел широкий палаш в потертых ножнах, а над ним, на перевязи из сыромятной кожи, покачивались колбочки с жидкостями, которые Арди легко опознал.

Препараты, направленные на усиление физических способностей организма. Ардан видел их в описаниях, которые изучал в библиотеке Большого по алхимии для военных. В левой колбочке (*бледно-зеленая жидкость с характерной маслянистой пленкой на поверхности*) содержался стимулятор адренокортикотропного гормона, ускорявший реакцию надпочечников и, как следствие, повышавший скорость нервно-мышечной проводимости.

В правой, янтарной, мутноватой – модифицированный агонист дофаминовых рецепторов, усиливавший когнитивные функции и скорость обработки сенсорной информации. Не говоря уже про куда более элементарные смеси, уплотнявшие сами мышечные волокна и расширявшие кровяные потоки.

Вместе они давали охотнику примерно сорок минут сверхчеловеческих рефлексов и силы, после чего организм расплавлялся судорогами, тошнотой и, при регулярном применении, кое-чем похуже.

И это «похуже» Ардан в данном случае имел возможность рассмотреть в непосредственной близости от себя. Руки охотника выглядели намного длиннее, чем следовало при его росте и пропорциях туловища. Предплечья вытянулись на несколько сантиметров за границу анатомической нормы, и кисти, хоть и мощные, висели чуть ниже, чем должны были, придавая силуэту нечто едва уловимо неправильное. Ноги – тоже, особенно голени, которые под штанинами угадывались непропорционально массивными по отношению к бедрам.

Все это не являлось наследственной чертой смешения кровей человека и Первородного. Стандартная приобретенная деформация – медленная, постепенная перестройка скелета под воздействием алхимических стимуляторов, которые, помимо основного эффекта, запускали побочные процессы роста в хрящевых тканях.

И все бы ничего, но такая практика сокращала срок жизни примерно вдвое. Из-за чего ее, к примеру, не использовали в регулярных подразделениях ни Армии, ни корпуса стражей, ни даже Черного Дома. Да, в редких случаях и для определенных задач, но не регулярно. Чего, разумеется, не скажешь об Охотниках.

Впрочем, приобрести подобные «зелья» можно было лишь по специальной лицензии в столь же специализированных лавках или алхимических отделениях Рынка Заклинаний.

– Капитан Скофский? – Голос у него прозвучал низко и ровно, чем-то напоминая натянутую струну.

– Совершенно верно, – кивнул Ардан.

– Драбомир Залесский, – представился охотник и протянул руку. – Начальник оперативного крыла экспедиции.

Его рукопожатие оказалось в точности таким, каким и следовало ожидать, – крепким, коротким и деловым. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова.

– Пройдемте, капитан, – Залесский кивнул в сторону дальнего конца зала, где за столом уже сидели двое знакомых Арду лиц. – Нам нужно обсудить порядок охранения экспедиции на марше и в лагере.

Даже слова он подбирал весьма специфические.

За столом, поверх которого была расстелена карта Северного Парка, придавленная по углам кружками с недопитым чаем, сидели капитаны Мелин и Рогов. Рыжебородый Мелин, завидев Арда, чуть сузил глаза, но промолчал. Рогов же, худой и серый (*как взглядом, так и наружностью*), просто скользнул по визитеру взглядом и вернулся к карте, на которой уже успели разметить карандашом наброски маршрутов и стоянок.

Залесский сел во главе стола и без предисловий приступил к делу.

– Экспедиция делится на три группы. Научная, под руководством Старшего Магистра Наленского, – он произнес это имя без всякого лишнего пиетета. – Оперативная, под моим командованием – сорок охотников, разбитых на пятерки. И магическое обеспечение – вы трое. Два Синих военных мага и один гражданский Синий, – он кивнул на Арда. – Наша задача –

обеспечить безопасность научной группы на протяжении всего маршрута и периода работы в Парке. Господа военные маги, насколько я понимаю, у вас уже есть опыт подобных экспедиций.

Мелин откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

– Не первый раз на скачках, Залесский, – произнес он с той же самоуверенностью, которая звучала в его голосе еще в салуне Рейнара. – Мы с Роговым ходили с Гильдией в Ральское приграничье два года назад и в Лазурный парк – прошлой осенью. Так что уже знаем ваш дурацкий регламент. Что делать, как ставить периметр, как работать в паре с охотниками и как прикрывать отход, если прижмет ваши высоконаучные рожи.

– Рад слышать, – кивнул Залесский, игнорируя неприкрытые грубости. – Вопрос в том, знает ли это ваш коллега.

Все трое посмотрели на Арда. Мелин с откровенным недоверием, Рогов с холодной оценкой, а Залесский – просто ожидая ответа.

– Капитан Скофский, – Рогов заговорил первым, и его серые глаза задержались на посохе Арда дольше требуемого. – Ваш послужной список говорит о трех годах в корпусе маршалов. Степная служба, патрулирование, охрана караванов. С аномалиями работали?

– Работал, – коротко ответил Ард.

– С какими именно? – Мелин чуть подался вперед, и рыжая борода воинственно встопорщилась. – Степные Тушканы и Огненные Ящерицы не считаются, капитан.

– Не считаются, – снова легко согласился Ард. В его голосе не прозвучало ни обиды, ни вызова, но и ни грамма желания оправдываться.

В его представлении именно так должен был общаться контуженный военный маг, проводивший несколько лет в степях Предгорной губернии.

Рогов переглянулся с Мелиным, и между ними пробежало нечто похожее на молчаливое согласие.

– Послушайте, Скофский, – Рогов заговорил чуть мягче, но Арди прекрасно слышал стук его сердца и чувствовал характерный неприятный запах. – Мы ничего не имеем против вас лично, но работать в тройке можно только с человеком, в котором уверен. А мы вас не знаем, и ваше лицо, уж простите, не вызывает у нас желания присмотреться повнимательнее. Во всех смыслах... И главное – мы не понимаем, как гражданский охранник частного бюро оказался в магическом обеспечении экспедиции Гильдии Охотников.

Мелин тут же подхватил:

– Госпоже Шприц, возможно, стоит подписать с нами дополнительный контракт, если она хочет, чтобы ее охрану обеспечивали люди с реальным боевым опытом, а не ряженный калека из «Тутского и партнеров».

Арда мысленно досчитал до четырнадцати. Вот теперь он уже шел на новый личный рекорд, и это было одновременно немного забавно и тревожно.

Он уже собирался ответить. Спокойно, ровно, без угроз и без лишних объяснений. Просто обозначить свою позицию так, как его учил Милар. Но внезапно за его спиной раздался знакомый голос, в котором сарказм и нежность переплетались так плотно, что разделить их не представлялось возможным.

– Господа, – Таисия появилась рядом со столом, и Арда даже не услышал, как она подошла, что для его слуха было, мягко говоря, необычно. – Боюсь, что вы немного неправильно понимаете ситуацию. Капитан Скофский не имеет к вашему оперативному обеспечению ровно никакого отношения, потому как он является моим личным телохранителем и будет оберегать исключительно мою персону, а не заниматься охраной каких-то там периметров, и уж точно я не оплачивала его прогулки в дозоры в вашей тесной мужской компании.

Она произнесла это с той самой глуповатой улыбкой, которую обычно приберегала для Наленского, вот только на сей раз ее глаза сияли холодным и ясным светом.

– Так что ваши справедливые опасения совершенно напрасны, капитан Мелин, – продолжила она, чуть наклонив голову. – Вам не придется работать в тройке с человеком, которого вы не знаете. Вы будете работать в паре, как и привыкли, а капитан Скофский составит компанию исключительно мне. И будет делать то, за что ему платит мое издательство. Все довольны?

Мелин хотел что-то возразить, но Рогов снова положил ему руку на плечо, и рыжебородый, скрипнув зубами, откинулся на спинку стула и замолчал.

Залесский посмотрел на Таисию, потом на Арда, потом снова на Таисию и, кажется, пришел к какому-то собственному выводу, который, впрочем, его вполне устроил.

– Принято, – сказал он коротко. – Пара Мелин – Рогов работает с моими пятерками по стандартной схеме. Капитан Скофский – при госпоже Шприц. Вопросы?

Вопросов не последовало, хотя взгляды Мелина и Рогова, провожавшие Арда и Таисию, когда те уходили из-за стола, не обещали ничего даже отдаленно похожего на «понимание».

Да что не так с этими капитанами?

Причем у Арди не имелось никакого резона подозревать их в работе на Кукловодов, потому как Черный Дом, зная списки экспедиции, проверил всех магов едва ли не до прадедушек с прабабушками. Биографии Рогова с Мелиным не оставляли повода для размышлений на тему их измены своим присягам.

Таисия вела Арда к их столу у окна, где Наленский уже расправлялся с тарелкой жареной картошки с такой скоростью, будто переживал, что у него отберут еду. На улице, за все еще мокрым от утреннего тумана стеклом, двое охотников чистили лошадей, а мальчишка лет десяти катил бочку с водой к конюшне.

– Спасибо, – тихо сказал Ард, когда они отошли достаточно далеко от стола Залесского.

Таисия покосилась на него и впервые за все дни их путешествия ответила без всякой колкости, яда и без притворства:

– Не за что, *Скофский*. Просто постарайтесь не дать мне повода пожалеть о том, что я подыгрываю вашей легенде.

Ард кивнул и, прежде чем сесть за стол, бросил взгляд через плечо. Мелин и Рогов разглядывали карту. И будто бы забыли об очередной перепалке, но Ард видел, как пальцы Мелина, лежавшие на краю стола, едва заметно барабанили по дереву. Совсем не так, как у задумавшегося человека. Скорее как у того, кто едва сдерживал свой яростный порыв.

За окном ветер гнал по площади обрывок газеты, и тот все кружился в пылевых вихрях, пока не застрял в луже у крыльца управы.

– Таисия.

– Что, мой дорогой обезображенный капитан? – В тон госпожи Шприц снова вернулся прежний сарказм.

– В биографии Мелина и Рогова есть запись о том, что их уволили с фронтовой службы из-за отношений, порочащих честь мундира, – припомнил Арди. – А вы, насколько я помню, проводили расследования о полевых борделях и распространении венерических заболеваний среди служащих северного фронта. И тогда по решению трибунала из армии выгнали целый перечень имен, лишив пенсий и наград. Включая магов.

Таисия промолчала.

– Ваша статья как-то связана с их увольнением?

Женщина ответила не сразу.

– Возможно, капитан, возможно...

Арда еще раз повернулся к двум капитанам. Теперь понятно, почему они так сильно пытались добиться того, чтобы Таисия оказалась под их «крылом». Мысль весьма простая. Экспедиции в такие места, как Парки Аномалий, мало чем отличались по уровню опасности от посещения Мертвых Земель. Так что достаточно какого-то небольшого несчастного случая;

некоего «происшествия», на которое Мелин с Роговым «никак не смогут повлиять», чтобы Таисия навсегда осталась в Парке.

Простая и элегантная месть.

– *Ahgrat*, – тихо проскрипел зубами Арди.

– Будьте здоровы, капитан, – отозвалась Таисия. – И надеюсь, вы носите свои погоны не просто так.

Губернатор выполнил свою часть сделки быстрее и прилежнее, чем Ардан ожидал от человека, которому пришлось выслушивать претензии Наленского и при этом не застрелить того на месте. К четырем часам пополудни на пустыре за восточной окраиной Еллика, среди торчащих из земли колышков с натянутыми веревками и штабелями свежих досок (*явно готовили площадку под какую-то масштабную стройку*), собрался караван.

Лошади мирно отдыхали у рядов длинной коновязи, сколоченной из неструганых жердей. Их привели порядка тридцати, и ни одна из них, признаться, не вызвала бы ажиотажа на аукционе в Предгорной губернии.

Невысокие, коренастые, с густыми гривами и широкими копытами, приспособленными скорее к горным тропам и размытым лесным дорогам, чем к просторам юга. Большинство из них, как автомобили в Метрополии, хранили на себе отметины рабочей жизни. Потертости на боках от упряжи, шрамы от хлыстов и сучьев, облысевшие участки на крупе, где седло годами натирало спину.

Породистых среди них, разумеется, не сыщешь. Но Ард, шесть лет трудившийся на ферме, прекрасно понимал, что порода в таких местах значит куда меньше, чем приспособленность к пронизывающему холоду, выносливость на подъемах и способность не споткнуться на мокром камне.

Дилижансы, впрочем, выглядели внушительнее своих «живых двигателей».

В количестве семи штук, они стояли в сторонке от копытных. Массивные, четырехколесные, с деревянными «корзинами» на железных рамах и тканевыми навесами поверх дуговых каркасов. Колеса, окованные стальными ободами, доходили Арду почти до пояса, а ступицы были укреплены дополнительными болтами, которые, судя по свежим царапинам на металле, прикрутили буквально только что. Каждый вагончик тянула четверка лошадей, в упряжи из толстой кожи и с латунными пряжками. Амуниция выглядела такой же потрепанной, как и сами тягловые, но вполне надежной.

На козлах каждого экипажа имелось место для двух человек, а под навесом, на деревянном полу, кольцами были вкручены железные крюки, через которые уже пропускали канаты для крепления груза.

Ардан, придирчиво, со знанием дела оценивавший каждую деталь, отметил, что рессоры у дилижансов были листовые. Старого образца. Из-за них на серьезных ухабах содержимое корзины будет подпрыгивать так, что никакие канаты не помогут, если их не придерживать руками. Собственно, именно для этого и нужны были носильщики.

А носильщиками оказались совсем мальчишки.

Их собралось на пустыре ровно два десятка. Юноши от пятнадцати до семнадцати лет. Худые, загорелые, в стоптанных сапогах и рабочих куртках, перешитых из отцовских или тех, что остались от старших братьев. У некоторых на поясах висели ножи в самодельных ножнах, а у одного, самого рослого, с копной соломенных волос и веснушками на обветренном лице, за спиной болталась охотничья винтовка, явно помнившая лучшие времена.

Носильщики стояли обособленной группкой. Они переговаривались между собой вполголоса и бросали на приезжих любопытные, но осторожные взгляды. Ни робости, ни страха в этих глазах Ардан не увидел. Скорее уже некую привычность, что ли, к подобному виду деятельности.

Таисия, наблюдавшая за сборами с крыльца гостиницы, подошла к Арду и, понизив голос, произнесла с неподдельным беспокойством:

– *Скофский*, половина из них – просто дети, – она была немного оторопевшей. – Мы нанимаем детей без каких-либо документов в недельное путешествие по степям. Три с половиной дня до Парка, и им еще столько же обратно.

Ардан повернулся к выросшей в городе журналистке и спокойно ответил:

– Это единственный способ заработать здесь, Таисия, – пожал он плечами. – Посмотрите вокруг. Почва в Еллике и его окрестностях не годится ни для пашни, ни для пастбищ. Ближайшие добывающие предприятия, рудники и Эрталайновые шахты находятся в нескольких днях пути на юг, и попасть туда без рекомендации от Гильдии Рабочих и Строителей практически невозможно. Так что этот город живет за счет Парка и проводников по нему. Уверен, что каждый из этих парней, скорее всего, ходил в лес с отцом или старшим братом с десяти, а то и с восьми лет. Они знают тропы лучше, чем Охотники из столицы, и, уж поверьте, справятся с канатами и крюками куда надежнее любого взрослого рабочего, которого Гильдия притащила бы с собой из столицы. Так что здесь вы порочащей информации не найдете.

Таисия промолчала. Глядя на мальчишек, она чуть поджала губы и так больше ничего и не сказала. Ард чувствовал, что журналистка с ним не согласна, но и спорить дальше не стала, а для Таисии Шприц это было почти равнозначно признанию правоты собеседника.

Погрузка началась через полчаса и растянулась на весь остаток вечера. Носильщики, работая едва ли не в полной тишине, с привычной сноровкой подхватывали тяжелые деревянные ящики, обитые жестью, и парами или тройками затаскивали их внутрь дилижансов по откидным дощатым сходням. Каждый ящик крепился к полу пеньковыми канатами, пропущенными через железные крюки и завязанными морскими узлами, которые мальчишки вязали с такой скоростью, что Ард не успевал следить за их пальцами.

Суть работы носильщиков, на деле, заключалась не столько в самой погрузке, сколько в том, что на протяжении всего пути кто-то должен был сидеть внутри дилижанса и придерживать канаты на каждом ухабе, каждом спуске и каждом повороте, не позволяя ящикам сместиться и опрокинуть экипаж. Простая, но монотонная и утомительная задача, требовавшая крепких рук и буквально ослиного терпения.

Однажды на ферму Полского приезжала экспедиция Гильдии Наук, которой требовались носильщики до Алькадских предгорий. Они занимались изысканиями новых Эрталайновых жил. Ардан сперва было даже вызвался, но, узнав суть задачи, тут же отказался. Сидеть в обнимку с деревянным ящиком на протяжении нескольких дней – это не стоило тех пяти эксов, которые ему предлагали за три дня пути.

Здесь, наверное, платили немногим больше.

Пока носильщики работали, исследователей, охотников и магов подпустили к табуну.

Ардан не торопился. Он стоял в стороне, наблюдая, как Мелин с Роговым, явно знавшие толк в лошадях, первыми подошли к коновязи и, бегло осмотрев животных, выбрали себе двух самых крупных меринов. Гнедого и вороного. Оба крепких и жилистых.

Залесский тоже не мешкал и увел себе массивного серого жеребца с тяжелой головой и копытами размером с суповую тарелку.

Охотники же, хохоча и толкаясь, разбирали оставшихся, и через четверть часа у коновязи осталось десятка полтора лошадей, мало чем отличавшихся от тех, что уже увели.

Ард прошел вдоль ряда и остановился перед пегой кобылой, стоявшей в самом конце. Она была невысокой, заметно мельче остальных, с узкой грудью и длинными, сухими ногами. Ее грива, белая с темными пятнами, немного спуталась и забилась репьями, а шерсть на боках свалилась и потускнела от недостатка ухода. Но ее глаза, большие, темные, с густыми ресницами, смотрели на Арда спокойно и внимательно. Без той нервной настороженности, которая тлела во взглядах более крупных и норовистых собратьев.

Арди улыбнулся. На длинном марше и в лесу, где тропы петляют между корнями и камнями, где ветки хлещут по морде коня и лицу наездника, а из кустов в любой момент может выскочить нечто с когтями и зубами, самое важное у твоего «транспорта» – вовсе не сила и порой даже не выносливость, а банальное спокойствие.

Сильная, быстрая, но нервная лошадь на лесной тропе становилась обузой, способной сбросить наездника после первого же хруста ветки или шороха в подлеске. А спокойная, пусть и не такая мощная, кобыла, но уже давно привыкшая к лесным звукам и запахам, стояла десяти горячих жеребцов.

Арди это знал... с другой стороны лесного массива. Лошади порой забредали в лесные разливы Алькады. Нерадивые ковбои могли их упустить, или же неудачливые конокрады избавлялись от добычи, заматаывая следы перед маршалами. Шали учила Арда, на всякий случай, если наступит сезон Голода, как охотиться на лошадей.

Ардан оглянулся по сторонам.

Охотники были заняты своими скакунами. Носильщики грузили последние ящики. Наленский спорил о чем-то с Залесским возле головного дилижанса. Таисия курила у крыльца гостиницы, разглядывая закат. Никто не обращал на Арда ни малейшего внимания.

Он шагнул к кобыле, протянул руку и положил ладонь ей на шею. Шерсть под его пальцами отозвалась теплом и едва заметной влагой, оставленной вечерней росой. Лошадь не шарахнулась, не дернулась, а просто повернула голову и ткнулась мягкими, бархатными губами ему в плечо.

Ард наклонился к ее уху и тихо, почти беззвучно, произнес слова на языке, которого не знал ни один человек в этом городе. На языке, у которого не существовало письменности, потому что ее никто не придумал. Он появился так же, как появляются на свет деревья и травы, и принадлежал тем, кто жил среди них.

– *Здравствуй, дух северных степей и леса,* – прошептал Ардан. – *Я буду братом тебе, а ты сестрой мне. Я буду заботиться о тебе, как могу. А ты помоги мне. Ты и я, северный брат.*

Кобыла фыркнула. Ее ноздри раздулись, втягивая запах Арда. Не совсем человеческий, с той примесью чего-то лесного, звериного, древнего, что досталось ему от матабарской крови. Кобыла подняла голову, встряхнула гривой, и в ее темных глазах мелькнуло нечто, напоминавшее узнавание.

И она ответила на ломаном языке диких зверей.

– *Брат. Бежать, когда бежать. Спать, когда стоять. Есть. Пить. Ты и я.*

Ардан улыбнулся. Впервые за все дни путешествия он улыбнулся по-настоящему. Не из вежливости и не из необходимости поддержать светский облик, а просто потому, что рядом с ним оказалось живое существо, при котором не требовалось притворяться. Он погладил кобылу по морде, убрал репы из гривы и отвязал поводья от коновязи.

Седло ему досталось явно не из лучших. Потертое, армейского образца, с высокой передней лукой и широкими путлищами. Ард перекинул его через спину кобылы, расправил потник, чтобы нигде не образовалось складок, которые могли бы натереть шкуру, и затянул подпругу.

Он постарался сделать не слишком туго, оставив зазор в ладонь, чтобы лошади было комфортно дышать на подъемах. Потом, через минуту, когда кобыла выдохнула и ее ребра чуть сузились, подтянул подпругу еще на одно деление, окончательно зафиксировав седло.

Стремена он отрегулировал под свой рост. Длинные ноги требовали того, чтобы кожаные путлища были опущены почти до предела, иначе колени упирались бы в луку на каждом шаге. Проверил мартингал, убедился, что трензель правильно сидит во рту кобылы, не защемляя десны, и подтянул наносный ремень оголовья на один шпенек.

Еще раз проверив путлища, которые вечно доставляли ему проблемы, Арди принялся за седельные сумки, распределяя вес равномерно по обоим бокам. В левую уложил смену белья, запасные носки, войлочную подстилку для ночевки на земле и набор для чистки посоха, кото-

рый Дагдаг вручил ему перед отъездом вместе с запиской, в которой значилось только одно слово: «ЧИСТИ!» Как будто Ардан никогда не чистил посох...

Взгляд ненароком зацепился за засохшую грязь, впившуюся в зазоры, оставленные потрескавшимся лаком.

Ладно, возможно, лейтенант Дагдаг прав...

В правую сумку отправился провиант, который приготовила Тесс. Она собрала все в промасленную ткань, перевязала бечевкой и вложила внутрь записку, которую Ард уже прочитал раза четыре, но собирался прочитать и пятый.

Шкатулку с накопителями он убрал самой последней, обложив ее со всех сторон мягкой тканью и перетянув дополнительным ремешком, чтобы та не болталась на тряске. Шестнадцать накопителей на каждую Звезду – целое состояние, которое при неосторожном обращении могло не только разбиться, но и взорваться, хотя последнее было, конечно, маловероятным.

Риск разрушения военного накопителя, в отличие от бытового, находился за пределами нулевой отметки. «Околонулевая вероятность» порой становилась пищей для шуток и баек военных магов.

Так что Дагдаг, как и положено по регламенту, предупредил Арда и с какой-то чересчур радостной улыбкой рассказывал, что произойдет, если Ардан не сопроводит трату каждого из накопителей полным и подробным отчетом, на какие цели тот использовался. Ард проникся и не собирался проверять границы дворфского оптимизма на собственной шкуре. Дворф-полукровка и так держал на него если не обиду, то раздражение из-за результатов гонки.

Снаряжение дилижансов и лошадей растянулось почти до самых сумерек. Солнце, скатившись за холмы, оставило на небе длинную алую полосу, которая медленно истончалась, уступая место мерцающим звездам. И когда последний ящик был закреплен и последний канат затянут, над Елликом уже повисла ночь.

Ардан ожидал, что караван отправится утром, после отдыха и завтрака, но Наленский распорядился иначе.

– Выступаем немедленно, – объявил Старший Магистр, застегивая перчатки и оглядывая собравшихся с козел головного дилижанса. – Каждый день промедления – это деньги, которые Гильдия платит за простой лошадей и жалованье носильщиков. Чем быстрее мы доберемся до Первой Станции, тем быстрее начнем работу.

Залесский, стоявший рядом со своим серым жеребцом, чуть повернул голову и посмотрел на Наленского так, как смотрят на человека, который только что предложил нечто настолько нелепое, что даже обижаться нет смысла.

– Господин Старший Магистр, – произнес он ровно, и его стеклянный глаз тускло блеснул в свете факелов, которые уже зажгли носильщики. – Дорога до Первой Станции проходит через Волчий Плед и Медвежий Разлом. Оба участка непригодны для ночного передвижения каравана, особенно с нагруженными дилижансами и без предварительной разведки троп.

– Я прекрасно осведомлен о маршруте, Залесский, – Наленский даже головы не повернул. Будто погоду обсуждал, а не связанное с риском путешествие. – И так же прекрасно осведомлен о том, что ваши охотники получают посуточное жалованье, которое я не намерен платить за простой и попойку в салуне.

– Это не вопрос денег, господин Старший Магистр, – возразил Залесский. – Это вопрос безопасности. Причем, в том числе, и вашей. Ночью, на незнакомой тропе, с дилижансами на рессорах тридцатилетней давности и лошадьми, которые устали стоять в конюшне и нервничают от факельного света, мы рискуем больше требуемого. Не говоря уже о том, что все устали после тряски в поезде.

Наленский наконец закончил возиться на козлах, убрал посох в специальную стойку и повернулся к Залесскому. В его глазах, обычно масляных и благодушных, проступило нечто жесткое и холодное, вновь напомнившее Арду о том, что этот человек носил Желтый плащ.

– Не забывайте свое место, господин Залесский, – произнес он негромко, но так, чтобы все услышали. – Здесь я решаю, что и когда нам делать, а не вы. Вы мой подчиненный. А не наоборот. Так что мы отправляемся сейчас. И ни слова больше.

Залесский стиснул челюсть. Мышцы на его непропорционально длинных предплечьях напряглись, и пальцы, лежавшие на рукояти палаша, побелели в костяшках. Но охотник промолчал. Он резко развернулся, вскочил в седло и коротко свистнул своим подчиненным. Те, обмениваясь недовольными взглядами и руганью вполголоса, начали занимать свои позиции вдоль каравана.

Ард поднялся в стремя. Кобыла приняла его вес без особого ропота, только чуть переступила передними ногами, устраиваясь поудобнее, и повернула голову, коснувшись его колена теплым дыханием.

Караван тронулся.

Дилижансы покатались по дороге, скрипя рессорами и покачиваясь на ухабах, как лодки на пологой волне. Факелы на шестах, вставленных в крепления по бокам каждого экипажа, бросали оранжевые пятна света на дорогу, и в этих пятнах металась тень лошадей, людей и редких деревьев, сливаясь в сплошной, подвижный узор. Копыта стучали по утопанной земле, сбруя звенела, и из-под навесов дилижансов доносились голоса носильщиков, перекликавшихся в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.